
Т Р У Д Ы
НА У Ч Н О -
И С С Л Е Д О В А Т Е Л Ь С К О Г О
И Н С Т И Т У Т А
МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Выпуск 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1957

И С Т О Р И Я
МУЗЕЙНОГО
Д Е Л А
В
С С С Р

Сборник статей

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1957

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издаваемый Научно-исследовательским институтом музееведения первый выпуск «Трудов» посвящен истории музейного дела в СССР.

Изучение истории музейного дела в СССР имеет большое значение для советского музейного строительства. В то же время история музейного дела в СССР является важной составной частью истории отечественной культуры и науки. С момента своего возникновения музеи были тесно связаны с развитием науки и искусства, в них концентрировались важнейшие первоисточники научных знаний, выдающиеся памятники культуры. Изучение истории музеев убедительно показывает их огромный вклад в сокровищницу отечественной культуры.

Трудно также переоценить значение истории музейного дела в СССР для разработки основных вопросов советского музееведения. «Без истории предмета, — указывал Н. Г. Чернышевский, — нет теории предмета, но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»¹.

Институтом выпущены «Основы советского музееведения», в которых делается первая попытка определения предмета музееведения, его значения и границ. Однако дальнейшая разработка теории советского музееведения тормозится неизученностью истории отечественного музейного дела, вследствие чего остается непроанализированным и необобщенным накопленный в прошлом богатый опыт наших музеев.

В настоящее время институт приступил к разработке основных проблем истории отечественного музейного дела, имея в виду подготовку обобщающего труда по истории музейного дела в СССР. Создание этого труда, как это указано в постановлении Совета Министров РСФСР от 11 января 1954 г., является важнейшей задачей института.

¹ Н. Г. Чернышевский. Избр. философск. соч. М., 1938, стр. 420—421.

При подготовке обобщающего труда по истории музейного дела в СССР возникают серьезные трудности, связанные с полной неизученностью большинства основных проблем, невыявленностью источников, отсутствием каких-либо предварительных исследований по частным проблемам, по истории отдельных музеев, в том числе и крупнейших. Учитывая все это, институт приступает к изданию серии сборников статей, посвященных конкретным вопросам истории отечественного музейного дела, выражая надежду, что в этих сборниках примет участие широкий круг музейных работников. Институт считает, что только в результате работы большого коллектива исследователей, включающего представителей музеев различных профилей, можно будет должным образом осветить историю музейного дела в нашей стране. Большую роль при этом может сыграть монографическое изучение истории отдельных музеев, прежде всего ведущих музеев данного профиля, истории музеев национальных республик, а также освещение различных сторон музейного строительства и охраны памятников культуры.

Публикация такого рода частных исследований даст возможность углубленного обсуждения основных проблем отечественной истории музейного дела, что является необходимой предпосылкой для создания обобщающего труда по истории музейного дела в СССР.

Институт выражает надежду, что издание этого сборника послужит стимулом к развертыванию работы по изучению истории музейного дела, что научные коллективы займутся разработкой истории своих музеев.

Институт с благодарностью примет все конкретные замечания и пожелания по тексту статей данного сборника.

В. К. Гарданов

В. К. ГАРДАНОВ

МУЗЕЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1920 гг.)

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, положила начало строительству самой передовой в мире советской культуры.

Советский общественный и государственный строй явился фундаментом и решающим фактором в деле строительства нового, невиданного еще в мире типа культуры, унаследовавшей все наиболее прогрессивное, что было создано народом на протяжении предшествующей истории. Коммунистическая партия и Советское государство последовательно и неуклонно добиваются, чтобы развитие советской культуры шло в ногу со всей борьбой советского народа за построение коммунизма, чтобы советская культура обслуживала подлинные нужды народа и способствовала успешному продвижению вперед — к высотам коммунизма.

Советская культура развивается на теоретической основе марксизма-ленинизма. Это обеспечивает советской культуре правильную генеральную линию развития, делает ее высокоидейной, подлинно народной культурой, опирающейся на единственно научное и революционное мировоззрение нашего времени.

Выдающуюся роль в создании советской культуры сыграл великий основатель и вождь Коммунистической партии В. И. Ленин.

Еще задолго до Великой Октябрьской революции В. И. Ленин приступил к разработке основных принципов, которыми должны руководствоваться партия и рабочий класс в деле строительства новой, социалистической культуры после установления диктатуры пролетариата. Ленин выдвинул принцип партийности и социалистической идейности культуры рабочего класса, руководимого революционной марксистской партией.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистическая партия и Советское правительство начали грандиоз-

ную преобразовательную работу в области науки, культуры и просвещения. Возглавляя практическую созидательную деятельность Советского государства по строительству социалистической культуры, В. И. Ленин продолжал в то же время борьбу со всякого рода буржуазными и мелкобуржуазными концепциями и «теориями», группами и «школами», мешавшими и тормозившими и без того трудное дело строительства новой, советской культуры.

В своих взглядах на культуру советского общества В. И. Ленин исходил из марксистского положения об исторической преемственности в развитии человеческой культуры. Ленин учил, что советская социалистическая культура «...не является выскочившей неизвестно откуда»¹, а должна быть закономерным развитием всего лучшего и передового, что было создано в области культуры предшествующими поколениями. Важнейшая задача победившего пролетариата, неоднократно указывал Ленин, — овладеть культурным наследием прошлого, сделать его достоянием всего народа, использовать культурные ценности старого мира для строительства новой, более высокой культуры социалистического общества. Поэтому Ленин с первых же дней установления Советской власти призывал рабочий класс и всех трудящихся России «...взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и осталась как материальный базис социализма»².

Исходя из ленинской оценки культурного наследия прошлого, Коммунистическая партия и Советское правительство определяли политику по основным вопросам музейного строительства и охраны памятников культуры.

Советские музеи являются неотъемлемой составной частью советской культуры. С самого начала своего существования они были призваны собирать, хранить и изучать памятники культуры, делать эти памятники источником научного просвещения и коммунистического воспитания широких народных масс.

В первые годы Советской власти Коммунистической партии и Советскому правительству пришлось провести огромную и сложную работу в области музейного строительства и охраны научных, исторических и художественных ценностей, чтобы обеспечить полную возможность народу овладеть культурным наследием прошлого, сделать доступными для трудящихся все величайшие сокровища культуры, ранее находившиеся в исключительном владении и пользовании эксплуататорских классов.

В эти годы была создана стройная и всеобъемлющая система охраны памятников культуры, проведена национализация всех важнейших коллекций предметов старины и искусства, важнейших научных ценностей, и музеи превратились в основные государственные хранилища памятников культуры.

Именно в это время музеи развернули в невиданных еще прежде масштабах культурно-просветительной работы и стали подлинными очагами просвещения трудящихся масс.

Своими успехами в эти годы советское музейное дело было в значительной мере обязано постоянной заботе и вниманию В. И. Ленина. Под его непосредственным руководством были проведены все основные мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства в области охраны памятников культуры и организации музеев на новых, социалистических началах.

Разработанные под руководством В. И. Ленина основополагающие декреты Советской власти по музейному строительству определили пути дальнейшего развития музейного дела в нашей стране, сделав его самым передовым, самым демократичным в мире.

Вот почему изучение истории музейного дела в первые годы Советской власти представляет огромный научный и политический интерес и имеет актуальное практическое значение для музейного строительства.

* * *

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистическая партия и Советское правительство приняли экстренные и эффективные меры для охраны памятников культуры. Во все крупнейшие музеи и дворцы столицы были направлены специальные правительственные комиссары, на которых возлагалась организация охраны художественных и исторических ценностей.

Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, по постановлению Совета Народных Комиссаров, руководил учреждениями бывшего министерства двора, в ведении которого находились Эрмитаж, Русский музей, дворцы Петрограда и его пригородов. От имени Советского правительства т. Луначарский предупредил служащих этого ведомства, что они «лично ответственны перед революционной властью» за целостность народного имущества в дворцах и музеях.

Правительственным комиссарам вменялось в обязанность неослабно наблюдать за сохранностью народного достояния и «в случае явного нарушения интересов народа» приостанавливать распоряжения должностных лиц ведомства бывшего министерства двора¹.

Особое внимание было обращено на приведение в порядок Зимнего дворца, где буржуазное Временное правительство пыталось оказать последнее вооруженное сопротивление восставшему народу.

После взятия Зимнего дворца Советское правительство немедленно отдало распоряжение об усиленной охране этого здания и тщательном учете всего имущества дворца, среди которого находилось много исторических и художественных ценностей. Охрана здания Зимнего дворца была возложена на воинский караул Преображенского полка и специальные

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 262.

² В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 269.

¹ Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРСС ЛО), ф. 2816, оп. 1, 1917 г., ед. хр. 1, л. 1.

части Красной гвардии¹. 5 ноября 1917 г. (все даты 1917 года даются по старому стилю) был опубликован правительственный приказ «По Зимнему дворцу», выражающий благодарность «тем из дворцовых служащих, которые в ночь с 25-го на 26-е октября 1917 г. были и оставались на своих постах, охраняя общенародное достояние дворца»². Вслед за этим 8 ноября 1917 г. было отдано общее распоряжение, определявшее «порядок охраны памятников искусства и старины по бывшему Министерству двора». В частности, предлагалось провести опись всего имущества дворцов Петрограда, Царского Села, Гатчины и Петергофа и составить каталог «всех выдающихся и заслуживающих внимания в художественном и историческо-бытовом значениях предметов»³.

Охрану культурных ценностей Советская власть рассматривала как кровное дело самих трудящихся, которые должны по-хозяйски относиться к своему добру. Советское правительство считало необходимым разъяснять рабочим и крестьянам, что Октябрьская революция передала в их руки все материальные и культурные ценности, которыми владели раньше господствующие эксплуататорские классы.

3 ноября 1917 г. Народный комиссариат просвещения обратился со специальным воззванием «К рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России». В этом воззвании говорилось: «Кроме богатств естественных, трудовой народ унаследовал еще огромные богатства культурные: здания дивной красоты, музеи, полные предметов редких и прекрасных, поучительных и возвышающих душу, библиотеки, хранящие огромные ценности духа и т. д.

Все это теперь воистину принадлежит народу. Все это поможет бедняку и его детям быстро перерасти образованностью прежние господствующие классы, поможет ему сделаться новым человеком, обладателем старой культуры, творцом еще невиданной новой культуры.

Товарищи, надо бдительно беречь это достояние народа!»⁴.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что народ правильно понял смысл мероприятий Советского правительства по охране памятников культуры и сам исключительно бережно и любовно к ним отнесся⁵.

Примером самоотверженного отношения простых людей к охране культурных ценностей, ставших народным достоянием, может служить поведение красногвардейских отрядов, бравших Зимний дворец. Известно, что при штурме этой цитадели Временного правительства многие рабочие, матросы и солдаты, рискуя своей жизнью, старались сохранить как само здание дворца, так и находившиеся в нем ценности. В результате этого Зимний дворец почти не пострадал, а Эрмитаж остался совершенно невредимым⁶.

¹ «Известия ВЦИК», 7 ноября 1917 г.

² Там же, 5 ноября 1917 г.

³ Там же, 8 ноября 1917 г.

⁴ «Известия ЦИК», 4 ноября 1917 г.

⁵ Е. Н. Городецкий. Борьба народных масс за создание советской культуры (1917—1920 годы). — «Вопросы истории», 1954, № 4.

⁶ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 53, лл. 24—25.

Другим ярким примером отношения народа к памятникам культуры является следующий эпизод, связанный с историей Эрмитажа в первые дни Октябрьской революции. В Эрмитаж ранним утром явился матрос и сдал в музей под расписку небольшую бронзовую статуэтку, обнаруженную им при занятии под комиссариат одного из особняков на Сергиевской улице. Статуэтка эта оказалась стандартным фабричным изделием¹, о чем, конечно, матрос и не подозревал.

Неизвестный матрос, явившийся со статуэткой в Эрмитаж, был одним из бойцов той героической Красной гвардии, которая, как это было отмечено от имени Советского правительства наркомом Луначарским, «в деле бережения народных сокровищ» показала «пример, достойный преклонения»².

Так уже в первые дни существования Советской власти определялось бережное, любовное отношение Советского правительства и всего трудового народа к культурному наследию прошлого.

* * *

Советское правительство, считая важнейшей государственной задачей охрану памятников культуры и концентрацию их в музеях для всеобщего использования в научных и культурно-просветительных целях, предложило Наркомпросу создать специальный государственный орган по руководству всем музейным строительством в стране.

По мысли В. И. Ленина, как сообщает в своих воспоминаниях И. Э. Грабарь³, в ноябре 1917 г. при Наркомпросе была организована Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, куда вошли видные деятели науки и культуры. Коллегия имела два постоянных отделения в Петрограде и Москве, где были сосредоточены крупнейшие музеи страны⁴.

В мае 1918 г. при Наркомпросе был организован специальный музейный отдел, руководивший работой всех музеев, а также охраной памятников культуры⁵.

На периферии вначале действовал институт уполномоченных Всероссийской коллегии по делам музеев, а затем с декабря 1918 года стали организовываться губернские подотделы по делам музеев и охране памятников искусства и старины при местных отделах народного образования⁶. Большую роль в развитии музейного дела на местах сыграли крае-

¹ С. Варшавский, Б. Рест. Эрмитаж. 1764—1939. Очерки из истории Государственного Эрмитажа. Под ред. акад. И. А. Орбели, М., «Искусство», 1939, стр. 201—202.

² «Известия ВЦИК», 10 ноября 1917 г.

³ И. Э. Грабарь. Моя жизнь. М.—Л., 1937, стр. 272.

⁴ «Известия художественно-просветительного отдела Московского Совета Р. С. и Кр. Д., март 1918 г., стр. 17—18; «Народное просвещение», 1918, № 4—5, стр. 58—61.

⁵ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 20-6, л. 175.

⁶ Там же, ед. хр. 141, лл. 93—94.

ведческие общества, которые в этот период стали возникать почти во всех городах страны.

В районах боевых действий Красной армии против белогвардейцев и иностранных интервентов охрана памятников культуры была поручена специальным отделам при штабах фронта и воинских соединений¹.

К участию в музейном строительстве были привлечены Академия наук и основанные в 1918—1919 гг. Социалистическая академия общественных наук и Академия истории материальной культуры.

Так было обеспечено организационное и научное руководство делом охраны памятников культуры и музейным строительством в Советской России.

Рассматривая все выдающиеся памятники культуры как народное достояние, Советское государство приступило к систематической и планомерной национализации музейных сокровищ и использованию их в культурно-просветительных и научных целях.

В первую очередь были национализированы бывшие царские дворцы — музеи Петрограда, Москвы и их окрестностей².

Затем началась интенсивная работа по выявлению из состава национализированного дворцового имущества предметов, имеющих музейное значение³. О масштабах этой работы можно судить хотя бы по следующим данным: за 1919—1921 гг. из кладовых только Зимнего дворца было передано музеям, клубам, детским домам, учебным заведениям свыше 29 тысяч предметов из фарфора, фаянса и меди, более 75 тысяч других предметов домашнего обихода (белье, платья, мебель и т. д.)⁴.

Художественные и исторические коллекции, отобранные в бывших царских дворцах, существенно пополнили собрания Эрмитажа, Русского музея и других центральных и местных музеев страны.

Вслед за национализацией музейных ценностей, хранившихся в бывших царских дворцах, по инициативе В. И. Ленина был поставлен вопрос о передаче в государственную собственность крупнейших общественных и частных собраний. «Одним из первых больших дел «Отдела»⁵, — вспоминает И. Э. Грабарь, — была разработка декретов о национализации крупнейших частных художественных собраний, об учете и охране произведений искусства и о национализации Троицко-Сергиевской лавры. Инициатива всех этих декретов исходила от В. И. Ленина. Они шли от нас к нему на утверждение, и некоторые из них, как декреты о национализации частных собраний и лавры, он лично исправил, значительно усилив ответственность заведующих за их сохранность»⁶.

¹ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 20-б, л. 84.

² Там же, ед. хр. 53, лл. 2—3.

³ Предметы немусейного значения передавались клубам, детским домам, учебным заведениям и т. д.

⁴ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 53, лл. 26—26 об.

⁵ Имеется в виду отдел Наркомпроса по делам музеев и охраны памятников старины и искусства.

⁶ И. Э. Грабарь. Указ. соч., стр. 274.

К решению вопроса о национализации того или иного музейного собрания В. И. Ленин подходил с точки зрения интересов развития социалистической культуры и создания единой государственной сети музеев, руководимых и направляемых в своей деятельности Советским правительством. В то же время Ленин считал, что национализация музейных ценностей является лучшим средством их сохранения и использования в культурно-просветительных целях. Понятно, что с этой точки зрения национализации подлежали в первую очередь лишь самые выдающиеся коллекции памятников старины и искусства. Самый факт национализации того или иного музейного собрания означал признание Советским государством исключительной научной, исторической или художественной ценности данного собрания.

Наиболее полно эти ленинские взгляды были изложены в декретах Совета Народных Комиссаров о национализации Третьяковской и Шуйской галерей.

В Постановлении Совета Народных Комиссаров от 3 июня (21 мая) 1918 г. давалась следующая мотивировка национализации Третьяковской галереи:

«Принимая во внимание, что Московская городская художественная галерея имени П. и С. М. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительные функции, и что интересы рабочего класса требуют, чтобы Третьяковская галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, направленных в своей деятельности Народным Комиссариатом Просвещения, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Московскую городскую художественную галерею имени П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного Комиссариата Просвещения на общем основании с прочими государственными музеями»¹.

Этот же ленинский принцип превращения в народное достояние собрания памятников культуры, которое «по своей высокой художественной ценности имеет общегосударственное значение в деле народного просвещения», выражен в декрете Совета Народных Комиссаров от 5 ноября 1918 г. о национализации художественной галереи Шуйкина².

Последующими декретами и распоряжениями Советского правительства за 1918—1919 гг. были национализированы в Москве художественные собрания А. И. Морозова, И. С. Остроухова, В. А. Морозова³, а также других известных коллекционеров — А. А. Брокера (собрание работ старинных западных мастеров живописи), Н. С. Иосаджанова (собрание новейших русских художников), Н. М. Соллогуба (портреты

¹ Собр. Узак. и Расп. Рабочего и Крестьянского Правительства (СУР) 1918 г., № 39, ст. 511.

² «Известия ВЦИК», 5 ноября 1918 г., СУР, 1918 г., № 81, ст. 851.

³ Постановление Совнаркома за подписью В. И. Ленина от 19 декабря 1918 г.; СУР, 1918, № 90, ст. 1011.

XVIII и XIX веков), В. Гиришмана (собрание русской и иностранной мебели), А. Н. Ляпунова (картины Левитана) и др.¹.

В это же время были национализированы исторические и художественные ценности в Петрограде, находившиеся в особняках и дворцах крупнейших помещиков и капиталистов — Юсуповых, Долгоруких, Нарышкиных, Строгановых, Шуваловых, Шереметевых, Воронцовых-Дашковых, Мятловых, Горчаковых, Лейхтенбергских, Олив, Паскевичей, Рудановского и др.².

Одновременно с объявлением государственной собственностью ряда выдающихся музейных собраний в Москве, Петрограде и других городах страны Советским правительством осуществлялась национализация художественных и исторических коллекций, хранившихся в помещичьих усадьбах.

Принятый на II съезде Советов 25 октября 1917 г. ленинский декрет о земле, ликвидировавший помещичью собственность на землю, передавал вместе с тем в руки народа огромные культурные ценности, накопившиеся в «дворянских гнездах».

В. И. Ленин придавал огромное значение сохранению всех ценностей, находившихся в помещичьих имениях и ставших с установлением Советской власти достоянием трудящихся. В специальном обращении к крестьянам 8 ноября 1918 г. В. И. Ленин призывал их строжайше оберегать «бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общенародным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять»³.

В. И. Ленин требовал от местных советских властей, чтобы при национализации помещичьих имений соблюдался строгий порядок, производился тщательный учет всех ценностей, чтобы эти ценности хранились в помещениях, гарантирующих их от порчи и хищения, чтобы всякая попытка грабежа каралась по всей строгости революционных законов. Так в телеграмме председателю Острогжского Совета от 6 декабря 1917 г. по поводу охраны ценностей в помещичьих имениях Ленин писал: «Составить точную опись ценностей, сберечь их в сохранном месте. Вы, — предупреждал Ленин председателя Совета, — отвечаете за сохранность Имения — достояние народа. За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам»⁴.

Из общей массы национализированных помещичьих имений были выделены и взяты на учет музейных органов как представляющие особую культурную ценность 520 дворянских усадеб⁵. Значительная часть этих усадеб, признанных памятниками культуры, находилась в Московской губернии (155)⁶. В числе их были такие известные музеи-усадьбы, как Архангельское (б. Юсуповых), Кусково (б. Шереметевых), Останкино

(б. Шереметевых), Никольское-Урюпино (б. Голицыных), Покровское-Стрешнево (б. Глебовых-Стрешневых) и др.¹.

Из усадеб, взятых под охрану музейными органами в других губерниях, следует упомянуть имение князей Барятинских в селе Иваново Курской губернии, Грузины (б. Аракчеевых), Марьино (б. майорат Строгановых), Выбиты (б. кн. Васильчиковых), Карачарово (б. Уваровых)².

Проведенная Советским государством под непосредственным руководством В. И. Ленина национализация выдающихся собраний предметов старины и искусства обогатила музейные фонды огромным количеством первоклассных художественных и исторических коллекций, сделала музеи основными государственными хранилищами памятников культуры.

* * *

Мероприятия Советской власти по охране и национализации памятников культуры вызвали отчаянное сопротивление со стороны низвергнутых эксплуататорских классов, выразившееся, в частности, в укрытии, распродаже и вывозе за границу исторических и художественных предметов.

Еще накануне Октября 1917 г. помещики и капиталисты, напуганные развитием революции, стали распродавать наиболее ценную часть своего имущества. Это привело к тому, что на рынке появилось огромное количество предметов искусства и старины: оружия, картин, фарфора, хрусталя, мебели, художественных изделий из драгоценных камней, металлов и т. п.

После Октябрьской революции продажа и вывоз за границу исторических и художественных ценностей приобрели еще большие размеры. Разного рода спекулянты и комиссионеры усиленно скупали в Петербурге и в Москве для продажи за границу антикварные вещи, в особенности древние русские иконы, картины, хрусталь и фарфор русских фабрик второй половины XVIII и начала XIX века, высоко ценившиеся в Западной Европе и Америке³.

Советское правительство, конечно, не могло не обратить внимания на ту серьезную угрозу, которую представлял для государства вывоз за границу уникальных предметов искусства и старины. 30 мая 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров среди важнейших государственных дел обсуждался вопрос о попытке бывшей княгини Е. П. Мещерской переправить за границу картину «Мадонна» работы итальянского мастера XV века школы Боттичелли. По этому вопросу Совнарком вынес следующее решение. «Ввиду исключительного художественного значения картины Боттичелли (Тондо), принадлежащей в настоящее время гр. Е. П. Мещерской, предполагающей, по имеющимся сведениям, вывезти картину за границу, Совет Народных Комиссаров постановляет: картину эту реквизирировать, признать ее собственностью РСФСР и передать в один из на-

¹ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, л. 30.

² Там же, л. 30; «Музей», вып. 2, Л., 1924, стр. 2.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 263.

⁴ Ленинский сборник, XXI, стр. 144.

⁵ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 52, л. 2.

⁶ Там же.

¹ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, л. 31.

² Там же, л. 32.

³ ГАОРСС ЛО, ф. 2920, оп. 1, од. хр. 9, л. 15; ед. хр. 18, л. 1.

циональных музеев РСФСР». В этом же постановлении Народному Комиссариату Просвещения поручалось разработать «проект декрета о запрещении вывоза из пределов Российской Социалистической Федеративной Республики картин и вообще всяких высокохудожественных ценностей — и проект этот представить на рассмотрение Совета Народных Комиссаров»¹.

Вслед за этим Наркомпрос ассигновал специальные средства для закупки на рынке художественных ценностей, которые могли бы быть проданы их владельцами за границу².

Как видно из приведенного выше постановления Совнаркома, Ленин, придавая большое значение запрещению вывоза культурных ценностей за границу, считал необходимым провести это мероприятие в срочном порядке и потому давал Наркомпросу трехдневный срок для разработки соответствующего декрета. Однако Наркомпрос сильно затянул разработку проекта этого декрета и представление его в Совнарком. Поэтому декрет «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» был рассмотрен и утвержден Совнаркомом лишь 19 сентября 1918 г.³.

В декрете давалась очень важная для характеристики политики Советской власти в отношении памятников культуры мотивировка запрещения их вывоза за границу: «В целях прекращения вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения, угрожающего утратою культурных сокровищ народа...»⁴.

Декрет воспрещал «вывоз из всех мест республики и продажу за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины» без предварительного заключения и разрешения музейных органов Наркомпроса. Декрет также обязывал все магазины, комиссионные конторы и отдельных лиц, производящих торговлю предметами искусства и старины или посредничавших в ней, в трехдневный срок со дня опубликования декрета зарегистрироваться в музейных органах Наркомпроса. Виновные в неисполнении этого декрета подвергались «ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до конфискации всего имущества и тюремного заключения».

Этим декретом Советское правительство решительно покончило с попытками буржуазии и помещиков нанести урон молодой Советской республике путем вывоза за границу культурных сокровищ.

Интересы культурного строительства Советской России, развития советской науки и просвещения народных масс потребовали выявления, учета и охраны всех находящихся в стране памятников культуры.

10 октября 1918 г. Совет Народных Комиссаров издал декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины,

находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений»¹. Этим декретом впервые в мировой истории брались под государственную охрану все памятники культуры, независимо от того, кому они принадлежали. Декрет возлагал на музейные органы чрезвычайно важную задачу: «Произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины, как в виде целых собраний, так и в виде отдельных предметов, в чьем бы обладании они ни находились». Все владельцы предметов искусства и старины обязаны были не позднее месяца со дня опубликования декрета представить в музейные органы списки с полным перечнем этих предметов. Декрет запрещал производить отчуждение (в том числе и продажу), перемещение и ремонт принятых на государственный учет памятников культуры без разрешения Коллегии по делам музеев. Владельцам взятых на учет предметов или коллекций выдавались особые охранные грамоты. Специальная статья декрета предусматривала конфискацию взятых на учет памятников, если они без разрешения государства передавались новым владельцам. Декрет разрешал музейным органам изымать предметы старины и искусства у частных лиц в тех случаях, когда они не обеспечивали необходимые условия для их хранения.

Все эти мероприятия, как указывалось в декрете, проводились в целях «охранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России...». Тем самым был сделан еще один важный шаг в деле превращения всех культурных ценностей в общенародное достояние.

В тесной связи с декретом о государственной регистрации и охране памятников старины и искусства находится ленинский декрет об охране научных ценностей. Декрет этот, подписанный В. И. Лениным 5 декабря 1918 года, гласил: «В целях охраны и предотвращения возможного уничтожения научных ценностей и правильного использования и распределения их, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Поручить Научному отделу Народного Комиссариата Просвещения принять все необходимые меры к учету и охране всех научных ценностей, находящихся на территории Российской Республики, как-то: научных музеев, коллекций, кабинетов, лабораторий и сооружений, научных установок, приборов, пособий и пр., и принять их в свое непосредственное ведение или передать их в ведение соответствующих научных или научно-учебных учреждений.

2. Виновные в неисполнении постановлений Научного отдела для проведения в жизнь настоящего декрета подвергаются ответственности по строгости революционных законов»².

Изданием этого декрета завершилась система государственных мероприятий, направленных на обеспечение строгого учета и охраны всех без исключения памятников культуры.

¹ СУР, 1918 г., № 73, ст. 794.

² Там же, № 90, стр. 916.

¹ И. С. Смирнов. Из истории строительства социалистической культуры в первый период Советской власти. М., Госполитиздат, 1952, стр. 204—205.

² ГАОРСС ЛО, ф. 2555, оп. 1, ед. хр. 13, л. 25.

³ Декрет был опубликован в «Известиях ВЦИК» 24 сентября 1918 г.

⁴ СУР, 1918 г., № 69, стр. 751. (Подчеркнуто нами).

Впервые в истории Советское государство провозгласило принцип неприкосновенности памятников культуры как народного достояния и взяло под свою охрану все культурное наследие, все творения человеческого гения, все произведения науки и техники, все предметы старины и искусства.

* * *

Первые декреты Советской власти об охране памятников культуры осуществлялись в условиях ожесточенной классовой борьбы в период гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Не желая подчиняться советским законам, помещики, капиталисты и их прихвостни, всячески изворачиваясь, старались расхитить и скрыть от народа культурные ценности. Однако широкие массы трудящихся, с энтузиазмом восприняв эти декреты, оказали государственным органам огромную помощь в их осуществлении¹. Рабочие в городах, а крестьяне в деревнях бдительно следили за тем, чтобы капиталисты и помещики не утаивали культурные ценности, не переправляли их за границу.

Большую роль в борьбе с расхищением памятников культуры сыграли в эти годы органы ВЧК. По указанию Совнаркома Всероссийская Чрезвычайная Комиссия взяла под особое наблюдение дело охраны культурных ценностей.

ВЧК предписала всем губернским, уездным и пограничным ЧК «принять решительные меры борьбы против бессовестного хищения народного достояния» и в случае обнаружения разграбленных и припрятанных ценностей «конфисковать и передавать в соответствующие отделы Советов или, если в Советах такого отдела нет, то сообщать в Центральный Комиссариат Народного Просвещения»².

Циркуляр ВЧК, отпечатанный особой листовкой под заглавием «Меры против расхищения художественных ценностей» и широко распространенный по стране, привлек к себе большое внимание и мобилизовал на борьбу с расхитителями памятников культуры всех сознательных советских граждан, которые стали оказывать местным ЧК активную помощь в этом деле.

При сочувствии и поддержке широких народных масс, пользуясь активным содействием местных Советов и органов ВЧК, музейные органы смогли провести огромную работу по выявлению, учету и концентрации в музеях и других государственных хранилищах колоссального количества исторических и художественных памятников, научных ценностей.

Эти меры были очень своевременны, потому что во многих особняках и усадьбах оказались брошенными на произвол судьбы ценнейшие памятники культуры. Вместе с тем немало владельцев, покидая свои дома, замуровывали в стенах или закапывали в подвалах исключительные по своему историческому или художественному значению предметы, которые, не будь они во время обнаружены, погибли бы от сырости, холода и т. д.

Замурованными, например, оказались большое количество предметов в особняках Юсупова, Шуваловой, целое собрание миниатюр бывшего великого князя Николая Михайловича и некоторые другие ценные музейные коллекции в Петрограде¹. В Москве, в доме князя Голицина на Новобасманной, при обыске ВЧК было обнаружено 13 пудов золотой и около 10 пудов серебряной посуды большого художественного и исторического значения. Среди этой посуды встречались даже предметы XVII в.²

Из петроградских особняков музейным отделом было собрано свыше 30 тысяч предметов, представляющих художественную или культурно-историческую ценность. Кроме того, здесь было обнаружено огромное количество художественных изделий из драгоценных металлов и камней. Так, в доме Юсупова было найдено 70 пудов различного рода предметов из серебра и 33 фунта из золота, а также четыре ящика с драгоценностями; в доме Шереметева — свыше 7 пудов золотых вещей и 44 пуда серебряных; в доме Строганова — 50 пудов серебряных вещей; в доме Бобринских — 2 пуда золотых изделий и т. д.³

Все эти ценности, находящиеся ныне в Эрмитаже, Оружейной палате и других государственных хранилищах, безвозвратно погибли бы для страны, если бы Советское правительство не приняло вовремя энергичные меры для их розыска и сохранения.

При выявлении музейных ценностей большое внимание было обращено на антикварные магазины. В Москве и Петрограде было обследовано 25 антикварных магазинов. Экспертами столичных музейных отделов было отобрано 22 139 предметов особого музейного значения, которые были переданы в государственный музейный фонд⁴.

После национализации банков и ломбардов в их сейфах и хранилищах был также произведен отбор музейных ценностей. Однако результаты этого отбора в банковских сейфах были сравнительно скромными (всего около 1000 предметов второстепенного значения), так как большинство владельцев ценностей успело изъять их еще до национализации. В ломбардах же для музейного фонда было отобрано более 5000 предметов⁵.

После издания декрета Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁶ музейные органы, осуществляя § 13 этого декрета, согласно которому все имущество церковных и религиозных обществ объявлялось народным достоянием, произвели учет выдающихся памятников русского искусства, находящихся в церквях и монастырях. В течение пятилетия — 1918—1923 гг. — было

¹ Ср. «Музей», вып. II, П-град, 1923, стр. 3.

² ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 20-б, л. 192.

³ Там же, ед. хр. 53, л. 26 об.

⁴ Там же, ед. хр. 20б, л. 29.

⁵ Там же, ед. хр. 12, л. 32.

⁶ СУР, 1918 г., № 18, ст. 253, опубликован в «Газете рабочего и крестьянского правительства» 23 января 1918 г.

¹ Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 30—31.

² «Известия ВЦИК», 5 ноября 1918 г.

обследовано более 2350 церквей и монастырей и при этом было взято на учет свыше 10 тысяч произведений древнерусской живописи и 25 тысяч предметов древнерусского прикладного искусства¹.

Декрет Совнаркома от 10 октября 1918 г. о государственной регистрации и учете предметов искусства и старины имел в виду прежде всего охрану культурных ценностей. Однако в результате сопротивления свергнутых классов работе государственных органов по выявлению и учету памятников культуры Советское правительство должно было в ряде случаев брать в свои руки такие частные собрания предметов музейного значения, которые первоначально не предполагалось национализировать. Прежде всего эти меры применялись в отношении тех лиц, которые пытались укрыть от Советского государства, перепродать или переправить за границу находившиеся у них предметы искусства и старины.

Следует особо отметить, что Советское правительство считало неправильным и недопустимым национализацию тех собраний предметов старины и искусства, которые принадлежали трудовой интеллигенции, лицам, занимавшимся творческой деятельностью, — ученым, писателям, артистам, художникам и т. д. Таким владельцам коллекций памятников культуры на основании указанного выше декрета Совнаркома от 10 октября 1918 г. выдавались специальные охранные грамоты² и оказывалось всяческое содействие в создании необходимых условий хранения этих собраний: путем закрепления соответствующих помещений, первоочередного получения топлива, предоставления необходимых для консервации и реставрации средств и т. д.

В трудных условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции необходимо было эвакуировать памятники культуры из районов военных действий и прифронтовой полосы. Здесь следует сказать об исключительной заботе о культурных ценностях, проявленной со стороны командного состава и бойцов Красной Армии. В этом отношении Красная Армия продолжала славные традиции Красной гвардии. Пример бережного отношения к музейным ценностям показывали и красные партизаны.

Для эвакуации наиболее ценных собраний памятников культуры Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников старины и искусства командировала на места своих представителей, которые при содействии частей Красной Армии, местных Советов и общественности в невероятно трудных условиях вывозили в центр сокровища культуры³.

Особенно важно было эвакуировать музейные ценности из национализированных помещичьих усадеб. Всего в период гражданской войны было вывезено в хранилища музейного фонда Москвы и Петрограда из 250 дворянских усадеб свыше 30 тысяч книг и 50 тысяч предметов, в том

числе 135 крупных коллекций картин, гравюр, фарфора, бронзы, старинных монет, медалей и т. п.¹.

Среди вывезенных памятников культуры находились ценнейшие археологические коллекции, много старинных книг и рукописей, выдающиеся произведения искусства, в том числе картины Рокотова, Тропинина, Кипренского, Боровиковского и других известных русских и западноевропейских художников.

Многим из этих музейных собраний грозила гибель, так как они находились в районе непосредственных военных действий и вывозились иногда за несколько часов до занятия данной местности белогвардейцами. Общеизвестно, каким страшным разрушениям подвергались памятники отечественной культуры в оккупированных денikinцами и колчаковцами районах. Грабить, увозить, истреблять ценные памятники духовной и материальной культуры, ставшие при Советской власти достоянием народа, белогвардейские банды считали своим «священным» долгом. Вспомним рейд Мамонтова, во время которого прекрасные собрания художественных и исторических ценностей, памятники культуры предавались почти сплошь уничтожению.

Советское правительство, проводя систему мероприятий по государственной охране памятников русской культуры и культуры других народов Российской Федерации, одновременно принимало все зависящие от него меры к сохранению культурных ценностей польского, литовского, украинского и других народов, входивших до революции в состав Российской империи.

Рассматривая памятники культуры как национальное достояние народа, Советское государство считало необходимым сохранить и возвратить бывшим угнетенным народам царской России те исторические, художественные и научные ценности, которые были забраны у них при царском самодержавии или эвакуированы в глубь страны во время первой мировой войны. Эта политика в отношении национальных культурных и исторических ценностей являлась частью общей политики Коммунистической партии по национальному вопросу.

Глубокое уважение Коммунистической партии и Советского правительства к историческим памятникам, национальным реликвиям народа ярко проявилось в принятом Центральным Исполнительным Комитетом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 ноября 1917 г. решении о возвращении украинскому народу его исторических памятников — знамен, бунчуков, грамот и пр., отобранных царизмом у Украины в царствование Екатерины II².

19 января 1918 г. был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу». В декрете говорилось: «Принимая во внимание, что в западных и северо-западных губерниях Российской Республики, во многих

¹ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, л. 33.

² Согласно отчету Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины за 1923 г. таких охранных грамот было выдано более 600. ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, л. 32.

³ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 141, л. 93.

¹ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, лл. 31—32.

² СУР, 1917 г., № 5, ст. 76.

городах и усадьбах лиц польской национальности, находятся предметы, имеющие исключительную художественную или историческую ценность для польского народа, причем большинство этих предметов было вывезено из Польши во время отступления русских войск и раньше, Совет Народных Комиссаров для возвращения этих предметов в полной сохранности всему польскому народу — постановляет и для руководства подлежащих революционных властей объявляет следующее:

1. Предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины и вообще музейные предметы, где бы они ни находились, принимаются, как национальная собственность польского народа, под охрану власти Рабочего и Крестьянского Правительства... до передачи их польским народным музеям»¹. Местным Советам вменялось в обязанность принимать необходимые меры для охраны польских культурных ценностей и оказывать всяческое содействие при перевозке их в указанные правительством места. Осуществление декрета возлагалось на органы Народного комиссариата по делам национальностей и Народного комиссариата просвещения.

На основании этого декрета Народный комиссариат просвещения и Народный комиссариат имуществ Республики предложили всем музеям, дворцам, библиотекам и другим художественным и научным хранилищам РСФСР взять на учет все эвакуированные во время войны памятники культуры польского народа и сообщить о них Народному комиссариату по делам национальностей².

19 ноября 1918 г. был принят декрет Совета Народных Комиссаров «Об эвакуированных и вывезенных из пределов Литвы государственных, общественных и частных учреждениях, заведениях, имуществвах, капиталах и т. п.». Декретом предлагалось передать органам Народного комиссариата по делам национальностей все «предметы науки и искусства и предметы, имеющие историческое значение», в целях возвращения их литовскому народу³.

* * *

С самого начала проведения государственных мероприятий по охране культурных ценностей Советское правительство уделяло серьезное внимание делу реставрации древнейших памятников русской культуры. В обстановке гражданской войны, хозяйственной разрухи, при крайнем напряжении государственного бюджета и полном отсутствии строительных материалов весьма трудно было проводить даже самые минимальные реставрационные и ремонтные работы. И все же даже в этих тяжелых условиях были проведены весьма сложные и ответственные работы с целью реставрации памятников и предохранения их от разрушения.

В первую очередь В. И. Ленин предложил произвести ремонт и реставрацию архитектурных памятников Кремля. Как известно, в октябрь-

ские дни 1917 года юнкера и другие контрреволюционные силы Москвы превратили Кремль в свой опорный вооруженный пункт, сделав таким образом этот величайший исторический памятник России ареной ожесточенной борьбы.

Советское правительство срочно приступило к ликвидации последствий ущерба, нанесенного памятникам Кремля в дни октябрьских боев, причем наряду с ремонтными работами осуществлялись и реставрационные работы, цель которых была устранить искажающие древний облик Кремля позднейшие пристройки и наслоения. В январе 1918 г. на ремонт и реставрацию Кремля было ассигновано 450 тысяч рублей.

После переезда Советского правительства в марте 1918 г. в Москву В. И. Ленин стал лично наблюдать за ходом этих работ, давая конкретные указания о реставрации важнейших сооружений Кремля. 17 мая 1918 г. Ленин предложил коменданту Кремля «...в срочном порядке произвести реставрацию Владимирских ворот, поручив кому-либо из архитекторов... представить смету и наблюдать за исполнением работ»¹. Как вспоминает И. Э. Грабарь, «Владимир Ильич вообще придавал чрезвычайное значение делу охраны исторических сооружений. Он всегда запрашивал, можно ли расширить то или иное окно в старом здании или пробить дверь где-нибудь, не давая никаких распоряжений до положительного ответа. Я был в курсе всех этих переговоров. Однажды Владимир Ильич дал нам такой нагоняй, от которого мы долго не могли опомниться. Гуляя как-то по Кремлю в его нижней части, примыкающей к Москворецкой стене, он заметил в одной из церквей разбитое окно. Его разбили игравшие там дети. Владимир Ильич тотчас же сделал выговор Зав. музейным отделом, сказав, что дело охраны памятников в Кремле стоит не на должной высоте, что он требует большей к ним внимательности и что необходимо привлечь к строгой ответственности всех нас»².

В период 1918—1923 гг. в Кремле были проведены чрезвычайно важные работы, не только устранившие повреждения 1917 г. но и восстановившие подлинный вид многих древнейших кремлевских сооружений. В числе этих трудоемких работ, потребовавших большого искусства, проникновения в стиль и дух древнерусского зодчества, следует отметить такие, как восстановление Беклемишевской башни (разбитой в верхней части в 1917 г. попавшим в нее снарядом), ремонт и реставрация Успенского собора, Чудова монастыря, Никольских ворот, собора 12 апостолов, раскрытие древних арочных проездов под собором 12 апостолов (заделанных еще в XVIII в.), удаление позднейших искажений и пристроек к Архангельскому собору, церкви Ризположения, колокольне Ивана Великого³.

Кроме Кремля, в эти годы проводились ремонтно-реставрационные работы и по другим выдающимся памятникам архитектуры Москвы: зда-

¹ СУР, 1918 г., № 17, ст. 244.

² «Известия ВЦИК», 6 июня 1918 г.

³ СУР, 1918 г., № 83, ст. 876.

¹ Ленинский сборник, XXXV, стр. 21—22.

² И. Э. Грабарь. Указ. соч., стр. 274.

³ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, лл. 36, 37; ед. хр. 141, л. 157 об.

нию Московского университета, Моссовета, Большого и Малого театров, Шереметевской больницы, Петровского дворца¹.

В 1923 г. были завершены производившиеся с 1918 г. работы по исправлению повреждений, причиненных в 1917 г. храму Василия Блаженного². Большие реставрационные работы были проведены также в это же время в Ярославле, знаменитые древние памятники которого пострадали в 1918 г. от белогвардейско-эсеровского мятежа. При исправлении повреждений, причиненных мятежниками памятникам архитектуры, были также восстановлены башни Ярославского кремля, которые, кстати сказать, были до неузнаваемости искажены переделками позднейшего времени.

Огромный размах приняли реставрационные работы и в Новгороде. Здесь необходимость срочной реставрации памятников древнерусского искусства была вызвана не только естественным их разрушением от времени, но и тем, что ряд памятников был неудовлетворительно реставрирован в дореволюционное время. В результате неудачной реставрации начали быстро разрушаться фрески Спасо-Нередицкой церкви XII в., фрески Федора Стратилата XIV в., рождества богородицы в Ферапонтовом монастыре XV в. и др. Поэтому в ряде случаев пришлось проводить очень сложную работу по ликвидации вредных последствий прежней реставрации и одновременно производить заново реставрацию памятников. Так, например, при реставрации Спасо-Нередицкой церкви пришлось с величайшей осторожностью отбить сделанную в дореволюционное время облицовку на цементе, от которой происходила так называемая «закупорка», вызывавшая влажность внутри здания и появление на фресках особого разрушавшего их грибка³.

Реставрационные работы в первые годы Советской власти охватили почти все центры древнерусской культуры. Кроме Москвы, Ярославля, Новгорода, эти работы велись также во Владимире, Суздале, Ростове, Угличе, Звенигороде, Твери, Пскове, Сольвычегодске, Кириллове, Старице, Смоленске, Дорогобуже, Рязани и т. д. К 1923 г. реставрационные работы распространились также на Крым (Бахчисарай) и Среднюю Азию (Самарканд).

Известное представление об общих масштабах реставрационных работ в то время дают следующие цифры. В 1918—1919 гг. было реставрировано 65 историко-архитектурных памятников, в 1920 г. — 36, в 1921 — 34, в 1922 — 27 и в 1923 — 62. Всего, таким образом, за 1918—1923 гг. было реставрировано 224 памятника, преимущественно древнерусского зодчества⁴.

Таким образом, за 5 лет рабоче-крестьянское государство, руководимое Лениным, сделало в области поддержания и восстановления памят-

ников древнерусской архитектуры неизмеримо больше, чем помещики и буржуазия царской России за предшествующие 50 лет.

Научное руководство всей реставрационной работой в стране было возложено на Всероссийскую комиссию по реставрации, созданную в мае 1918 г. при музейном отделе Наркомпроса. Позднее при музейном отделе Наркомпроса были учреждены реставрационный подотдел и Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ), которые возглавил И. Э. Грабарь.

Советские ученые-искусствоведы и мастера реставрации разработали и применили совершенно новую методику и технику реставрации. Впервые в истории реставрационного дела были выработаны принципы, обеспечивавшие при проведении реставрации возможно полную сохранность первоначального вида памятника. Памятник при реставрации только раскрывался, освобождался от позднейших наслоений, но никаких доделок и поправок при этом не допускалось, что исключало всякого рода модернизацию и искажения.

Особенно ярко преимущество этого метода реставрации проявилось при раскрытии произведений древнерусской живописи. Применявшийся при реставрации древних фресок и икон метод послойного раскрытия давал возможность не только фиксировать в обратной последовательности различные стадии бытования памятника, но и открывать наиболее древнее и художественно-ценное произведение, лежавшее в основе памятника. Таким путем уже в 1918—1919 гг. были открыты знаменитая икона Владимирской богородицы и фрески Рублева в московском Успенском соборе, иконостас Благовещенского собора в Кремле, фрески XII в. в Дмитровском соборе во Владимире, фрески того же времени в Антониевском монастыре в Новгороде, фрески Рублева в церкви Успения в Звенигороде и т. д. И. Э. Грабарь, подводя в декабре 1919 г. первые итоги реставрационных работ в Советской России, отмечал, что они привели к открытию особой «суздальской» школы древнерусского искусства (XI—XIV вв.), традиции которой блестяще продолжали великие художники Руси — Андрей Рублев и др.¹.

В принятой Советским государством по инициативе В. И. Ленина системе мероприятий, обеспечивающих сохранение культурного наследия, видное место заняли также охрана и изучение археологических памятников.

Советская власть, отменив в октябре 1917 г. частную собственность на землю, передала тем самым в руки народа все хранящиеся в недрах земли памятники культуры. Это послужило основой для развертывания археологических работ по всей территории страны. Другим важнейшим условием, стимулировавшим развитие советской археологии, было создание государственного научного центра по руководству всеми археологическими работами в стране.

¹ И. Э. Грабарь. Раскрытие памятников живописи. «Художественная жизнь», 1919, № 1.

¹ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, л. 37.

² Там же.

³ «Музей», вып. II, 1923, стр. 5.

⁴ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, лл. 37—40.

18 апреля 1919 г. Совет Народных Комиссаров утвердил декрет «О Российской Академии истории материальной культуры». В Петрограде учреждалась Академия истории материальной культуры «Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так и бытовых, памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей» в пределах РСФСР. Академия должна была ведать научной стороной всех археологических раскопок и разведок и поддерживать тесную связь с Всероссийской коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины, за которой оставалось право выдавать открытые листы на производство археологических раскопок. Однако разрешение производить археологические раскопки коллегия могла давать только на основании заключения академии.

Музейный отдел совместно с Академией истории материальной культуры с 1920 г. начал проводить систематическое изучение археологических памятников: курганов, городищ, стоянок и т. д. Кроме того, тогда же приступили к учету всех обнаруженных археологических памятников и составлению на этой основе археологических карт. Работа обычно проводилась выезжавшими на места научными экспедициями академии совместно с краеведческими музеями. Такое сотрудничество давало благоприятные результаты и приводило к тому, что не только в центральных, но и в местных музеях накапливались важные первоисточники по древней истории. Археологические экспедиции были проведены в Казанской, Самарской, Царицынской, Московской, Тульской и других губерниях Центральной России, а также в Сибири, на Кавказе и в Крыму¹.

Следующие данные показывают, насколько продвинулось археологическое изучение территории страны в 1920—1923 гг. В Сибири на берегах Енисея было обнаружено 11 палеолитических стоянок (до революции было известно только 3); в Крыму было открыто 28 неолитических стоянок (прежде была известна лишь одна); в Московской губернии — раскопано 46 погребений XI—XIV вв., давших ценные материалы по культуре вятичей, в Смоленской губернии археологические раскопки дали новые материалы о кривичах и т. д.²

* * *

С первых же шагов музейного строительства в Советской России В. И. Ленин поставил задачу создания единой государственной сети музеев. В первые годы Советской власти Наркомпросу были переданы почти все ведомственные и общественные музеи. Создание единой государственной сети потребовало уточнения профиля музеев, реорганизации старых музеев, организации новых, рационального распределения между музеями памятников культуры, собранных в государственном музейном фонде.

Известно, что в царской России руководство музеями находилось в руках различных ведомств и учреждений, многие музеи принадлежали частным лицам и различным общественным организациям и таким образом зависели от произвола своих устроителей — разного рода буржуазных меценатов. В этих условиях, разумеется, не могло быть и речи о какой-либо единой системе в музейном деле страны.

После Великой Октябрьской социалистической революции пришлось по существу заново создавать музейную сеть.

Реорганизация в первую очередь коснулась центральных музеев. Это были такие сокровищницы памятников культуры, как Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея, Исторический музей, Румянцевский музей. В эти музеи прежде всего направлялись национализированные культурные ценности, что привело к увеличению фондов музеев в несколько раз. За первые 5 лет Советской власти в Эрмитаж и Русский музей поступило более 100 тысяч предметов, в Третьяковскую галерею — свыше 2000 картин, в Румянцевский музей 2500 памятников культуры и т. д.¹

Для того чтобы представить, какое значение имели для крупнейших музеев страны эти поступления первых лет революции, достаточно привести один пример. Третьяковская галерея за 1912—1914 гг. пополнилась 122 произведениями искусства, а за 1918—1922 гг. — 1750².

Необходимо подчеркнуть, что эти поступления, исчислявшиеся тысячами, как правило, состояли из выдающихся памятников культуры.

Наряду с огромными пополнениями старых музеев в эти годы возникает большое количество новых музеев, как в центре, так и на местах. Особо следует отметить создание в России музеев нового типа, которые были немыслимы в дореволюционное время. К числу их прежде всего относятся музеи Революции. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях рассказывает, с каким увлечением В. И. Ленин осматривал в Париже Музей революции 1848 г. «Я помню, — пишет Н. К. Крупская, — один только музейчик, из которого Ильич никак не мог уйти, — это музей революции 1848 г. в Париже, помещавшийся в одной комнатухе... где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок»³.

Первый Музей Революции в Советской России был открыт в ноябре 1919 г. в Петрограде — колыбели Великой Октябрьской социалистической революции. Ближайшее участие в его создании принял Максим Горький. В результате интенсивной собирательской работы в музее уже в 1919—1922 гг. сосредоточилось большое количество материалов по истории революционного движения в России и на Западе, экспонированных в 13 залах Зимнего дворца.

Среди собранных в музее материалов большой интерес представляли документы, фотографии, вещи, связанные с историей Коммунистической партии и трех русских революций, коллекция плакатов первых лет Совет-

¹ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 53, л. 9—10.

² Там же, ед. хр. 12, л. 47.

³ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., Партиздат, 1933, стр. 55.

ской власти, редкие портреты декабристов, их книги и рукописи, архив «Земли и Воли», коллекция работ узников Шлиссельбургской крепости и т. д.

В библиотеке музея были собраны почти все издания русской нелегальной печати и среди них полные комплекты «Колокола» и ленинской «Искры». Здесь же хранились собрания нелегальных брошюр, книг, воззваний, среди которых особенную ценность представляли редчайшие экземпляры прокламаций 60-х гг.¹

В конце 1920 г. началась организация Музея Революции в Москве, открытого в 1923 г. К созданию отделов революционного движения приступили в эти же годы и многие местные музеи.

Другим новым типом музеев в РСФСР были музеи Красной Армии, основанные в 1919 г. в Москве и в 1920 г. в Петрограде. В этих музеях стали концентрироваться военные трофеи и другие вещественные, иллюстративные и документальные материалы, отображающие героическую историю советских вооруженных сил, их победоносную борьбу с белогвардейцами и иностранными интервентами. Кроме того, при Петроградском военно-морском музее был организован специальный отдел по истории Красного военно-морского флота. С 1920 г. во многих губернских музеях стали также создаваться разделы экспозиции, посвященные истории гражданской войны и борьбы с интервентами на территории края.

В. И. Ленин уделял большое внимание мемориальным музеям. Это было частью его общего грандиозного плана увековечения памяти великих людей прошлого.

Еще весной 1918 г. В. И. Ленин говорил наркому просвещения А. В. Луначарскому: «Надо составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства и т. д., которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры»².

Ленин дал указание Наркомпросу принять срочные меры по сооружению памятников, установлению мемориальных досок и проведению других форм увековечения памяти великих людей прошлого. По вине Наркомпроса и Моссовета эта работа недопустимо затянулась, что вызвало крайнее возмущение В. И. Ленина³.

Непосредственное участие принимал В. И. Ленин в организации мемориальных музеев. В марте 1920 г. музейный отдел Наркомпроса обсуждал вопрос о создании мемориального музея Л. Н. Толстого в Москве⁴. 4 апреля 1920 г. В. И. Ленин посетил и тщательно осмотрел заброшенную усадьбу Л. Н. Толстого в Хамовническом переулке (ныне ул. Льва Толстого, № 21), дав сопровождающим его лицам ряд конкретных указаний по реставрации исторического дома. Через 2 дня после этого в «Изве-

стиях ВЦИК» был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении в Москве мемориального музея — «Дома Льва Толстого»¹.

Ясная Поляна была объявлена национальным достоянием еще в мае 1919 г. В 1921 г. Президиум ВЦИК принял специальное постановление, объявляющее о неприкосновенности всего мемориального комплекса Ясной Поляны — дома, усадьбы, окружающего леса и т. д. — и обязывающее Наркомпрос поддерживать все в том виде, в каком это было при Льве Толстом².

В 1920 г. Совет Народных Комиссаров объявил национальным достоянием Дом-музей Н. Г. Чернышевского в Саратове. В 1918—1921 гг. были национализированы и превращены в мемориальные музеи памятные места, связанные с жизнью и творчеством А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. И. Тютчева и многих других выдающихся деятелей русской литературы и искусства, — Михайловское, Тригорское, Остафьево, Абрамцево, Мураново, Спасское-Лутовиново и др.³.

Интенсивное музейное строительство в это время развернулось на местах. За 5 лет — с 1918 по 1923 г. — здесь возникло 244 музея⁴. В результате национализации частных собраний, имеющих музейное значение, конфискации имущества из помещичьих имений, домов купцов и фабрикантов создавалась возможность организовать почти во всех городах страны музеи и значительно обогатить фонды ранее существовавших губернских музеев. Пожалуй, самым ярким фактом в развитии музейного дела этих лет является организация музеев в таких глухих местах, как Чухлома (б. Костромской губ.) в 1919 г.⁵, Нолинск (б. Вятской губ.) — в 1918 г.⁶, Вязники, Меленки и Муром (Владимирской губ.) — в 1918—1919 гг.⁷, Череповец (б. Вологодской губ.) — в 1919 г.⁸, Тетюши (б. Казанская губ.) — в 1920 г.⁹ и т. д.

Общий рост музейной сети в Советской России за рассматриваемый период иллюстрируют следующие данные. До 1918 г. в стране был 151 музей; за последующие годы было основано: в 1918 г. 101 музей, в 1919 — 58, в 1920 — 38, в 1921 — 26, в 1922 — 19, в 1923 — 6¹⁰. Кроме указанных (преимущественно городских) музеев, за эти же годы было создано 19 историко-бытовых музеев в бывших помещичьих усадьбах и 12 музеев в монастырях (Новом Иерусалиме, Троице-Сергиевской лавре и др.)¹¹.

¹ «Известия ВЦИК», 6 апреля 1920 г.

² Ср. «Ясная Поляна», М., 1942, стр. 112—114.

³ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 54, л. 7; ед. хр. 12, л. 31.

⁴ Там же, ед. хр. 12, л. 45.

⁵ «Известия ЦБК», 1929, № 5, стр. 22.

⁶ Там же, 1927, № 6, стр. 209.

⁷ Труды Владимирского областного музея, вып. II. Владимир, 1926, стр. 85 и 87.

⁸ «Известия ЦБК», 1927, № 10, стр. 363.

⁹ «Казанский музейный вестник», 1920, № 3—4, стр. 75.

¹⁰ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, л. 46.

¹¹ Там же, л. 47.

¹ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 53, лл. 29 об.-30; «Музей», вып. 1, стр. 61—62. Пг., 1923.

² «Ленин о культуре и искусстве», стр. 124—125. М., «Искусство», 1938.

³ Ленинский сборник, XXI, стр. 213—215.

⁴ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 20-а, л. 32.

Таким образом, за период с 1918 по 1923 г. было образовано свыше 250 музеев, причем большая часть их возникла в 1918—1919 гг., когда наиболее интенсивно проходил процесс национализации памятников культуры и концентрации их в музеях¹.

* * *

По мысли Ленина, музеи должны были выполнять важные «общегосударственные просветительные функции». Ставя эту задачу, В. И. Ленин требовал от Наркомпроса быстрой перестройки деятельности музеев с тем, чтобы обеспечить выполнение музеями их функций по просвещению народных масс. Принимая в июне 1918 г. решение о национализации Третьяковской галереи, В. И. Ленин предложил коллегии по делам музеев «срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении Третьяковской галереей и ее деятельности в соответствии с современными музейными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»².

Это требование затем повторялось и в других ленинских декретах по музейному делу.

В программе партии, принятой на VIII съезде в марте 1919 г., было указано на необходимость «открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусств, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров».

Осуществление этих программных требований Коммунистической партии и Советского правительства потребовало коренной перестройки экспозиции музеев и широкого развертывания их культурно-просветительной деятельности, что с особой остротой поставило вопрос о кадрах музейных работников.

В этой связи следует напомнить, что музейное строительство в первые годы Советской власти проходило не только в обстановке вооруженной борьбы с силами внутренней и внешней контрреволюции, но и в условиях ожесточенной борьбы с саботажем значительной части буржуазных специалистов, работавших в музеях, которые пытались использовать силу знания, как свою монополию против трудящихся.

«Они, — говорил Ленин о такого рода буржуазных интеллигентах, — воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступили против трудящихся масс»³.

¹ Следует иметь в виду, что некоторые из возникших в 1918—1919 гг. в результате национализации частных собраний памятников культуры музеев затем, при упорядочении государственной сети музеев, были влиты в более крупные музеи соответствующего профиля. В результате в 1923 г. музейная сеть РСФСР включала в себя всего 401 музей (ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, л. 51).

² См. приведенный выше ленинский декрет о национализации Третьяковской галереи. «Известия ВЦИК», 6 июня (24 мая) 1918 г.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 69.

Такая позиция части буржуазной интеллигенции объяснялась ее прежними тесными связями с эксплуататорскими классами, тем, что помещики, буржуазия и царизм в течение долгого времени прикармливали и развращали интеллигенцию. Ленин предупреждал партию и рабочий класс, что борьба с саботажем буржуазной интеллигенции на первых порах неизбежна, и «...нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности»¹. Ленин требовал от органов Советской власти гибкого и умелого подхода к буржуазным специалистам, выражая при этом уверенность, что рабочий класс под руководством Коммунистической партии сумеет превратить определенную часть интеллигенции из противников Советской власти в ее сторонников.

Основным методом воздействия на массу работников культуры Ленин считал пропаганду — разъяснение смысла происшедшей пролетарской революции и наглядное доказательство того, что только советский строй дает возможность превратить все блага культуры из средства насилия и эксплуатации в средства просвещения и развития народных масс. В целом ряде своих выступлений перед работниками культурного фронта Ленин подчеркивал, что перед ними стоят гигантские просветительные задачи, что на них лежит обязанность донести до народа все завоевания культуры.

Эти выступления В. И. Ленина, а также его статьи в печати, раскрывающие задачи Советского государства в области культурного строительства, произвели огромное впечатление на всех честных тружеников культурно-просветительных учреждений, в том числе и на музейных работников, и сыграли важную роль в переломе их отношения к Советской власти.

Как и во всей дореволюционной интеллигенции России, среди сотрудников музеев существовали прослойки, которые в разной степени были связаны с рухнувшим буржуазно-помещичьим строем и поэтому по-разному относились к Советской власти. Открыто враждебную позицию по отношению к Советской власти заняла сравнительно небольшая часть музейных работников. Это была главным образом верхушка служащих бывших «императорских» музеев. Так, например, чиновники Эрмитажа во главе со своим директором графом Д. И. Толстым 10 ноября 1917 г. вынесли решение присоединиться к антисоветской позиции Союза союзов служащих всех правительственных учреждений и прибегнуть «к мерам бойкота представителей захватчиков власти с целью не дать им возможности укрепиться...»².

Вскоре служащие Эрмитажа делами подтвердили свою антисоветскую декларацию, дважды отказавшись выполнить постановление Совнаркома о передаче представителям украинского народа национальных реликвий — знамен, бунчуков и пр., — отобранных у Украины в царствование Екатерины II³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 409.

² С. Варшавский, Б. Рест. Эрмитаж, стр. 193.

³ «Аполлон», 1917, № 6—7, стр. 85.

Контрреволюционную позицию заняли также и некоторые деятели искусства, связанные с музеями. Так называемый «Союз деятелей искусств» в Петрограде на специальном собрании в ноябре 1917 г., где обсуждался вопрос об отношении к Советской власти, «принципиально высказался против совместной работы с представителем новой власти по делам искусства — комиссаром А. Луначарским»¹. Характерно, что журнал «Аполлон», являвшийся рупором этого «Союза», вслед за только что приведенным сообщением вынужден был признать: «Власть эта пока не препятствовала текущим работам по художественному устройству; пока ею спроектирован новый государственный совет главным образом по охране памятников старины и искусства в составе 80 членов, из коих половина — деятели искусства, половина — делегаты от демократических организаций. Во дворцы назначены новые коменданты и комиссары. Решено разработать декрет о реквизиции всех дворцов со всеми находящимися в них художественными произведениями, причем народным достоянием предполагается объявить даже такую несомненную (!?) частную собственность, как дворцы Мраморный и Павловский»².

Как видно из приведенного текста, деятелей «Союза» не устраивала проводимая Советской властью политика охраны и национализации памятников культуры. Этим представителям художественной «челяди» эксплуататорских классов, ставшим горой на защиту «несомненной частной собственности» великих князей, помещиков и капиталистов, в действительности менее всего были дороги интересы культуры и искусства. Истинное лицо этих «ревнителей» культуры ярко проявилось в том, что на собрании «Союза» они выступили с предложением обратиться к «иностранным державам» с просьбой взять «под защиту» памятники искусства и старины в России. Это было не чем иным, как прямым призывом к иностранной военной интервенции, прямой изменой родине. Понятно, что такие злобные враги трудящихся нанесли немалый вред делу организации охраны памятников культуры и музейному строительству в первые дни Октября. Однако большинство старых интеллигентов-патриотов, которым действительно была дорога культура родины, стали переходить на сторону народа и начали честно сотрудничать с Советской властью. Уже в конце 1917 г. Ленин отмечал: «...образованные люди уже теперь выделяютя, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала»³.

Значительную роль в повороте музейных работников на сторону Советской власти сыграли передовые деятели русской науки, литературы, искусства. В Петрограде и в Москве с первых же дней революции активное участие в охране культурного наследия и в музейном строительстве приняли: великий пролетарский писатель А. М. Горький; художники — А. М. Васнецов, И. Э. Грабарь, И. Е. Репин, В. Д. Поленов; артисты —

А. И. Южин-Сумбатов, В. И. Немирович-Данченко, Л. В. Собинов; ученые — А. П. Карпинский, В. А. Городцов, Н. Я. Марр, С. А. Жебелев, И. А. Орбели, А. Е. Ферсман, Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин и многие другие.

Какое значение для изменения настроений рядовых музейных работников в бурные дни 1917 г. имело обращение к ним известных деятелей культуры с призывом сотрудничать с Советской властью, показывает следующий эпизод. «Когда, — вспоминает И. Э. Грабарь в своей книге «Моя жизнь», — началась вспышка саботажа, я пригласил повестками в Исторический музей всех работников искусства, какие были налицо в Москве. В подавляющем большинстве явились музейные работники. В музеях саботажа еще не было, но он мог каждую минуту возникнуть, почему и надо было со всей решительностью выступить против всяких попыток перекинуть его из банковских, городских и большинства государственных организаций и учреждений в музеи. В этом смысле я высказался, открывая собрание и акцентируя на моменте охраны музейных сокровищ...»¹. Горячий призыв Грабаря остаться верным своему долгу и народу нашел отклик у большинства музейных работников Москвы, отказавшихся от участия в организованном врагами Советской власти саботаже.

Конечно, многие работники музеев не сразу поняли исторический смысл и значение социалистической революции, но ленинская политика Советской власти в отношении культурного наследия, широкий государственный размах, который приняло музейное строительство, необычайная тяга народа к знаниям, которая так ярко проявилась после революции, — все это способствовало их вовлечению в число активных строителей советской культуры.

Как и вся старая интеллигенция, музейные работники с трудом освобождались от тяжелого груза прошлого, от своих прежних буржуазных воззрений. Хорошо понимая это, В. И. Ленин требовал от коммунистов Наркомпроса терпеливого и осторожного подхода к буржуазным специалистам, повседневной работы по их перевоспитанию. Вместе с тем Ленин считал, что по отношению к злым саботажникам необходимо принимать решительные меры. Так, например, по распоряжению Ленина 29 января 1918 г. был уволен за саботаж архитектор Зимнего дворца Н. И. Крамской².

Преодолевая сопротивление слуг старого строя, интеллигентских прихвостней и прихлебателей буржуазии, советские музейные органы при активной, горячей поддержке народных масс начали трудное и сложное дело перестройки экспозиции старых музеев и создание новых музеев.

Важнейшим завоеванием Октябрьской революции в области музейного дела было превращение в музеи бывших царских и княжеских двор-

¹ «Аполлон», 1917, № 6—7, стр. 84.

² Там же, стр. 85.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 369.

¹ И. Э. Грабарь. Указ. соч., стр. 271—272.

² И. С. Смирнов. Из истории строительства социалистической культуры. М., Госполитиздат, 1952, стр. 194.

цов. С первых же дней Советской власти в Петрограде и его пригородах для народа были широко раскрыты двери дворцов и особняков, превращенных из жилых помещений в музеи. Музеями стали Царскосельские, Петергофские, Гатчинский и другие дворцы, особняки Юсупова, Шувалова, Шереметева и др. В залах этих дворцов были выставлены замечательные произведения искусства, памятники старины, ставшие теперь народным достоянием. Это, конечно, еще не была настоящая научная экспозиция памятников культуры, но самый факт открытия этих музейных собраний для обозрения широких масс трудящихся имел огромное значение в деле просвещения и поднятия культурного уровня народа.

Коренным образом изменился и характер деятельности крупнейших старых музеев, которые стали ориентироваться на нового зрителя, пришедшего в музеи.

Правда, нового зрителя пытались сбить с толку разного рода деятели, прикрывавшиеся флагом «пролетарской культуры». Выдавая себя за представителей пролетариата, «Пролеткультовцы» стояли на нигилистических позициях по отношению к культурному наследию, выступая против широкого показа в музеях классических произведений искусства. Взгляды «пролеткультовцев» на искусство нашли яркое отражение в стихотворении «Мы» В. Кириллова, напечатанном в журнале «Грядущее», органе Петроградского «Пролеткульта».

Мы во власти мятежного, страстного хмеля,
Пусть кричат нам: «вы палачи красоты»,
Во имя нашего завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музей, растопчем искусства цветы¹.

Партия во главе с В. И. Лениным решительно выступала против неверных установок «Пролеткульта» и помогла народу найти правильную дорогу к подлинным ценностям культуры.

Новый зритель хотел получить в музеях не только эстетическое наслаждение, но и научные знания в области истории, литературы, техники, естествознания и т. д.

Музеи старались откликнуться на эти новые запросы, но, разумеется, в этом направлении они делали лишь первые, нередко неуверенные, а иногда даже ошибочные шаги. Отсутствие среди музейных работников того периода марксистски подготовленных кадров, преобладание буржуазных специалистов, общее состояние советской науки, только еще начавшей перестраиваться на основе марксистско-ленинской методологии, — все это мешало созданию подлинно научных и вместе с тем популярных экспозиций.

Особенно сложно проходила перестройка гуманитарных музеев (художественного и исторического профиля), где преодоление старых буржуазных воззрений представляло большие трудности. Новое в экспозиции

музеев в первые годы Советской власти выразилось главным образом в организации различного рода выставок. Эти выставки знакомили с историей развития человеческого общества (ряд выставок в Государственном Историческом музее, Эрмитаже и многих краеведческих музеях), с историей искусства (выставки в провинции, а также в Третьяковской, Шуйнской, Цветковской галереях, Оружейной палате, Эрмитаже, Русском музее и т. д.), театра (выставки в Бахрушинском музее и других театральных музеях) и т. п.

Приведем для примера тематику некоторых выставок в центральных музеях. Русский музей и Третьяковская галерея организовали несколько выставок, посвященных творчеству выдающихся представителей русской реалистической живописи: Кипренского, Венецианова, Репина и др., а также древнерусской живописи. Цветковская галерея организовала выставки «Эволюция жанра в русском рисунке XVIII—XIX вв.», «Русская акварель XVIII—XIX вв.»¹, Оружейная палата — выставки эмалей, шитья и тканей XVI—XVIII вв.², Эрмитаж — выставку «Глина и что человек из нее делает» и такие же выставки по металлу и дереву³.

Большой популярностью у нового посетителя пользовались выставки, посвященные декабристам, Герцену, политической ссылке и каторге в царской России, истории русских революций и революционного движения на Западе⁴.

Особое место в выставочной работе музеев Москвы и Петрограда занимали выставки, посвященные истории героической борьбы Красной Армии и Военно-Морского Флота на фронтах гражданской войны. Устроенные в 1919—1920 гг. выставки на эту тему переросли вскоре в постоянные музеи или их отделы.

По примеру Москвы и Петрограда выставочная работа широко развернулась и по всей стране — в Казани, Саратове, Новгороде, Владимире, Ярославле, Омске и т. д. На базе выставок национализированных у помещиков и буржуазии художественных и исторических коллекций создавались целые музеи.

Организуемые центральными и местными музеями выставки вызвали огромный интерес в широких массах народа. Для первых лет революции чрезвычайно показательны значительные, если учесть тот тяжелый период жизни, цифры посещаемости музея. В 1919—1921 гг. только музеи Москвы и Петрограда в организованном порядке посетило свыше 210 тысяч человек⁵ (посещаемость в неорганизованном порядке не учитывалась). В 1921—1922 гг. в музеях Московского Кремля побывало 631 тысяча человек⁶.

¹ «Художественная жизнь», 1919, № 1, стр. 16; 1920, № 2, стр. 9—11.

² ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 12, л. 23 об.

³ Там же, ед. хр. 53, л. 25.

⁴ Там же, ед. хр. 12, л. 8 об., л. 25; «Музей», вып. II, Пгтр., 1923, стр. 61

⁵ ЦГАОР и СС, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 53, лл. 9—10.

⁶ Там же, ед. хр. 54, л. 10.

¹ «Грядущее», № 2, Пг., 1918.

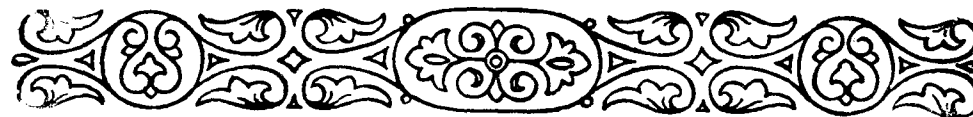
Таким образом, в первые же годы Советской власти были достигнуты крупные успехи в популяризации музеев и важнейших памятников культуры.

* * *

К. Цеткин в своих воспоминаниях рассказывает, что когда она при встрече с Лениным выразила восхищение достижениями Советской власти в области культурного строительства, Владимир Ильич сказал: «Вы восторгаетесь по поводу того колоссального культурного дела, которое мы совершили со времени прихода своего к власти. Конечно, без хвастовства мы можем сказать, что в этом отношении нами многое, очень многое сделано»¹.

Яркой иллюстрацией к этим ленинским словам может служить и история музейного строительства в первые годы Советской власти.

¹ «Ленин о культуре и искусстве». «Искусство», М.—Л., 1938, стр. 138.

О. В. ИОНОВА

СОЗДАНИЕ СЕТИ
КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ РСФСР
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В первые годы Советской власти в официальных документах, относящихся к музейному строительству, мы не встретим термина «краеведческие музеи». Группа музеев, которая сейчас именуется краеведческими, называлась провинциальными или местными. Это объясняется тем, что до Великой Октябрьской социалистической революции в России было мало краеведческих музеев в подлинном понимании этого слова. В Октябре 1917 г. насчитывалось около 100 местных музеев; хотя названия некоторых из этих музеев указывают на краеведческий характер их деятельности (например, музеи местного края в Тотьме, Астрахани, Царицыне, Кургане, краевые музеи в Чите, Хабаровске, Троицко-Савске и др.), краеведческий материал в них не был ведущим. Кроме того, среди местных музеев была группа музеев школьно-учебных, педагогических и наглядных пособий, которые никак нельзя отнести к типу краеведческих музеев.

На ряде музеев периферии лежала печать личных склонностей их собирателей.

Такие музеи часто наполнялись случайными вещами, которые придавали им кунсткамерный характер.

Более целеустремленное краеведческое направление имели сибирские музеи, в создании которых большую роль сыграл Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, а также передовые русские люди в лице политических ссыльных. Но даже среди сибирских музеев это направление не было выдержано до конца. Например, Иркутский музей, имевший благодаря работам различных экспедиций и отдельных исследователей ценнейшие коллекции, дающие представление о природе и быте населения Восточной Сибири, содержал материалы по

Монголии, Китаю, Японии и другим странам. Это отмечалось и в отчетах музея.

«Иркутский музей, создаваясь постепенно, десятки лет, все же не имел строгого плана и определенных принципов при своей организации. В музей попадали случайные материалы. Не удивительно поэтому, что строгого плана в распределении коллекций музея и выставки их не было. Нечетко поставленные задачи музея, отсутствие планомерности в исследовательской работе в Иркутском крае не могли создать музей живым организмом, полным отражением природы и быта края»¹.

В работах, написанных накануне Октябрьской революции, ставился вопрос о краеведческом направлении в работе местных музеев, но оно отнюдь не считалось единственным и исчерпывающим.

Так, в 1917 г. был выпущен сборник статей В. А. Невского по внешкольному образованию. Как видно из предисловия, сборник был подготовлен к печати в 1916 г. В одной из статей сборника — «Районные музеи в их будущем» — автор так определяет тип местного музея: «Районный народный музей должен быть прежде всего местным музеем, местный элемент должен быть доминирующим элементом, но не исчерпывающим его содержание, он должен быть обеспечен пособиями общего значения»².

Исходя из такого определения профиля местного музея, В. А. Невский намечает следующую структуру его экспозиционных отделов: I — школьно-учебный, который должен включать минимальный набор наглядных пособий для начального обучения, II — природы и классификации естественнонаучных дисциплин, состоящий из 10 групп — физика, химия и т. д., III — жизнь людей в прошлом и настоящем, IV — репродукции с художественных картин.

Известный музейный деятель Н. И. Романов также считал необходимым сочетать в местном музее общий материал с краеведческим. Опираясь преимущественно на опыт заграничных музеев, он считал, что местный музей дает знакомство с природой и жизнью области. Но «наряду с картинами местной жизни музей должен наметить связи, объединяющие человека с его родиной, с ее природой и жизнью...». Поэтому местный музей можно расширить «введением предметов, отсутствующих в данной местности, но существующих в других частях страны»³.

Почти все провинциальные музеи находились в губернских центрах и значительно меньше в уездных городах. Они ютились в небольших непригодных зданиях, где нельзя было развернуть значительную научную или экспозиционную работу. Даже отдельные научные деятели, работавшие в провинции, выступали против создания местных музеев, мотивируя это тем, что тогда материал, собранный на местах, ускользнет от центральных музеев.

¹ Архив Минпроса РСФСР, ф. Главнауки, оп. 2, д. 54, св. 6, 1924/25 г., л. 1.

² В. А. Невский. Сборник статей по внешкольному образованию. Пг., 1917, стр. 102—103.

³ Н. И. Романов. Как устраивать местные музеи, 1919, стр. 16—17.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции впервые в истории человечества завоевания культуры стали народным достоянием. Советское государство превратило старые музеи из закрытых собраний коллекций, какими они были до революции, в доступные населению политико-просветительные учреждения. Кроме того, оно создало новые музеи на основе бывших частных коллекций. Советское государство также руководило собиранием культурных сокровищ и распределением их между музеями. В системе музейного отдела Наркомпроса, созданного в 1918 г., был особый подотдел провинциальных музеев. Публикуя свою программу, музейный отдел писал: «Создание новых музеев на местах и всемерная поддержка существующих является, по мнению Отдела, одной из важнейших задач русской музейной политики»¹.

Подотдел по заведованию провинциальными музеями, которым руководил С. П. Григоров, имел штат уполномоченных — эмиссаров, которые на местах разыскивали художественные и исторические памятники, выясняли их действительную значимость, принимали всевозможные меры для охраны этих памятников, регистрации и вывоза их в столицу или в создаваемые на местах хранилища. Там, где имелись условия, эмиссары способствовали организации новых музеев и реорганизации старых.

Незначительное количество эмиссаров не могло установить полной картины охраны памятников и образования новых музеев; связи центра с местами препятствовали транспортные затруднения, события гражданской войны и иностранной интервенции, разруха и тяжелое экономическое положение страны. Поэтому особо важное значение приобретала организация местных музейных секций.

Так, во Владимирской губернии, где были богатые культурно-исторические памятники и опытные кадры музейных работников, уже в мае 1918 г. при Губнаробразе была создана первая комиссия по охране памятников искусства и старины. В августе того же года эта комиссия была преобразована в губколлегия по делам музеев и охране памятников. 12 декабря на Владимирском губернском съезде по народному образованию было решено приступить к организации уездных коллегий в городах: Вязниках, Муроме, Переяславле, Суздале, Юрьеве. Эти коллегии были созданы в течение декабря 1918 — марта 1919 г.².

В Воронеже с августа 1918 г. музейными вопросами стала заниматься секция изобразительных искусств губотдела Наробраза. Ей было поручено ознакомиться с Воронежским музеем, который раньше находился в ведении ученой архивной комиссии. Через секцию музеев стал пополняться художественными и историческими ценностями из музейного фонда. Секция также печатала и распространяла по губернии все

¹ «Народное просвещение», № 6. Ежемесячное приложение к «Известиям ВЦИК», 6 июля 1918 г.

² Труды Владимирского гос. обл. музея, вып. 11. Владимир, 1926, стр. 68.

декреты Совнаркома, касающиеся музейной политики и охраны памятников¹.

В Вологде в 1918 г. работу с музеями вела комиссия по вопросам изобразительного искусства при губисполкоме. Представитель ее, будучи на заседании подотдела провинциальных музеев в Москве, в ноябре сообщил, что «вывоз из имений предметов искусства и культуры продолжается», и поставил вопрос о передаче Вологодскому музею бывшего архиерейского дома².

В Вятской губернии охрана памятников и спасение коллекций велись просто отдельными музейными работниками. Только после того, как представитель Вятского музея побывал в ноябре 1918 г. в Москве в подотделе провинциальных музеев, он узнал об организационной работе центра по музейному строительству³.

Перед Всероссийским отделом по делам музеев встала задача организованного привлечения новых сил к этой работе в связи с расширяющейся деятельностью на местах. Для создания единой системы руководства музейным строительством 7 декабря 1918 г. Наркомпрос вынес постановление об образовании губподотделов по делам музеев и охране памятников искусства и старины при отделах Наробраза губсовдепов.

«1. При всех отделах народного образования Губсовдепов РСФСР срочно организовать Губподотделы по делам музеев и охране памятников искусства и старины на следующих основаниях:

а) В состав каждого подотдела входят представители Отдела Наробраза при Совдепах и специалисты, приглашенные политическим руководством по согласованию с Центральным Отделом.

б) Губподотделы, оставаясь автономными в своей республике, действуют под общим руководством Отдела через особых инструкторов.

в) В сферу деятельности Губподотделов при Совдепах входят заведение музеями, реорганизация существующих и организация новых музеев в губернии, создание губ. муз. фондов для целесообразного распределения по плану, составленному Отделом при Наркомпросе»⁴.

Таким образом, оставляя за собой планирование и контроль, музейный отдел опирался на местах на специальные учреждения, ведавшие

музейным делом, ближайшей целью которых было охранять и организовывать использование всего ценного, что имелось на местах.

В соответствии с принятым постановлением повсеместно стали организовываться губподотделы, и к осени 1919 г. их было уже 64¹.

Бывшие коллегии и секции, занимавшиеся музеями, были преобразованы в подотделы. Владимирская губколлегия была преобразована в подотдел в апреле 1919 г. Губподотдел провел в июле того же года съезд музейных работников Владимирской губернии, организовал во всех уездных городах уездные подотделы, за исключением тех, куда назначались агенты из губподотдела.

В других губерниях также шло образование губподотделов на базе имевшихся ранее аналогичных учреждений.

В Воронеже, например, существовавшая ранее секция 10 февраля 1919 г. была заменена губподотделом, которым был принят план работы, включавший вывоз ценностей из уездов, регистрацию художественных сокровищ, взятие на учет и охрану церковно-археологических ценностей, улучшение положения музея².

В организации подотделов иногда участвовали представители центра. Так, например, на заседании Пензенского губотдела Наробраза 24 апреля 1919 г. присутствовал представитель Всероссийской коллегии по делам музеев А. М. Эфрос, который поставил вопрос об организации при Наробразе подотдела по делам музеев и охране памятников. Подотдел был организован в составе заведующего и трех сотрудников: двух художников и одного архитектора³.

На Урале, в Сибири, на Северном Кавказе, в Крыму, где шли особенно ожесточенные бои с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией, организация местных музейных управлений прошла несколько позже. Так, например, в Сибири работа по музейному строительству широким фронтом могла развернуться только после разгрома колчаковщины.

С восстановлением Советской власти в Томске при Губнаробразе 17 декабря 1919 г. был организован подотдел искусств, где была учреждена секция охраны памятников с музейной подсекцией.

В августе 1920 г. на основании полученного из Москвы циркуляра при Томском губнаробразе оформился подотдел по делам музеев с секциями, совпадающими с прежними подсекциями. Томским подотделом была проведена значительная работа по изучению археологических памятников губернии, кроме того, им было получено помещение для музея в бывшем архиерейском доме, занятом другими учреждениями⁴.

¹ А. Дауге. Охрана памятников искусства и старины в провинции. «Худож. жизнь», 1919, № 1, стр. 11.

² Архив ГИМ, папка 2, ф. 54. Отчет Воронежского музея 15/III 1919 г.

³ Там же, папка 10. Протокол заседания Пензенского губотдела Наробраза 24/IV 1919 г.

⁴ Архив ГИМ, ф. 54, 18. Протокол заседания коллегии Сибкрая ОНО по состоянию муз. дела, 30/III 1928 г.

¹ Архив ГИМ, ф. 54, папка № 2. Отчет Воронежского музея от 15 августа 1919 г. Этот фонд музейного отдела Главнауки был передан Наркомпросом в архив ГИМ в 1930 г., очевидно, для организованного тогда Кабинета музееведения. Фонд описан по папкам, но внутри папок листы не пронумерованы, поэтому в списках указываются названия использованных документов. Пользуюсь случаем выразить благодарность зав. читальным залом архива ГИМа Е. А. Середкиной за содействие, оказанное мне в использовании этого фонда.

² Там же. Отчет Вологодского подотдела по делам музеев за первое полугодие 1919 г.

³ Там же, папка 4. Протокол заседания подотдела провинциальных музеев, 21 ноября 1918 г.

⁴ Сб. «Декреты и постановления Раб.-Кр. Правительства по народному образованию», вып. II, 1920, стр. 59.

В Иркутске в первые дни после победы Советской власти над Колчаком работа по сохранению культурных сокровищ сосредоточилась в Комиссариате по охране государственных ценностей, а позднее в организованном в начале февраля 1920 г. подотделе по охране культурных ценностей при Иркутском ОНО. В мае подотдел был переименован в секцию того же названия и передан внешкольному подотделу, а затем подотделу искусств.

Подотдел по охране культурных ценностей делился на четыре секции: художественно-историческую, естественно-историческую, этнографическую и архивную. Каждой секцией руководили крупные специалисты — профессора университета¹.

В таком крупном городе, как Казань, создание губподотделов несколько задержалось. Казанский подотдел был утвержден центром только 27 сентября 1920 г.

В связи с упразднением Казанской губернии и основанием Татарской Автономной Советской Социалистической Республики губподотдел был преобразован в отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Наркомпросе Татарской республики.

В начале 1920 г. подотделы по делам музеев были превращены в секции вновь организованных при Губоно подотделов искусств. Сотрудники бюро по заведованию провинциальными секциями музеев выезжали на места для оказания помощи в организационных и методических вопросах. В инструкции, которую получили сотрудники, указывалось, как следует организовать секции. «По прибытии на место инструктор входит в сношение с местным Отделом Народного Образования, знакомит его с задачами Центрального Отдела, дает указания относительно организации секции и намечает лиц, могущих взять на себя дело музейного строительства и охраны памятников искусства и старины в данной губернии или уезде. По формировании секции, инструктор созывает общее собрание ее членов для выработки предварительного плана работ и составления примерной сметы на ведение дела»².

При обследовании работы ранее организованных секций инструктору поручалось «выяснить степень удовлетворительности как самих помещений музеев, находящихся в ведении секции, так и размещения и сохранности находящихся в них предметов; ознакомиться с принятыми в музеях методами каталогизации, инвентаризации или регистрации предметов искусства; ознакомиться с популяризаторской деятельностью секции и постановкой экскурсионного дела»³.

Инструктор также отбирал соответствующие предметы художественного и исторического значения в государственный музейный фонд. «В случае, если местное население выразило бы желание устроить из оста-

ющегося материала музеев, инструктор обязан всемерно содействовать такому начинанию, руководствуясь, однако, общемузейной политикой Отдела»¹.

Для большей централизации руководства музейным строительством 20 апреля 1921 г. коллегия Наркомпроса утвердила положение о Главмузее, согласно которому все музеи на территории РСФСР, как художественные, так и естественнонаучные, были переданы в ведение Главного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы.

23 мая 1921 г. Наркомпросом было издано положение о губернских музейных органах. Согласно этому положению при губернских отделах народного образования создавались губкомитеты по делам музеев (губмузеи).

На губмузеи возлагались: а) организация и направление деятельности всех, как существующих, так и вновь возникающих в губернии музеев, б) организация губернских музейных фондов, в) производство археологических раскопок, г) организация выставок, лекций, экскурсий, изданий и пр.².

Функции губернских музейных органов значительно расширились по сравнению с 1918 г. Новые задачи вытекали из развития музейного строительства в стране, из определения музеев как научно-просветительных организаций, которые не только хранят культурные ценности, но и ведут научную и просветительную работу: проводят раскопки, читают лекции, организуют экскурсии и выставки, развертывают издательскую деятельность.

Губмузеи делились на три секции или подотдела — музейный, учета и охраны памятников и просветительный или научно-методический.

Создание единого централизованного управления — Главмузея и губмузеев — способствовало упорядочению управления музеями на местах, образованию четкого единого профиля этих музеев на базе комплектования их коллекций по краеведческому профилю.

В дальнейшем Главмузей влился в Главнауку, состоявшую из трех отделов — научного, музейного и художественного.

Эта реорганизация была связана с сокращением и упрощением аппарата и упразднением многочисленных «главков».

В результате Главмузей в известной мере терял свою прежнюю самостоятельность. В то же время включение его в Главнауку подчеркивало научный характер музеев, что способствовало развитию научно-исследовательской работы в них. На этой основе развертывалась собирательская, экспозиционная и массовая работа музеев.

В 1925 г. было вынесено постановление ВЦИК и СНК РСФСР о передаче в ведение местных исполкомов тех музеев, чья научно-иссле-

¹ Архив ГИМ, ф. 54. Отчет Иркутского гос. обл. музея за 1926 г.

² Инструкция сотрудникам бюро по заведованию провинциальными секциями музеев и охраны памятников искусств и старины центр. муз. отд. Наркомпроса. Отд. брош. 1920, стр. 4.

³ Там же, стр. 2.

¹ Инструкция сотр. бюро по заведованию провинциальными секциями музеев и охраны памятников старины центр. муз. отд. Наркомпроса. Отд. брош., 1920, стр. 7.

² Наркомпрос. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений, 1921, № 24.

тельская, собирательская и просветительная работа протекала преимущественно в местном масштабе, но при этом общее руководство просветительно-методической и научно-исследовательской работой осталось за Наркомпросом (Главнаукой). При губисполкомах оставались органы музейного управления — губмузеи¹. Кроме того, сохранялась государственная сеть, объединяющая музеи, являющиеся хранилищами музейно-научных ценностей государственного значения или музеи, научно-исследовательская или просветительная работа которых имела общегосударственное значение.

Переход большей части музеев в сеть местных учреждений способствовал приближению работы музеев к задачам изучения местного края.

В чем же заключалась основная деятельность местных органов музейного управления на протяжении 10 лет Советской власти?

Первой заботой подотделов являлись сбор и охрана предметов старины и искусства. В условиях гражданской войны выполнение этой задачи требовало особого напряжения и быстроты, и сотрудники подотделов в подавляющем большинстве своем, преодолевая исключительные трудности, успешно справились с ней.

Задача собирания и охраны музейных ценностей была нелегкой еще и потому, что бывшие владельцы всячески стремились скрыть принадлежавшие им вещи и переправить их за границу.

В очень трудных условиях пришлось проводить эту работу Орловскому подотделу, так как линия расположения белых проходила близ Орла, а осенью 1919 г. Орел был временно оккупирован белыми. Тем не менее подотдел собрал экспонаты (преимущественно художественные) более чем из 250 мест, причем экспонаты перевозились на тачках или на салазках, а то и просто перетаскивались на руках².

Сотрудникам Курского подотдела зачастую приходилось ездить на крышах вагонов, чтобы спасти ценные вещественные памятники и документальные исторические источники.

Вторая задача губмузеев заключалась в передаче спасенных экспонатов местным музеям. Сразу же после революции Курский музей увеличился в 10 раз по количеству экспонатов, главным образом за счет произведений скульптуры, живописи и других предметов, взятых из Ивановского дворца бывших князей Барятинских, дворца Нелидовых в Мокве и др.

Материалами для организации Тульского музея, открытого в 1919 г., послужили коллекции палаты древности, бывшей земской управы и музейного фонда ОНО, а также коллекции частных собраний из усадебных музеев Урусовского, Богучарского и др.³

Во Владимирском музее количество экспонатов за 8 лет увеличилось по сравнению с дореволюционным в три раза — с пяти до пятнад-

цати тысяч предметов. Сотрудники музея едва справлялись с работой по записи вновь поступающего материала¹. О количестве экспонатов, поступивших в музеи из музейного фонда, можно узнать из прилагаемой таблицы (см. приложение, стр. 58)².

Содержание экспонатов было разнородно и часто случайно, но представляло несомненную научную и художественную ценность.

В своем первом отчете за 1920 г. Наркомпрос писал: «За время революции наши музейные коллекции выросли многократно. Все те ценности, которые прятались от глаз широких масс в помещичьих дворцах и усадьбах, теперь собраны, размещены по музеям и являются достоянием всех трудящихся»³.

Третьей задачей местных музейных органов было обеспечение музеев новыми помещениями. Музеи стали размещаться в бывших помещичьих усадьбах, особняках, перешедших в собственность государства (например Омский музей получил б. дворец генерал-губернатора). Значительное число местных музеев было открыто в помещениях бывших церквей и монастырей. В начале 1919 г. Переяславль-Залесский музей получил здание в бывшем Горичком монастыре, музей Александровской слободы той же губернии — монастырские владения времен Ивана Грозного.

Ряд музеев разместился в архиерейских домах (Курский, Вологодский, Якутский и др.). Архиерейский дом, например, отведенный Курскому музею, имеет площадь около 2000 кв. метров и состоит из 37 залов. В 1923 г. Рязанский областной музей занял громадное помещение рязанского кремля (дворец Олега) с прилегающими землями и различными монастырскими пристройками и усадьбами.

В связи с работой по учету и охране музейных ценностей развивалась деятельность местных органов и по строительству новых музеев. Несмотря на гражданскую войну, голод и разруху, музейная сеть в те годы росла очень бурно, что было связано с поступлением большого количества национализированных памятников старины и искусства. Губернские музейные органы всемерно поддерживали местную инициативу по устройству новых музеев. Вся эта работа проводилась представителями музейных подотделов вместе с местными органами управления и различными общественными организациями. Музеи возникали не столько в больших городах, сколько в мелких уездных пунктах и даже в сельских местностях.

Из прилагаемого списка видно, какие музеи были открыты в эти годы (см. приложение 2, стр. 60)⁴.

¹ Музеи Владимирской губернии. Труды Владимирского гос. обл. музея, вып. 2, 1926, стр. 79.

² Архив ГИМ, ф. 54, папка 15, д. 4, лл. 208—210.

³ Народный комиссариат просвещения. 1917 г. Октябрь, 1920. (Краткий отчет). 1920, стр. 86.

⁴ Краеведческие учреждения СССР. Справочник. Л., 1925 и 1927 гг. Архив ГИМ, ф. 54, папка 15. Музейная сеть.

¹ Еженедельник НКП, 1925, № 41, стр. 2—4.

² Архив ГИМ, ф. 54, папка 10. Отчет Орлов. Губоно за 1926—1927 гг.

³ Тульский краеведческий музей. Краткий путеводитель по музею. Тула, 1929, стр. 3.

После того как организация государственной охраны музейных ценностей была налажена, перед музейными органами встала первоочередная задача: рациональное построение музейной сети, установление внутренней структуры музеев, четкое определение их задач и вытекающего отсюда профиля каждого из музеев в отдельности.

Музейный отдел провел большую работу по выявлению и уточнению музейной сети, о чем свидетельствуют списки провинциальных музеев, сохранившиеся в фонде музейного отдела Главнауки в папке «Музейная сеть». Первый список датирован 1919 г. Очевидно, раньше музейный отдел не имел возможности провести уточнение музейной сети.

Приведенные в списке названия провинциальных музеев характеризуют исключительное разнообразие их профилей, причем ряд названий указывает на краеведческое направление музея. К краеведческому профилю можно отнести музеи с такими названиями, как областной музей, краевой музей, уездный краевой музей, районный музей, городской музей, национальный музей, музей местного края, музей родниоведения, музей родного края, музей общества изучения края, народный музей.

Кроме музеев, названия которых отражали краеведческое направление в их работе, в списке встречаются музеи древностей, церковных древностей, церковно-исторические, исторические, художественно-исторические, научно-художественные.

Экспозиционные отделы местных музеев были самые разнообразные, и число их доходило до 10—15.

Так, например, музей в Армавире (до революции — Музей общества попечения о детях; основан в 1904 г.) имел отделы: зоологии, ботаники, истории, географии, этнографии, археологии, химии и физики, эмбриологии, объяснительного чтения, технологии, математики, справочный, геологии, минералогии, палеонтологии, анатомии, общий, труда, сельскохозяйственный, ремесленный, фабрично-заводского труда¹.

Такая же пестрая картина наблюдалась и в других музеях, возникших до 1917 г.

Некоторые музеи имели отделы санитарно-гигиенические, труда и охраны народного здоровья, детского творчества, наглядных пособий, религиозных культов и т. д.

Организаторы вновь возникавших музеев не всегда ясно представляли себе их структуру, хотя экспонаты этих музеев все больше начинали отражать жизнь местного края.

Примером такого музея может служить Муромский музей местного края. В течение 1918 г. в Муроме секция любителей естествознания при студенческом кружке провела большую работу по собиранию естественно-исторических коллекций и поставила вопрос об организации музея. При содействии музейного подотдела секции были переданы богатейшие коллекции из имения графа Уварова и других и отведено одно из лучших зданий в Муроме.

¹ Краеведческие учреждения СССР, Л., 1925, стр. 53.

1 января 1919 г. музей был открыт для осмотра. Состав коллекций позволил организовать в музее три отдела: естественно-исторический с подотделами ботаники и зоологии; историко-археологический с подотделами археологии, быта, истории города, верований; художественный с подотделами иконописи и живописи¹.

Среди сельских музеев, которые проводили значительную работу по изучению края, можно отметить: Ново-Тушинский сельский музей Малмыжского уезда Вятской губернии и музей в селе Кудомкоре Пермского края, возникший в 1919 г.².

Из письма, адресованного Переяславль-Залесскому музею 4 февраля 1919 г., видны те задачи, которые выдвигали музейные органы перед вновь открываемыми музеями. Приведем отрывок из письма:

«Коллегия отдела Наробраза предлагает Вам немедленно перевести музей в помещение бывшего духовного училища в Горицком монастыре, вслед затем безотлагательно приступить к устройству художественного отдела по развеске картин из собраний Свешникова, чтобы он начал функционировать для широких слоев местного населения. По обозрению Переяславской церкви собрать старинные иконы и другую церковную художественную старину, которую и разместить в отдельной комнате. Организовать библиотеку и архив. При этом имейте в виду, чтобы были оставлены помещения для естественно-исторического и экономического отделов, куда немедленно же будут передаваться коллекции сельскохозяйственные, естественно-исторические, а также образцы кустарного и фабричного производства и пр. Во дворе устроить показательный огород, ботанический сад и образцовую пасеку, метеорологическую станцию»³.

Таким образом, музейные органы на местах ставили перед уездными музеями очень широкую программу действий, рассматривая их и как краеведческие, а также и как общеобразовательные комплексные организации.

Такие же установки о профиле местных музеев можно было встретить в 1918 г. в журнале Наркомпроса «Народное просвещение»: «В местном музее должны быть представлены — география и этнография, история и археология, геология и минералогия, местные флора и фауна, отдел кустарного производства — словом, все музейные коллекции должны по возможности дать посетителям музея полное представление о природе и жизни родного края.

Но музей не должен ограничивать себя материалом исключительно местного характера. С местного как наиболее близкого только начинается изучение всей жизни и всей природы»⁴, — говорилось в этом журнале.

¹ Научный архив Научно-исследовательского института музееведения (в дальнейшем — Архив НИИМ), № 824, лл. 21—23. Краеведческие учреждения СССР. Справочник, Л., 1927, стр. 27.

² Краеведческие учреждения СССР. Справочник. Л., 1925, стр. 33, 35.

³ Архив Минпроса РСФСР, ф. Главнауки, оп. 1, № 182, св. 21, л. 5.

⁴ Н. А. Шуклин. Музей и школа. «Народное просвещение», 1918, № 23—25, стр. 11.

Вопрос об определении профиля местных музеев обсуждался на II конференции музейного отдела в сентябре 1920 г. в Москве.

Конференция рекомендовала музеям заняться прежде всего изучением и экспозицией материалов по родному краю¹.

Идея краеведческого направления местных музеев нашла широкий отклик среди музейной общественности. На проходившем в Самаре с 10 по 15 сентября 1920 г. съезде научных деятелей Поволжья, где видное место было уделено музейному строительству, был признан «наиболее жизненным типом местных музеев тот, который в себе отражал природу края, население, его быт, технику и социальную жизнь». Наряду с этим подчеркивалось, что в музеях должны «получить всестороннее освещение вопросы охраны труда, профессиональной гигиены и экономики края»².

В 1921 г. музейная сеть страдала многими недостатками: смешанностью и случайностью коллекций, разбросанностью однородных коллекций по разным музеям, отсутствием целевой установки, являвшимися результатом хаотического распределения музейных фондов в первые годы Советской власти.

Только включение местных музеев в сеть краеведческих учреждений и непосредственное участие их в изучении края постепенно вело к перестройке всей экспозиционной, собирательской и исследовательской работы, выявляющей особенности и своеобразие местного края.

Реорганизация местных музеев в краеведческие была тесно связана с бурным ростом краеведческого движения в стране.

Краеведение, которым в дореволюционной России интересовался только узкий круг местной интеллигенции, с первых же лет Советской власти стало массовым народным движением, характеризующим стремление народа к активному участию в возрождении своего родного края, к науке, к знанию.

* * *

С переходом страны к мирному строительству и восстановлению народного хозяйства повсеместно стали возникать ячейки по изучению родного края.

Краеведческие организации, создаваемые по инициативе самих масс, нуждались в научном руководстве и инструктаже. Поэтому к 1921 г. многочисленные краеведческие организации обращались по различным вопросам в Главнауку, но она не только не успевала отвечать на все эти запросы, но и не могла даже провести учет и регистрацию многих возникавших организаций. Отсутствие живого общения и связи с местными организациями не давало возможности найти правильные пути для руководства.

Решено было созвать всероссийскую конференцию краеведов, где можно было бы разрешить накопившиеся вопросы.

¹ Н. Г. Машковцев. Принципы музейного строительства. «Художественная жизнь», 1920, № 4—5, стр. 6.

² «Казанский музейный вестник», 1920, № 7—8. Хроника, стр. 55.

Для подготовки такого совещания Главнаука обратилась в Академию наук и в некоторые другие центральные научные учреждения, издавна связанные в своей работе с местами, а также и к отдельным ученым, известным своим интересом к краеведению. Оргкомитет Всесоюзной конференции научных обществ и учреждений по изучению местного края разработал программу конференции, по которой предусматривался доклад о задачах краеведения, истории краеведения в России и за границей, а также о задачах музеев краеведения и их связях с краеведческими обществами.

Конференция наметила основные задачи краеведческой работы в стране и выбрала центральное бюро краеведения, которое координировало и направляло разрозненную до тех пор работу мест. Бюро в короткий срок провело учет краеведческих организаций, содействовало равномерному развитию их сети, выработке определенного типа краеведческих музеев и сближению их с местными органами на почве разработки вопросов хозяйственного и государственного строительства¹.

Отделом музеев Главнауки было разработано положение о местных музеях, в котором задачи музеев определились в первую очередь как краеведческие².

На проходивших в эти годы совещаниях музейных работников и краеведов стоял прежде всего вопрос о создании типа подлинного краеведческого музея, содержанием работы которого была бы изучаемая территория края, а не построение экспозиции на основах энциклопедизма.

По выражению академика Ферсмана, «нужно бояться краеведческому музею переходить за те границы, те задачи, которые предопределяют идею музея: освещение данного края»³.

Трудности при перестройке местных музеев в краеведческие возникали еще из-за неразрешенности ряда теоретических вопросов музейного дела и отсутствия достаточного опыта.

Сторонники краеведческого построения музея выдвигали систематический метод сбора и показа материала как наиболее объективный и доступный местным научным силам. Синтетический метод рекомендовался лишь в тех случаях, когда для этого был собран достаточный материал и были возможности для его осуществления.

В основе систематического метода была система классификации музейных предметов по трем разделам: естественно-историческому, культурно-историческому и общественно-экономическому. Эти отделы в свою очередь могли иметь ряд делений: подотделы, секции, группы и т. д.

В производственном плане музейного отдела на 1924/25 г. отмечалось, что «в области музейного строительства работа по концентрации

¹ Архив Минпроса РСФСР, ф. Главнауки, оп. 3, № 244, св. 28, лл. 89—90.

² Архив НИИМ, № 244, л. 21.

³ Там же.

музеев в общих чертах может считаться завершенной. Установлен окончательный список музеев, подведены итоги революционного накопления музейных ценностей и стихийного образования музеев. В этой области лишь осталось проделать работу по фактической концентрации музейных материалов путем укрупнения музейных организмов. Основной задачей ближайшего времени должна явиться разработка главнейших научных организационных вопросов в области музейного строительства... Стремление музейного отдела: 1) развить сеть историко-революционных отделов при краеведческих музеях, 2) дальнейшее развитие этнографических отделов при музеях автономных областей, 3) широкое развитие производственных отделов, сельскохозяйственных, кустарно-промышленных, фабрично-заводских и экономических, с целью вовлечь музеи в работу по поднятию народного хозяйства»¹.

В связи с упорядочением музейной сети и приданием местным музеям краеведческого профиля, в 1924—1925 гг. шло объединение музеев различных профилей в единые областные краеведческие музеи. Так, например, во Владимире в один областной Владимирский музей были объединены художественно-исторический, историко-революционный, естественно-исторический музеи; в Вологде — четыре музея: художественно-исторический, церковной старины, научно-исторический или родинovedения и Петровский домик. До объединения в каждом из этих четырех музеев повторялись одни и те же экспонаты, научного контакта в работе музеев не было.

Первые 2 года музей в Вологде назывался объединенным, а с 1925 г. — областным. Таким образом, название «объединенный», указывающее на переходный момент в истории музея, было устранено, а название «областной» находилось в полном соответствии с характером экспонатов, отражающих жизнь и природу не одной Вологодской губернии, но всего Северного края.

Такое же слияние музеев произошло в Калуге, Пензе, Саратове, Ярославле и других городах. Всего было образовано путем слияния 35 музеев².

Перестройка музеев проходила не одновременно во всех отделах и по-разному. В Вологодском музее, например, в 1926 г. краеведческий принцип был выдержан лишь в отделах естественно-историческом и экономическом, в историко-революционном же отделе краеведческий материал тонул в массе документов по истории революции вообще, а в историко-бытовом отделе он совсем не был выделен³. При реорганизации Пензенского естественно-исторического музея в краеведческий проводилось полное отделение местного краеведческого материала от других материалов.

Краеведческая экспозиция этого музея получила в 1924 г. высокую

¹ Архив Минпроса РСФСР, ф. Главнауки, оп. 2, № 46, св. 5, л. 7.

² Архив ГИМ, ф. 54, папка 15. Объединение музеев.

³ Там же, папка 2. Отчет о поездке в Вологду Н. Федоровой в августе 1926 г.

оценку А. В. Луначарского, который отмечал, что она может быть использована при правильном усвоении гусовской программы¹.

В те годы музеи на местах становились единственными центрами, где сосредоточивалась научно-исследовательская работа по изучению местного края.

Уже с 1920 г. музейный отдел Наркомпроса и местные музеи совместно с Академией материальной культуры стали систематически изучать археологические памятники — курганы, городища, стоянки, — а также занялись сбором памятников «усадебной культуры». Так, в 1922 г. сотрудниками Государственного научного музея при Северо-Кавказском институте краеведения было обследовано «Нартовское кладбище» в селе Лац, в 1924 г. организована экспедиция в горную Осетию (ущелья Кобанское, Даргавское, Санибанское и Куртатинское); в том же году была совершена археологическая разведка в районе Военно-Грузинской дороги, а в феврале 1925 г. — в районе Кобанского ущелья².

20-е годы характеризуются повсеместным размахом собирательской и экспедиционной работы в области этнографии. Собирался в основном материал, отражающий жизнь и историю трудящихся масс, преимущественно крестьянства. Он состоял из комплексов сельскохозяйственных орудий, жилища, домашней утвари, одежды и т. д.

Интересная этнографическая работа проводилась в Московском областном музее, где в те годы работали этнографы: В. В. Богданов, Б. А. Куфтин, С. П. Толстов, А. Г. Данилин, Н. И. Лебедева, Г. С. Маслова и др. Этнографы музея участвовали в комплексной экспедиции 1926 г. по озерам центрально-промышленной области, где изучался быт рыбаков и рыбацкий промысел, а также проводились специальные этнографические экспедиции по исследованию материальной культуры мордвы, тверских карел, касимовских татар и др. На основе собранного материала был подготовлен ряд выпусков «Трудов музея» и отдельные монографии, из которых можно упомянуть работу Б. А. Куфтина «Материальная культура русской мещеры».

Собранные во время экспедиции материалы пополняли не только музеи Московской области, но и другие, входившие тогда в ЦПО. Так, в Горьковском музее и сейчас находятся предметы материальной культуры заволжских крестьян, старообрядческого населения, мари, мордвы, татар-мишарей и т. д.³.

¹ Известия Центр. Бюро краеведения, 1925, № 1, стр. 14.

ГУС — Государственный ученый совет Наркомпроса РСФСР. Гусовские программы включали разделы, строящиеся на привлечении местного краеведческого материала, и потому экспозиции краеведческих музеев были для них хорошей иллюстрацией.

² Архив Минпроса РСФСР, ф. Главнауки, оп. 3, № 2, св. 1, л. 19.

³ А. Данилин. Гос. музей центр. пром. обл. «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 272; С. Толстов. Гос. музей центр. пром. обл. «Этнография», № 1, стр. 212; Г. Маслова. Изучение нацменьшинств в Московской области. «Сов. этнография», 1931, № 3—5, стр. 215.

Большинство краеведческих музеев того времени имело особые этнографические отделы. В 1924 г. этнографические отделы имелись в 29 музеях, в том числе в Вологодском, Владимирском, Барнаульском, Иркутском, Красноярском, Казанском, Краснодарском и др.¹ Эти отделы стали вливаться в историко-культурные отделы в качестве подразделов.

Планы построения этнографической экспозиции были приняты на конференции музейных работников центрально-промышленной области в Рязани в 1925 г., где говорилось: «подотдел должен отображать по возможности полнее как эволюцию форм быта, так и современную народную жизнь. Основная экспозиционная форма подразделов — систематический подбор коллекций, дополняемый частичным применением синтеза в разработке отдельных тем»².

В 20-х годах отмечается также интерес к изучению кустарных ремесел и народного прикладного искусства. Музеи устраивали выставки различных видов прикладного искусства. Так, например, в Орловском музее в 1926 г. была выставка художественного шитья и плетения кружев, где наряду с образцами русского шитья XVI—XIX веков было показано возрождавшееся художественно-кустарное дело, то есть работы кустарей Мценского уезда — плетение кружев и прошивок из суровых ниток. На выставке была представлена карта губерний с указанием пунктов, где население занималось художественно-кустарным производством³. С 1924—1925 гг. внимание местных музеев было направлено на изучение природных ресурсов и экономики края — промышленно-сти, сельского хозяйства, кустарных промыслов.

Научно-исследовательская деятельность местных музеев выражалась главным образом в изучении природы, истории и экономики своего края.

В 1926 г. Музей центрально-промышленной области (Москва) организовал экспедицию на тему «Озера центрально-промышленной области». В эту тему входило изучение топографии озер, геологии, ископаемых, памятников фауны и флоры (палеонтология), почвенных условий приозерных районов, древних приозерных поселений, условий и характера населения приозерных районов, хозяйств человека на озерах и приозерных районах. Одновременно музеи дали ряд практически ценных исследовательских работ, которые были использованы различными хозяйственными организациями. В краеведческих музеях экспонировался, как правило, весь материал, запасных фондов не было. Показывались только подлинные экспонаты, лишь в общественно-экономические отделы вводили небольшое количество объяснительного материала: карты, диаграммы, картограммы, модели.

¹ Архив ГИМ, ф. 54, папка 15. Характеристика музеев провинции на 1925 г.

² Там же. Орловский музей.

³ Там же, папка 35. Музейные съезды и конференции.

Экспозиция состояла из трех главных отделов: естественно-исторического, культурно-исторического и общественно-экономического. Эти отделы делились на ряд подразделов. Естественно-исторический отдел состоял из подразделов геологии, ботаники, зоологии, орнитологии, энтомологии и т. д. В 1926 г. эти отделы были открыты при 279 музеях¹. Историко-культурный отдел имел подразделы археологии, этнографии и быта. В последнем показывались коллекции фарфора, бронзы, стекла, тканей и пр. В 1926 г. историко-бытовые и историко-культурные отделы имелись при 288 музеях².

Общественно-экономический отдел выставлял орудия труда и продукцию различных промышленных организаций. Этот отдел обычно организовывался из отделов сельского хозяйства и кустарных промыслов, создание которых было связано с подготовкой местных музеев к участию во Всесоюзных сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставках 1923 г. На этих выставках музеи подводили итоги своей работы в области названных отраслей хозяйства³.

Инициатива в организации этих отделов принадлежала Рязанскому и Тверскому музеям. Музейные совещания ставили перед этими отделами задачу выявить производительные силы своего края и влияние их на производственную деятельность человека.

Во многих музеях стали зарождаться историко-революционные отделы. Некоторые музеи приступили к собиранию материалов для этих отделов с первых же дней революции. Так, например, Воронежский музей собирал образцы печати революционных лет и в 1923 г. открыл в отдельном зале выставку революционной печати и революционных плакатов, а в 1925 г. на этой основе — историко-революционный отдел. Ленинградский Музей революции оценил собирательскую работу Воронежского музея в этой области как выдающуюся и отобрал для себя ценную коллекцию дубликатов⁴.

Ряд краеведческих музеев имел художественные отделы или художественные филиалы. К 1 ноября 1926 г. такие отделы были при 109 музеях.

Организовывались новые музеи в национальных районах — Уфе, Чебоксарах и т. д., реорганизовывались старые, например в Казани. В национальных музеях преобладали задачи изучения истории той или иной национальности.

В ноябре 1925 г. в Москве на совещании директоров учреждений Главнауки был поставлен вопрос о создании специального типа национальных музеев. Особенности этих музеев должны были заключаться:

¹ Архив ГИМ, ф. 54, папка 35. Музейные съезды и конференции. Доклад В. В. Богданова, директора обл. Московского музея на совещании директоров учреждений Главнауки 19—21 ноября 1925 г.

² Архив ГИМ, ф. 54, папка 15. Музейная сеть 1926 г.

³ Бюллетень Главнауки 1923 г., № 5, стр. 13—14.

⁴ Паспорт областного краеведческого Воронежского музея на 1950 г. находится в Управлении музеев Министерства культуры РСФСР.

1) в организации специального художественного отдела для приобщения отсталых народов к общему руслу пролетарской культуры; 2) в развитии историко-культурных и историко-бытовых отделов, позволяющих понять основные этапы развития национальных культур и их взаимные связи¹.

Из простых хранилищ научного материала музеи превращались в своеобразный тип научно-исследовательских учреждений, проводящих значительную просветительную работу в тесной связи с системой народного образования.

Уже в 1918 г. в журнале «Народное просвещение» писалось, что музеи наряду с функцией сохранения памятников культуры будут являться проводниками просвещения и воспитания масс. «Музей не ограничится хранением своих богатств, но будет устраивать лекции, рефераты и сообщения, а в самом размещении своих коллекций откажется от сухой систематизации, заменив ее методом живой группировки. Музей должен превратиться из тоскливых мертвых хранилищ в рассадник культуры и просвещения. Новый музей должен быть не только научным хранилищем, но и широким просветительным учреждением, давая своим посетителям материалы для общего развития и для изучения природы и жизни родного края»².

Состав посетителей музея коренным образом изменился по сравнению с дореволюционным. Так, Псковский музей в 1925 г. посетило 30 403 человека. Среди них было красноармейцев — 40 %, крестьян — 25 %, служащих — 25 %, учащихся — 10 %³.

Намного возросла посещаемость музеев по сравнению с дореволюционным временем. В сибирских музеях посещаемость до революции составляла 30 тысяч в год, в 1925/26 г. она составила 190 тысяч, то есть увеличилась на 600 %⁴.

Рост посещаемости по годам можно проследить на примере Вологодского музея: в 1918 г. посетителей было 8100 человек, в 1919 — 12 586, в 1920 — 14 859, в 1921 — 16 370 и в 1927 — 37 686⁵. В Курском музее посещаемость с 2023 человек в 1919 г. увеличилась до 16 082 человек к 1927 г.⁶

Наилучшей формой ознакомления с музейной экспозицией была признана экскурсия.

Экскурсии устраивались сквозные и тематические. Например, в Вологодском музее в 1927 г. по естественно-историческому отделу проводились экскурсии на следующие темы: «Звери и птицы Севера», «Строение земной коры», «Природа Северного края» и др. В экономическом от-

деле преобладал общий осмотр музея, но наряду с ним проводились экскурсии по темам: «Кустарные промыслы», «Промышленность Северного края», а также по отраслям промышленности: «Маслоделие» и т. д.

В историко-бытовом отделе устраивались экскурсии: «Культура населения Северного края», «Быт населения», «Жизнь помещиков и крестьян», «История города Вологды», «Первобытный человек», «Охота и рыболовство в области Коми», «Особенности одежды крестьянок Северного края по материалам музеев» и т. д.¹. Читались также лекции на краеведческие темы.

Многие музеи стали устраивать выставки. С одной стороны, это были выставки фондов по материалу — тканям, фарфору, художественному шитью, с другой — тематические выставки, связанные с юбилейными датами революционных событий: «Революция 1905 г.», «Жизнь В. И. Ленина», «Быт и работа Красной Армии» и др.

Местные музеи, отмечая 10-летие Октябрьской революции, организовывали особые отчетно-показательные выставки, где на иллюстративном и диаграммном материале демонстрировали историю развития и основные достижения данного музея за годы революции, а также тематические выставки, показывающие завоевания революции и успехи социалистического строительства. Тематический план выставки был разработан Музеем Революции и разослан по местам. В ряде городов подготовка этих выставок проводилась с помощью губернских юбилейных комиссий, Истпарта, губархивов и секретариатов губкомов ВКП(б).

Необходимо отметить, что ряд краеведческих музеев за эти годы развернул издательскую деятельность. К 1927 г. 75 музеев имели уже свои издания². Так, в Сибири Минусинский музей издавал ежегодник и отдельные монографии; Томский музей выпускал научные труды; Омский и Иркутский музеи — путеводители и отдельные книжки; Красноярский — брошюры и т. д.³. Широко была развита издательская деятельность и в Казанском музее⁴. С 1917 по 1927 г. музеем было выпущено 30 названий книг.

Казанский подотдел Всероссийской коллегии по делам музеев выпускал ряд лет журнал «Казанский вестник», сыгравший значительную роль в постановке теоретических и практических вопросов музейного строительства на местах.

Одновременно с научной работой краеведческие музеи вели и политико-просветительную работу.

Местные музеи делились на областные и уездные, соответственно той территории, которую музей охватывал в своей экспозиции. Областные музеи были на госбюджете, а уездные — на местном.

¹ Архив ГИМ, ф. 54, папка 35. Протоколы муз. конференции ЦПО в Ярославле 1927 г.

² Н. А. Ш у к и н. Музей и школа. «Народное просвещение», 1918, № 23—25, стр. 11.

³ Архив НИИМ, № 1442, л. 78.

⁴ Архив ГИМ, ф. 54, папка 18. Сибирские музеи.

⁵ Архив ГИМ, ф. 54, папка 2. Отчет Вологодского музея за 1926/27 г.

⁶ Известия Курского губ. о-ва краеведения, 1927, № 1—2, стр. 18.

¹ Архив ГИМ, ф. 54, папка 2. Отчет Вологодского музея за 1926/27 г.

² Там же, папка 15, т. IV. Музейная сеть.

³ Там же, папка 18. Состояние музейного дела в Сибкрае.

⁴ Г. А. Скоп и н. Издания музея. Казань, 1955.

К концу 1926 г. в результате ликвидации маломощных музеев и слияния музеев музейная сеть была упорядочена и к 10-й годовщине Великого Октября насчитывала 291 местный музей в пределах РСФСР (см. приложение № 3, стр. 65)¹. По интенсивности развития музейной сети на первом месте стояла центрально-промышленная область (ЦПО), в которой было 86 музеев. До революции здесь насчитывалось всего 16 музеев, то есть музейная сеть увеличилась в 5 раз. В ЦПО на первом месте стояли Московская и Ярославская губернии, насчитывавшие по 15 музеев, затем Владимирская (12), Тверская (10) и др.²

В среднем в РСФСР на каждую губернию приходилось по 3 музея.

XIII Всероссийский съезд Советов (1927 г.) вынес по докладу Наркомпроса специальное постановление о дальнейшем укреплении краеведческой работы. «Придавая большое значение краеведческой работе, как форме вовлечения в научно-исследовательскую работу широких кругов трудящихся, съезд Советов обращает внимание центральных исполнительных комитетов автономных республик, краевых, областных и губернских исполнительных комитетов на необходимость усилить содействие органам краеведения и шире использовать в деле строительства края их работу»³. Содействие должно было выражаться в планомерном развитии сети краеведческих организаций, в том числе музеев, организации музейно-краеведческих отделов или института инспекторов по музейно-краеведческой работе.

IV съезд политпросветов в 1927 г. указал на необходимость «принять меры к большему использованию местных музеев»⁴. В связи с этим было предложено при построении каждого раздела экспозиции показывать все достижения советского строительства со времени победы революции, проводя параллель с дореволюционным временем, рисовать перспективы дальнейшего развертывания строительства. Получаемый при этом избыток экспонатов (систематический принцип при этом несомненно нарушался) переходил в запасные отделы.

Все более применялись методы «самоговорящего музея»: создание этикетаж, стрелок, путеводителей. На III краеведческой конференции (декабрь 1927 г.) в докладе «Краеведение и социалистическое строительство» был выдвинут тезис: «Без музея не может правильно развиваться наше краеведение... Без музейной работы, без построения правильной сети музеев нельзя мыслить правильной постановки краеведения». Отмечая, что музеями проведена за истекшее время значительная организационная и собирательская работа, Ф. Н. Петров ставил перед ними задачи научного исследования края и широкой просветительной работы: «В музее собирается такой комплекс материалов по культуре и искусству и пр. по отношению к данной территории, по

отношению к определенному времени, что не достаточно просто описывать и инвентировать его. Музей в своей собирательской работе, в своем исследовании должен на своем материале показать, как лучше ставить производство, как лучше развить культуру.

С одной стороны, являясь учреждениями исследовательскими, они являются громадным фактором в нашей просветительной работе»¹.

Вся эта большая и энергичная работа по уточнению профиля местных музеев привела к тому, что после 3-й Всероссийской конференции по краеведению каждый местный музей должен был строиться исключительно по краеведческому принципу. Перед краеведческими музеями ставилась задача — на местном материале, в ясной, доступной массовому зрителю форме дать полное представление о местном крае.

Так местные музеи постепенно преобразовывались в центры культурно-просветительной и научно-исследовательской работы и таким образом помогали широким массам трудящихся изучать свой родной край.

¹ Ф. Н. Петров. Краеведение и социалистическое строительство. Известия Центр. бюро краеведения, 1928, № 1, стр. 12, 14—15.

¹ Архив ГИМ, ф. 54, папка 15, д. 3. Музейная сеть РСФСР, 1927 г.

² Там же, папка 35. Протоколы 2-й муз. конф. ЦПО в Ярославле 12—16 декабря 1927 г.

³ Еженедельник Наркомпроса, 1927, № 21, стр. 517.

⁴ Там же, 1927, № 51, стр. 1189.

ВЫДАЧА ЭКСПОНАТОВ МУЗЕЙНЫМ ФОНДОМ МЕСТНЫМ МУЗЕЯМ
с 1920 г. по I/II 1927 г.

Наименование музеев	Год выдачи	Общее количество
1. Астраханскому	—	24
2. Белевскому	1921	9
3. Богородскому	1929	16
4. Брянскому	1926	15
5. Верхнеудинскому	1925	7
6. Владимирскому	1924—1926	52
7. Вологодскому	1924	84
8. Воронежскому	1921	
	1923	
	1924	
	1925	
	1926	
	1927	130
9. Воскресенскому	1923	
	1924	
	1927	183
10. Вятскому	1921	
	1923	
	1924	
	1925	
	1926	
	1927	220
11. Глазовскому	1921	12
12. Грозненскому	1925	203
13. Дагестанскому	1923	
	1924	230
14. Дмитровскому	1923	27
15. Дорогобужскому	1923	
	1924	119
16. Елецкому	1923	
	1924	220
17. Ельницкому	—	147
18. Ефремовскому	1921	5
19. Задонскому	1926	458
20. Зарайскому	1923	34
21. Звенигородскому	1926	
	1927	3
	1921	10
22. Златоустовскому	1926	109
23. Зырянскому	1925	401
24. Кабардино-Балкарскому	1927	25
25. Казанскому	1925	32
26. Калужскому	1924	
27. Коломенскому	1925	221

Наименование музеев	Год выдачи	Общее количество
28. Костромскому	1922	
	1923	
	1926	36
29. Косьмодемьянскому	1924	65
30. Краснодарскому	1923	
	1926	
31. Краснококшайскому	1924	138
	1925	147
32. Красноярскому	1925	
	1926	44
33. Крымскому	1923	
	1924	172
34. Мурманскому	1921	27
35. Нижегородскому	1923	
	1925	
	1926	54
36. Нижнетагильскому	1925	96
37. Орловскому	1934	103
38. Острогжскому	1923	50
39. Пензенскому	1927	36
40. Переславль-Залесскому	1925	111
41. Пермскому	1921	
	1924	
	1925	
	1926	350
42. Пятигорскому	1921	26
43. Ростовскому	1921	
	1926	30
44. Ростовскому-на-Дону	1921	9
45. Рыльскому	1921	
	1923	
	1924	
	1925	111
	1926	
46. Рязанскому	1923—1927	413
47. Самарскому	1925	
	1927	61
48. Сарапульскому	1924	
	1925	224
49. Саратовскому	1923	
	1925	
	1926	
	1927	433
50. Северо-Двинскому	1925	22
51. Сергиевскому	1927	1
52. Серпуховскому	1925	127
53. Сычевскому	1926	26
54. Смоленскому	1923	
	1924	
	1927	38

Наименование музеев	Год выдачи	Общее количество
55. Спасскому	1920	24
56. Ставропольскому	1925	111
57. Таганрогскому	1925	
	1926	225
	1925	10
58. Тамбовскому	1921	
59. Тульскому	1926	
	1927	45
60. Ульяновскому	1923	
	1925	48
61. Уфимскому	1921	
	1923	
	1925	93
62. Феодосийскому	1925	
	1926	34
63. Чебоксарскому	1921	22
64. Ярославскому	1923	
	1924	
	1927	214

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕСТНЫХ МУЗЕЕВ

1918 г.

1. Болховский музей художественно-научный (Орловская губ.).
2. Бронницкий музей ОНО (Московская губ.).
3. Брянский музей местного края (Брянская губ.).
4. Великолукский уездный музей им. т. Воровского (Псковская губ.).
5. Вельский краевой музей (Тверская губ.).
6. Вятский гос. музей искусства и старины (Вятская губ.).
7. Гдовский уездный музей смешанного типа (Петроград. губ.).
8. Головищенский районный музей родниоведения (Пензенская губ.).
9. Гороховецкий музей местного края (Владимирская губ.).
10. Грайворонский музей местного края (Курская губ.).
11. Гос. музей северодвинской культуры (В. Устюг, Сев.-Двин. губ.).
12. Зарайский гос. музей (Рязанская губ.).
13. Зырянский местный музей (Усть-Сысольск).
14. Ивановская народная библиотека-музей (Иваново-Вознесенская губ.).
15. Исторический заповедник на острове Мудьюг (Архангельская губ.).
16. Калужский гос. художественный музей (Калужская губ.).
17. Камчатский музей местного края при школе II ступени.
18. Кашинский историко-археологический музей (Тверская губ.).
19. Кимрский музей местного края (Тульская губ.).
20. Краснослободский естественно-исторический музей родного края (Пензенская губ.).
21. Кунгурский научный музей (Уральская обл.).
22. Ливенский научный музей (Орловская губ.).
23. Липецкий народный музей им. Тимирязева (Тамбовская губ.).
24. Лысковский районный музей (Нижегородская губ.).

25. Марийский национальный музей (г. Косьмодемьянск Марийской обл.).
26. Масальский музей местного края (Калужская губ.).
27. Музей Дмитровского края (Московская обл.).
28. Осташковский краевой музей (Тверская губ.).
29. Переславль-Залесский историко-художественный и краеведческий музей (Владимирская обл.).
30. Рославльский музей природы и истории края (Брянская губ.).
31. Ростовский н/Д. областной сельскохозяйственный музей (Северный Кавказ).
32. Рязанский историко-художественный музей (Рязанская губ.).
33. Саранский музей родного края (Пензенская губ.).
34. Саратовский естественно-исторический музей (Саратовская губ.).
35. Сердобский музей местного края (Саратовская губ.).
36. Симбирский гос. губернский естественно-исторический музей (Симбирская губ.).
37. Симбирский гос. художественный музей (Симбирская губ.).
38. Сычевский народный музей (Смоленская губ.).
39. Тамбовский губернский научно-художественный музей (Тамбовская губ.).
40. Торжокский художественно-исторический музей (Тверская губ.).
41. Туринский музей местного края (Ирбитский округ).
42. Уездный Усманский народный музей (Воронежская губ.).
43. Хвалынский музей (Саратовская губ.).
44. Центральный музей Ветлужского края (г. Ветлуга Нижегород. губ.).
45. Челябинский музей местного края (Уральская обл.).
46. Чистопольский музей местного края (Казанская губ.).
47. Шадринское научное хранилище (Уральская обл.).
48. Шурминский школьный музей (Уржумский уезд Вятской губ.).
49. Яранский центральный музей (Вятская губ.).

1919 г.

1. Вельский музей краеведения (Вологодская губ.).
2. Вольский губернский центральный научно-образовательный музей (Саратовская губ.).
3. Воронежский педагогический музей наглядных пособий (Воронежская губ.).
4. Вяземский музей родного края (Смоленская губ.).
5. Вязниковский художественно-исторический и местного края музей (Владимирская губ.).
6. Вытегорский музей местного края (Петроградская губ.).
7. Гос. музей Оптиной пустыни (г. Козельск Калужской губ.).
8. Дмитровский музей в Народном доме (Орловская губ.).
9. Дмитровский музей местного края (Курская губ.).
10. Дорогобужский гос. научный музей местного края (Брянская губ.).
11. Задонский историко-археологический музей (Воронежская губ.).
12. Каширский художественно-исторический музей (Московская губ.).
13. Кинешемский музей краеведения (Иваново-Вознесенская губ.).
14. Козловский естественнонаучный музей им. Тимирязева (Тамбовская губ.).
15. Кологривский краеведческий музей (Костромская губ.).
16. Кудымкарский музей (Пермская губ.).
17. Маловишерский музей краеведения (поселок Боровенко, Новгородской губ.).
18. Малоярославцевский музей местного края (Калужская губ.).
19. Меленковский естественно-исторический музей (Владимирская губ.).
20. Моршанский историко-археологический музей (Тамбовская губ.).
21. Музей Марьинского отд. Мологского общества изучения родного края (Ярославская губ.).
22. Музей природы Сев. побережья Невской губ. (ст. Лахта Петроградской губ.).
23. Муромский музей местного края (Владимирская губ.).
24. Никоновский музей (г. Валдай Новгородской губ.).
25. Нолинский музей краеведения (Вятская губ.).
26. Орловский гос. областной музей (Орловская губ.).

27. Пермский музей (Уральская обл.).
28. Порховский музей им. Октябрьской революции (Псковская губ.).
29. Пронский уездный музей (Рязанская губ.).
30. Пугачевский музей местного края (Самарская губ.).
31. Репьевский музей местного края (Пензенская губ.).
32. Рыбинский художественно-исторический музей (Ярославская обл.).
33. Рыльский гос. музей (Курская губ.).
34. Сердобский краевой музей (Саратовская губ.).
35. Сольвычегодский гос. музей (Северо-Двинская губ.).
36. Спасский музей местного края (Рязанская губ.).
37. Старицкое отделение Тверского гос. музея (Тверская губ.).
38. Темниковский музей родного края (Пензенская губ.).
39. Тихвинский уездный музей местного края (Череповецкая губ.).
40. Трубчевский музей местного края (Брянская губ.).
41. Холмский уездный народный музей (Псковская губ.).
42. Чухломский музей местного края (Костромская губ.).
43. Яренский музей местного края (Северо-Двинская губ.).

1920 г.

1. Архангельский сельскохозяйственный музей.
2. Аткарский музей местного края (г. Аткарск Саратовской губ.).
3. Бийский советский народный музей (Сибирский край).
4. Боровичский музей местного края им. т. Реппо (Новгородская губ.).
5. Боровский районный музей (Калужская губ.).
6. Вилюйский окружной местный музей (Якутия).
7. Владимирский губернский кустарный музей (Владимирская губ.).
8. Городецкий уездный музей (Нижегородская губ.).
9. Ейский районный музей (Северокавказский край).
10. Златоустовский художественно-промышленный и исторический музей (Уральская губ.).
11. Иркутский центральный педагогический музей (Сибирский край).
12. Калязинский историко-археологический музей (Тверская губ.).
13. Камышловский научный музей (Уральская губ.).
14. Канский окружной музей (Сибирский край).
15. Коломенский сельскохозяйственный музей (Московская губ.).
16. Корочанский краеведческий музей (Курская губ.).
17. Ленинский музей местного края (с. Талдом Московской губ.).
18. Малмыжский музей местного края (Вятская губ.).
19. Миасский музей местного края (Уральская губ.).
20. Мышкинский музей природоведения (Ярославская губ.).
21. Музей древностей и изящных искусств Воронежского университета.
22. Новозыбковский краеведческий музей (Брянская губ.).
23. Новоиерусалимский художественно-исторический музей (Московская губ.).
24. Ново-Николаевский губернский народный музей (Сибирский край).
25. Нязепетровский музей краеведения (Нязепетровский з-д, Уральская губ.).
26. Обвинский народный музей (Уральская губ.).
27. Областной Калмыцкий историко-этнографический музей (Астраханская губ.).
28. Областной музей центрально-промышленной области (Москва).
29. Петровский единый гос. музей (г. Петровск Саратовской губ.).
30. Темуковский районный естественно-исторический музей (Северный Кавказ).
31. Тутаевский музей местного края (Ярославская губ.).
32. Тюменский музей местного края (Уральская губ.).
33. Уфимский гос. художественный музей.
34. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь. Крым).
35. Череповецкий губернский музей местной природы (Череповецкая губ.).
36. Юрьев-Польский художественно-исторический музей (Владимирская губ.).

1921 г.

1. Белебеевский музей местного края (Уфимская губ.).
2. Брянский гос. музей местного края (Брянская губ.).
3. Вологодский областной краеведческий музей (Вологодская губ.).
4. Волоколамский историко-бытовой музей (бывш. Иосифов монастырь Московской губ.).
5. Восточный музей (г. Ялта. Крым).
6. Выбитский музей быта (совхоз Выбити Псковской губ.).
7. Гос. художественно-исторический краевой музей (г. Воскресенск Московской губ.).
8. Евпаторийский музей истории искусства и старины (Крым).
9. Ижевский местный музей (Вотская авт. обл.).
10. Ильинский районный музей (Пермский округ).
11. Кабардино-Балкарский областной краевой музей (г. Нальчик).
12. Касимовский краевой музей (Рязанская губ.).
13. Кирсановский народный музей (Тамбовская губ.).
14. Копринский музей родного края (Ярославская губ.).
15. Лодейнопольский уездный музей «Наш край» (Петроградская губ.).
16. Музей изучения Верхотурского края (Уральская обл.).
17. Музей искусства и старины (поселок Большие Соли Костромской губ.).
18. Музей при Новгородском губернском Доме просвещения (Новгородская губ.).
19. Музей Таманского полуострова (Кубанский округ).
20. Новотушкинский сельский музей местного края (Вятская губ.).
21. Орловский естественно-исторический музей (Орловская губ.).
22. Печорский этнографический областной музей (Архангельская губ.).
23. Пошехонь-Володарский городской музей (Ярославская губ.).
24. Саввино-Звенигородский художественно-исторический и краевой музей (Московская губ.).
25. Свяжский кантонный музей (Казанская губ.).
26. Слободской научно-художественный музей (Вятская губ.).
27. Сочинский музей краеведения (Черноморский край).
28. Старорусский художественно-исторический музей (Новгородская губ.).
29. Старочеркасское историческое древлехранилище им. Степана Разина (Донской округ).
30. Сухановский музей местного края (с. Суханово Подольского уезда Московской губ.).
31. Тарусский музей местного края (Калужская губ.).
32. Томский краевой музей (Сибирский край).
33. Торопецкий уездный музей краеведения (Псковская губ.).
34. Уральский областной промышленно-хозяйственный музей-выставка (г. Свердловск).
35. Фатежский музей местного края (Курская губ.).
36. Шенкурский городской музей (Архангельская губ.).

1922 г.

1. Александрово-слободской музей (Владимирская губ.).
2. Богучарский гос. музей (Воронежская губ.).
3. Боровский гос. историко-художественный и краевой музей (Калужская губ.).
4. Галицкий краевой музей (Костромская губ.).
5. Дагестанский музей (г. Махач-Кала Дагестанской АССР).
6. Елецкий пролетарский музей (Орловская губ.).
7. Каменский окружной народный музей (Сибирский край).
8. Каргопольский уездный музей (Вологодская губ.).
9. Лужский уездный музей местного края (Петроградская губ.).
10. Оскинский естественнонаучный музей (Панцырский волостной Городищенского уезда Пензенской губ.).
1. Псковский гос. областной музей.
2. Севский музей местного края (Брянская губ.).
3. Суздальский научно-исторический гос. музей (Владимирская губ.).

1923 г.

1. Богородский промышленный музей (Московская губ.).
2. Грязеведский музей местного края (Вологодская губ.).
3. Дятьковский краевой музей (Брянская губ.).
4. Ишимский окружной краеведческий музей (Урал).
5. Котельничский уездный музей (Вятская губ.).
6. Мамадышский музей местного края (Татарская АССР).
7. Малоархангельский краевой музей (Орловская губ.).
8. Музей древнерусского искусства (Архангельская губ.).
9. Музей краеведения при Волховской уездной совпартшколе (Ленинградская губ.).
10. Музей краеведения при Севастопольском Доме просвещения (Крым).
11. Новозыбковский музей народного хозяйства (Брянская губ.).
12. Перескочинский краеведческий музей (Урал).
13. Рязанский областной гос. музей.
14. Солигалический музей местного края (Калужская губ.).
15. Старооскольский музей (Курская губ.).
16. Тесовский волостной музей (Новгородская губ.).

1924 г.

1. Борисоглебский краевой музей (Владимирская губ.).
2. Боровский гос. историко-художественный и краевой музей (Калужская губ.).
3. Бурят-Монгольский краевой музей (г. Верхнеудинск).
4. Великолукский областной музей (Владимирская губ.).
5. Верхне-Камский окружной музей (г. Усолье Уральской обл.).
6. Гиблицкий музей местного края (Рязанская губ.).
7. Златоустовский окружной музей (Уральская обл.).
8. Иваново-Вознесенский музей краеведения.
9. Ирбитский музей местного края (Уральская обл.).
10. Историко-этнографический музей «Волгаря» (Саратов).
11. Местный музей (поселок Людинка Бежицкого уезда Брянской губ.).
12. Музей краеведческий (г. Горбатов на Оке Нижегородской губ.).
13. Музей местного края Петровского общества изучения местного края (Рыбинск, с. Петровское Ярославской губ.).
14. Музей Соловецкого общества краеведения (Соловки Карельской АССР).
15. Нижне-Тагильский музей местного края (Уральская обл.).
16. Павловский музей местного края (Владимирская губ.).
17. Псковский музей Революции при Истпарте.
18. Темрюкский районный краевой музей (Кубанский округ).
19. Торопецкий краеведческий музей (Владимирская губ.).
20. Уржумский районный музей (Вятская губ.).
21. Чеченский музей (г. Грозный).
22. Шестаковский сельский краевой музей (Слободской уезд Вятской губ.).

1925 г.

1. Адыгейский областной историко-этнографический музей (г. Краснодар).
2. Бугурусланский музей местного края (Самарская губ.).
3. Варнавинский уездный музей (Краснобаковского уезда Ветлужского края).
4. Дагестанский музей (г. Махач-Кала Дагестанской АССР).
5. Дербентский отдел Дагестанского музея (Дагестанская АССР).
6. Кологривский художественно-исторический и краеведческий музей основан из художественного (1818 г.) и краеведческого (1919 г.) (Костромская губ.).
7. Мокшанский волостной музей местного края (Пензенская губ.).
8. Музей Бельского общества краеведения (Смоленская губ.).
9. Наровчатский музей местного края (Пензенская губ.).
10. Нарышкинский краевой музей (Орловская губ.).
11. Николо-Кормский музей родного края (Ярославская губ.).

12. Новоселовский районный краеведческий музей (Красноярский округ).
13. Ойротский краеведческий музей (г. Улала Ойротской авт. нац. обл.).
14. Псковский губернский музей Революции.
15. Тулунский местный музей (Сибирский край).
16. Уездный сельскохозяйственный музей при Доме крестьянина (Новая Ладога Ленинградской губ.).
17. Ульяновский волостной краевой музей (ст. Сходня Московской губ.).
18. Центральный музей АССР немцев Поволжья (г. Покровск).

1926 г.

1. Балахнинский исторический музей (Нижегородская губ.).
2. Б. Сосновский краевой районный музей (Пермский округ).
3. Краевой музей горских народов (Ростов н/Дону).
4. Кушвинский районный музей (Тагильский округ).
5. Можайский музей местного края (Московская губ.).
6. Музей по изучению Мурманского края (Мурманск).
7. Музей Сергиевского края (Сергиев Московской губ.).
8. Сызранский музей местного края (Ульяновская губ.).
9. Школьно-краеведческий музей (г. Иркутск).

1927 г.

1. Башкирский краевой музей (с. Башкирское Уральской обл.).
2. Издельский краеведческий музей (Уральская обл.).
3. Лабинский районный музей (Армавирский округ).
4. Лялинский музей краеведения (Уральская обл.).
5. Надеждинский краеведческий музей (Уральская обл.).
6. Нерехтенский музей местного края (Костромская губ.).
7. Нижне-Сандинский краевой музей (Уральская обл.).
8. Обдорский краевой музей (Уральская обл.).

Приложение № 3

СЕТЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ РСФСР на 1 октября 1927 г. (по административному делению 1927 г.)

Архангельская губ.

1. Архангельский гос. северный краевой музей — г. Архангельск.
2. Шенкурский краевой музей — г. Шенкурск.
3. Архангельский сельскохозяйственный музей при Доме крестьянина

Астраханская губ.

4. Астраханский музей местного края

Брянская губ.

5. Брянский музей местного края.
6. Севский музей местного края.
7. Музей местного края — пос. Людинка Бежицкого уезда
8. Трубчевский музей местного края.
9. Новозыбковский музей местного края.
10. Стародубский краеведческий музей.
11. Дятьковский краевой музей — Дятьково.

Владимирская губ.

12. Владимирский гос. областной музей
13. Суздальский гос. музей.

14. Переславль-Залесский музей.
15. Государственный музей Александровской слободы.
16. Вязниковский историко-художественный и краеведческий музей.
17. Киржачский историко-художественный музей.
18. Муромский историко-археологический и краевой музей.
19. Мстерский музей местного края.
20. Естественно-исторический музей — г. Меленки.
21. Ковровский музей местного края.

Вологодская губ.

22. Вологодский гос. областной музей.
23. Тотемский музей местного края.
24. Грязовецкий музей местного края.
25. Вельский музей местного края им. В. Ф. Кулакова
26. Каргопольский музей местного края.
27. Музей краеведения — п/о Устьянское, с. Устье.

Воронежская губ.

28. Гос. Воронежский областной музей.
29. Богучарский музей местного края.
30. Задонский музей местного края.
31. Острогожский музей местного края.
32. Алексеевский музей местного края.
33. Павловский музей местного края.
34. Усманский музей местного края.

Вятская губ.

35. Гос. Вятский областной музей.
36. Котельничский музей местного края.
37. Малмыжский музей местного края.
38. Ново-Тушкинский музей местного края.
39. Халтуринский музей местного края.
40. Слободской музей местного края.
41. Сангурский музей местного края.
42. Ярканский музей местного края.
43. Нолинский музей местного края.
44. Советский музей местного края.
45. Уржумский музей местного края.

Иваново-Вознесенская губ.

46. Иваново-Вознесенский губернский музей.
47. Кинешемский музей местного края.
48. Юрьевский музей местного края.

Калужская губ.

49. Гос. Калужский областной музей.
50. Гос. музей «Оптиной пустыни» (Козельский уезд).
51. Тарусский музей местного края.

Костромская губ.

52. Гос. Костромской областной музей.
53. Большесольский музей местного края.
54. Галичский музей местного края.
55. Кологривский музей местного края.
56. Солигаличский музей местного края.
57. Чухломской музей местного края.

Курская губ.

58. Курский краеведческий музей.
59. Димитровский музей местного края
60. Суджанский музей местного края.
61. Рыльский музей местного края.
62. Старо-Оскольский музей местного края.

Ленинградская губ.

63. Вытегорский музей местного края.
64. Лужский музей местного края.
65. Лахтинский музей природы северного побережья Невской губы.
66. Лодейнопольский музей местного края
67. Гдовский уездный музей.

Московская губ.

68. Гос. музей центрально-промышленной области.
69. Гос. Воскресенский историко-художественный и краеведческий музей
70. Бронницкий музей местного края.
71. Волоколамский музей местного края.
72. Дмитровский музей местного края.
73. Звенигородский историко-художественный музей.
74. Ленинский музей местного края — г. Ленинск.
75. Можайский музей местного края.
76. Серпуховский музей местного края.
77. Егорьевский музей местного края.
78. Рузский музей местного края.
79. Сергиевский музей местного края.

Мурманская губ.

80. Мурманский музей местного края.

Нижегородская губ.

81. Гос. Нижегородский областной музей.
82. Ветлужский музей местного края.
83. Городецкий музей местного края.
84. Лысковский музей местного края.
85. Балахнинский музей местного края.

Новгородская губ.

86. Новгородский гос. областной музей.
87. Старорусский художественно-исторический музей
88. Боровичский музей местного края.
89. Тесовский волостной музей (п/о Вяжичи).

Оренбургская губ.

90. Центральный музей Киргизского края — г. Оренбург.

Орловская губ.

91. Орловский гос. областной музей.
92. Болховский музей местного края.
93. Елецкий музей местного края.
94. Ливенский музей местного края.
95. Новосильский музей местного края.

Пензенская губ.

96. Гос. Пензенский областной музей.
97. Краснослободский музей местного края в память Октябрьской революции.
98. Головищенский музей местного края.
99. Атмисский музей местного края.

100. Саранский музей местного края.
101. Темниковский музей местного края.
102. Наровчатский музей местного края.
103. Беднодемьянский музей местного края.
104. Маинский музей местного края.

Псковская губ.

105. Гос. Псковский обл. музей.
106. Великолукский музей местного края.
107. Холмский музей местного края.
108. Торопецкий музей местного края.
109. Порховский музей местного края.
110. Себежский музей местного края.
111. Выбитский музей быта (Сольцы Порховского уезда)
112. Краеведческий музей — г. Велиж.

Рязанская губ.

113. Гос. Рязанский областной музей.
114. Зарайский музей местного края.
115. Касимовский музей местного края.
116. Сапожковский музей местного края.
117. Скопинский музей местного края.
118. Спасский музей местного края.
119. Гиблицкий музей местного края.

Самарская губ.

120. Гос. Самарский областной музей
121. Пугачевский музей местного края.

Саратовская губ.

122. Гос. Саратовский областной музей.
123. Вольский музей местного края.
124. Кузнецкий музей местного края.
125. Петровский музей местного края.
126. Хвалынский музей местного края.
127. Сердобский музей местного края.

Северо-Двинская губ.

128. Музей северодвинской культуры — г. Великий Устюг.
129. Сольвычегодский музей местного края.
130. Яренский музей местного края
131. Никольский музей местного края.

Смоленская губ.

132. Гос. Смоленский областной музей с отделением в Дорогобуже.
133. Бельский музей местного края.
134. Вяземский музей родного края и искусства
135. Ельницкий музей местного края
136. Рославльский музей местного края.
137. Сычевский музей местного края .

Сталинградская губ.

138. Сталинградский музей местного края.

Тамбовская губ.

139. Тамбовский музей местного края.
140. Моршанский музей местного края

141. Козловский художественный и исторический музей
142. Козловский естественно-исторический музей.
143. Липецкий музей местного края.
144. Кирсановский музей местного края.

Тверская губ.

145. Гос. Тверской областной музей.
146. Кашинский музей местного края.
147. Калязинский музей местного края.
148. Ржевский музей местного края.
149. Старицкий музей местного края.
150. Весьегонский музей местного края.
151. Осташковский музей местного края.
152. Торжокский музей местного края.

Тульская губ.

153. Тульский музей местного края.
154. Белевский музей местного края.
155. Епифанский музей местного края.

Ульяновская губ.

156. Гос. Ульяновский областной музей с отделением — домик В. И. Ленина.
157. Сызранский музей местного края.
158. Ардатовский музей местного края

Череповецкая губ.

159. Череповецкий губернский музей местного края.
160. Чудский волостной музей (п/о Абаканово).
161. Тихвинский музей местного края.
162. Устюжнинский музей местного края.
163. Парфеновский музей.

Ярославская губ.

164. Гос. Ярославский областной музей.
165. Гос. Ростовский музей.
166. Тутаевский музей местного края.
167. Мологский музей местного края.
168. Марьинский музей местного края.
169. Пошехоно-Володарский музей местного края.
170. Рыбинский музей местного края.
171. Копринский музей местного края.
172. Мышкинский музей местного края.
173. Николо-Корунский музей местного края.
174. Музей в селе Петровском.
175. Угличский музей местного края.
176. Норский музей местного края.

Уральская область.

177. Гос. областной Уральский музей — г. Свердловск
178. Шадринское научное хранилище.
179. Гос. областной Пермский музей.
180. Гос. музей тобольского севера.
181. Сарапульский музей Прикамского края.
182. Осинский музей местного края.
183. Камышловский музей местного края.
184. Усольский музей Верхне-Камского края.
185. Чердынский музей местного края им. А. С. Пушкина.
186. Кудымкорский пермяцкий музей.

187. Златоустовский музей местного края.
188. Мнаасский музей местного края.
189. Ирбитский музей местного края.
190. Туринский музей местного края.
191. Кунгурский музей местного края.
192. Красноуфимский музей местного края.
193. Нижне-Тагильский музей местного края
194. Ильинский музей местного края.
195. Обвинский музей местного края.
196. Оханский музей местного края.
197. Челябинский музей местного края.
198. Ишимский музей местного края.
199. Курганский музей местного края.
200. Березовский музей местного края.
201. Обдорский музей местного края.
202. Тюменский музей местного края.
203. Кушвинский музей местного края
204. Невьянский музей местного края.
205. Каменский музей местного края.
206. Саткинский музей местного края.
207. Верхнетурский музей местного края.

Сибирский край.

208. Гос. Западно-Сибирский областной музей — г. Омск.
209. Гос. музей Приенисейского края — г. Красноярск.
210. Енисейский музей местного края.
211. Минусинский гос. музей им. Н. М. Мартыанова.
212. Иркутский гос. областной музей.
213. Алтайский музей местного края — г. Барнаул.
214. Бийский музей местного края.
215. Ачинский музей местного края.
216. Томский музей местного края.
217. Новосибирский краевой музей.
218. Балахтинский музей местного края.
219. Каменский музей местного края (Новосибирская губ.).
220. Музей краеведения Ойротской автономной обл. — г. Урала.

Дальневосточный край.

221. Гос. Читинский областной музей им. А. К. Кузнецова.
222. Гос. Хабаровский областной музей.
223. Гос. Владивостокский областной музей.
224. Благовещенский музей местного края.
225. Нерчинский музей местного края.
226. Петропавловский н/Камчатке музей местного края

Северокавказский край.

227. Донской гос. областной музей — Ростов н/Дону.
228. Новочеркасский музей местного края — г. Новочеркасск
229. Кубано-Черноморский гос. областной музей.
230. Старо-Черкасское древлехранилище им. Степана Разина (ст. Черкасская).
231. Майкопский музей местного края.
232. Новороссийский музей местного края.
233. Сочинский музей местного края.
234. Армавирский музей местного края.
235. Геленджикский музей местного края.
236. Ейский музей местного края.
237. Кавказский музей местного края — г. Кропоткин

238. Терский музей местного края — г. Пятигорск.
239. Ставропольский музей Северного Кавказа.
240. Ставропольский центральный народный музей им. Прове.
241. Таганрогский музей местного края им. А. П. Чехова.
242. Темрюкский музей местного края.
243. Усть-Лабинский музей местного края.
244. Владикавказский музей местного края.

Адыгейская автономная область.

245. Адыгейский областной музей — г. Краснодар.

Вотская автономная область.

246. Ижевский музей местного края.
247. Глазовский музей местного края.

Кабардино-Балкарская авт. область.

248. Кабардино-Балкарский областной музей — г. Нальчик.

Карачаево-Черкесская авт. область.

249. Карачаево-Черкесский областной музей — г. Баталпаинск.

Автономная область коми (зырян).

250. Зырянский музей местного края — г. Усть-Сысольск.

Марийская автономная область.

251. Краснококшайский национальный марийский музей.
252. Косьмодемьянский музей местного края.

Чеченская автономная область.

253. Чеченский областной музей — г. Грозный.

Башкирская АССР.

254. Башкирский центральный краевой музей.
255. Тукаевский музей местного края.
256. Стерлитамакский музей местного края.

Бурят-Монгольская АССР.

257. Верхнеудинский музей местного края.
258. Троицкосавский музей местного края.

Дагестанская АССР.

259. Центральный дагестанский музей — г. Махач-Кала.

Казахская АССР.

260. Музей местного края — г. Петропавловск.
261. Кокчетавский музей местного края.
262. Акмолинский музей местного края.
263. Джетысуйский музей местного края — г. Алма-Ата.
264. Чимкентский музей местного края.

Киргизская АССР.

265. Центральный киргизский музей — г. Фрунзе.
266. Каракольский музей местного края.

Крым.

267. Центральный музей Тавриды — г. Симферополь
268. Гос. Бахчисарайский дворец-музей с отделами в Магуп-Кале и Чуфут-Кале

269. Гос. Алупкинский историко-бытовой музей.
270. Евпаторийский музей местного края.
271. Севастопольский музей местного края — г. Севастополь.
272. Феодосийский музей местного края.
273. Ялтинский восточный музей.
274. Керченский музей местного края.

Немцев Поволжья АССР.

275. Марксштадтский музей местного края.
276. Центральный музей АССР немцев Поволжья — г. Покровск.

Татарская АССР.

277. Центральный музей ТАССР — г. Казань.
278. Елабужский музей местного края.
279. Мамадышский музей местного края.
280. Свияжский музей местного края.
281. Тетюшенский музей местного края.
282. Чистопольский музей местного края.
283. Музей Спасского кантона (с. Булгары).
284. Бугульминский музей местного края.

Чувашская АССР.

285. Центральный Чувашский музей — г. Чебоксары
286. Цивильский музей местного края.

Якутская АССР.

287. Центральный музей Якутии — г. Якутск.
288. Вилуйский местный музей.

А. М. РАЗГОН

ОХРАНА ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
(1861—1917 гг.)

История охраны памятников — составная часть истории музейного дела в России, а вместе с тем и истории науки, истории культуры вообще.

Исследование поставленной темы имеет также определенное практическое значение: принципы и методы охраны памятников складывались в течение длительного времени, и советское музееведение, опираясь на ленинские указания о критическом освоении культурного наследия, развивает новые принципы охраны памятников, используя рациональные элементы из опыта предшествующих эпох.

Понятие «исторические памятники» охватывает все первоисточники, свидетельствующие о материальной и духовной жизни человеческого общества. Однако к числу охраняемых исторических памятников относятся лишь важнейшие первоисточники, помогающие раскрытию существенных исторических явлений, и памятники, имеющие мемориальную ценность и непреходящее художественное значение как образцы высоких достижений человеческой культуры.

В зависимости от исторической эпохи меняется значение различных видов памятников как первоисточников. Так, например, для древнейших периодов, по которым письменные источники, либо вовсе отсутствуют, либо их недостаточно, особое значение приобретают вещественные археологические памятники. Чем ближе к современности, тем многообразнее круг памятников-первоисточников и тем сложнее отбор памятников для охраны. Каждая историческая эпоха выдвигала свои критерии отбора охраняемых памятников, и только материалистическое понимание исторического процесса, раскрывшее законы развития человеческого общества, указало правильный путь познания памятников и вооружило ис-

следователей подлинно научными критериями отбора значимых первоисточников и художественных ценностей.

В настоящем очерке делается попытка освещения общих вопросов истории охраны памятников, находившихся вне музеев и других хранилищ.

I.

В проекте организации русского национального музея, составленном Ф. Аделунгом — участником известного в истории русской науки румянцевского кружка, объединявшего крупнейших археографов и источниковедов, указывалось, что Россия обладает бесчисленным множеством исторических памятников огромного научного и художественного значения. «Какой неисчерпаемый источник, — писал автор проекта, — для пополнения всех частей познаний человеческих, которому подобного не найдем ни в одной из других стран света!»¹.

Столь высокая оценка музейных богатств России была вполне обоснованной. Даже то немногое, что было сделано к началу XIX в. по выявлению исторических памятников, давало все основания говорить о множестве первоклассных памятников архитектуры и ваяния, письменности и изобразительного искусства, археологических и этнографических комплексов, способных вызвать переворот в научных представлениях об отдельных эпохах, замечательных памятниках материальной и духовной культуры, свидетельствующих об историческом пути и творческой одаренности многочисленных народов страны.

В течение длительного периода господства феодального способа производства помещичье государство сделало лишь первые шаги по охране исторических памятников России. Издававшиеся эпизодически с начала XVIII в. законы и распоряжения, предписывавшие охрану тех или иных исторических памятников, как правило, имели ограниченное влияние². Феодальная собственность на землю со священным правом феодала распоряжаться в своих владениях по произволу (в том числе и памятниками), господство церкви и ее собственнические права на большое число памятников (особенно архитектурных и памятников письменности), слабое развитие научных учреждений и общественных организаций, темнота и забитость подавляющей массы населения страны, отсутствие учреждений, способных провести в жизнь распоряжения властей, — все это снижало практическую значимость мероприятий по охране памятников. Вместе с тем с формированием капиталистического уклада наукой были достигнуты значительные успехи в области выявления и изучения исторических памятников. Благодаря трудам М. В. Ло-

моносова, В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, Н. М. Карамзина, деятельности «Общества истории и древностей Российских» при Московском университете, «Одесского общества истории и древностей», археографической комиссии (К. Ф. Калайдович и др.) были открыты многие замечательные памятники культуры. С 1820—1830-х гг. начались систематические археологические исследования Крыма (И. А. Стемпковский). Большое значение имели также археологические исследования Киева, Владимира. В археологии наблюдался глубокий интерес к древним городищам (З. Я. Ходаковский). Все это открывало миру исторические памятники России и вместе с тем настоятельно ставило вопрос об организации охраны памятников.

Победа капиталистического способа производства открыла новый этап в деле выявления и охраны памятников. Углубление интереса к историческим памятникам, связанное с развитием буржуазной нации, с ростом национального самосознания, совпадает с усиленным развитием буржуазной исторической науки, в которой хотя и выявились в пореформенный период черты теоретического кризиса, но развернулась большая работа по привлечению и систематизации фактического материала. Последнее нашло свое отражение, в частности, в значительном развитии вспомогательных исторических дисциплин: нумизматики, сфрагистики, геральдики, исторической географии и др. Огромная работа развернулась в области археологии, этнографии, археографии.

Как известно, теоретическая слабость буржуазной науки не исключала наличия крупных достижений в области накопления фактического материала, обогащения науки новыми источниками, при этом для исторической науки все большее значение приобретали археологические и другие вещественные памятники.

Правда, положительное значение этого факта во многом снижалось принципиально неправильным подходом к памятникам материальной и духовной культуры, изучение которых нередко превращалось в самоцель и противопоставлялось теоретическому осмыслению сущности исторических явлений.

Повышенный интерес к памятникам стимулировал появление специальных учреждений, собиравших и изучавших исторические памятники, — музеев, которые хотя и существовали в период феодализма, но начали бурно развиваться только в пореформенную эпоху. Только за 1870—1880 гг. было создано до 80 музеев в большинстве губернских городов и в некоторых уездных городах¹. Однако относительно быстрый рост музейной сети и самих музеев лишь частично решал задачу охраны исторических памятников: в музеях была сосредоточена только незначительная часть исторических памятников. Наконец, многие памятники нельзя было непосредственно включить в музейные фонды, например памятники архитектуры, монументальной скульптуры, мемориальные здания и территории, связанные с выдающимися историческими событиями и жизнью и

¹ Ф. Аделунг. Предложение об учреждении русского национального музея. «Сын отечества», 1817, № 37, стр. 54, 55, 56.

² Таковы указы. 1-е Полное собрание Законов (далее ПСЗ), т. V, № 3159; т. VI, № 3693 и 3738, 2-е ПСЗ, т. XVI, № 14280; т. XVII, № 16401; т. XVIII, № 16770; т. XVIII; Прибавл. к т. XVII, № 16205; т. XX, № 21992 и др. См. также В. Смолин. Краткий очерк законодательных мер по охране памятников старины в России. «Известия императорской археологической комиссии», вып. 63.

¹ Д. А. Равикович. Из истории сибирских музеев. См. настоящий сборник

деятельностью замечательных представителей науки, литературы и искусства.

Большое значение имело и то обстоятельство, что не существовало достаточно четкого научно обоснованного определения самого понятия «исторический памятник». Под древними памятниками, памятниками старины, предметами древности, историческими памятниками и прочими определениями понималось все, «что зело старо и необыкновенно»¹, а также «куриозные вещи»², «...памятники, замечательные по своей древности, художественному достоинству или историческому значению»³, «памятники, имеющие значение источников познания и любви к отечественной истории»⁴, и т. п.

Правильному пониманию значения исторических памятников мешало идеалистическое представление о ходе исторического процесса, его движущих силах и закономерностях. В силу этого даже при наличии интереса к памятникам буржуазная наука не смогла в должной мере оценить многие памятники, документировавшие историю производства материальных благ и жизнь непосредственных производителей — трудящихся. Буржуазные ученые, как правило, не шли дальше элементарного изучения вещей, хотя формально признавалась связь между памятниками и общественными явлениями.

Отсутствие четких научных критериев приводило к тому, что в оценке исторических памятников первенствующее значение приобретали такие факторы, как: 1) формально-хронологический (например, отнесение к числу памятников только предметов не менее чем 150-летней давности)⁵, 2) религиозный, сказавшийся в преувеличении значения памятников, «возбуждающих религиозное чувство», и 3) эстетический, выразившийся в абстрактном любовании художественной формой.

Только марксизм, открывший объективные законы развития человеческого общества, определив решающее значение условий материальной жизни общества, показал подлинное значение памятников как источников познания истории. В частности, хорошо известно указание К. Маркса о значении средств труда как исторических источников. «Таковую же важность, — писал К. Маркс, — как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций»⁶.

¹ 1-е ПСЗ, т. V, № 3159.

² 1-е ПСЗ, т. VI, № 3693 и 3738.

³ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные императ. Московским археологическим обществом», М., 1911.

⁴ Проект Положения об охране древностей. Архив Артиллерийского исторического музея (далее АИМ), ф. Русского военно-исторического общества (далее РВИО), оп. 95/1, д. 75, л. 40.

⁵ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911. Приложение IV, пункт 4, стр. 45, и здесь же «Ответ Императ. археологического общества на «Основные положения», стр. 52.

⁶ К. Маркс. Капитал, т. 1, М., Госполитиздат, 1951, стр. 187.

Задачи охраны памятников требовали также определения типов памятников, подлежащих охране. Научные учреждения и специальные комиссии, составлявшие проекты документов, на основе которых должна была осуществляться охрана, делали попытку классифицировать все многообразные типы памятников¹. Большинство научных документов сходилось на том, что к важнейшим объектам охраны должны относиться:

1) Памятники зодчества. В эту категорию включали прежде всего памятники церковной архитектуры, а также чем-либо замечательные сооружения гражданской архитектуры. Обычно считалось, что, кроме церковных и гражданских построек, к этой категории принадлежат оборонительные сооружения (крепости, валы). Чисто условно сюда же относились места древнейших поселений (селища, городища) и захоронений. Упоминанием мест древних поселений и захоронений в числе «памятников зодчества» ограничивалось внимание к памятникам археологии. Таким образом, хотя и имелась в виду охрана археологических памятников, но они не выделялись специально, несмотря на то, что им наносился непоправимый урон от злостного расхищения и антинаучных «исследований» многочисленных любителей из «благородных сословий»².

2) Памятники ваяния, включавшие произведения монументальной скульптуры, резьбу.

3) Памятники живописи, в состав которых включалась фресковая живопись, иконопись, живопись и графика.

4) Изделия прикладного искусства, или, как они иногда назывались, «изделия ремесленные».

5) Памятники письменности — группа, объединившая рукописные и печатные памятники. При этом предполагалось, что компетенция охраны распространяется лишь на памятники, находящиеся вне архивов и библиотек — основных хранителей памятников письменности, так как для этих учреждений существовали особые правила, обеспечивавшие сохранность указанных памятников, подобно тому, как музеям предоставлялось право самостоятельной охраны находящихся в их фондах музейных предметов.

Указанный перечень категорий памятников, на которые распространялась охрана, значится в большинстве документов.

В некоторых документах был еще шире круг памятников, подлежащих охране. В записке, поданной председателем Московского археологического общества А. С. Уваровым, кроме перечисленных групп па-

¹ Упомянутые проекты стали появляться в 1860-х гг.

² Охрана археологических памятников входила в обязанности специального учреждения «Императорской археологической комиссии», которая оказывалась, однако, неспособной принимать действенные меры по защите археологических памятников от многообразных покушений.

мятников, специально названы также ткани, древние одежды и пр.¹. Еще многообразнее категории памятников, перечисленные в «Основных положениях об охране памятников и зданий» (1905 г.), где значились монументы в честь лиц и исторических событий, а также памятники, замечательные в художественном отношении и по своему археологическому или историческому значению².

При составлении перечня охраняемых памятников имелось в виду, что охрана должна распространяться на движимые и недвижимые памятники, на памятники, находящиеся на государственных и на частных землях и в руках частных собственников. Впрочем, последнее вызывало бесконечные возражения охранителей «священной частной собственности», видевших в этом покушение на самые устои буржуазного правопорядка. Как будет выяснено дальше, принципу охраны памятников, принадлежавших частным лицам, так и не удалось восторжествовать в период капитализма.

Таким образом, несмотря на отсутствие в пореформенный период единства в определении самого понятия «исторический памятник» и различии в классификации типов памятников — объектов охраны, все же ставилась задача охраны весьма обширного круга памятников. И все-таки, даже при широком круге охраняемых памятников, вне поля зрения оказывались многие важнейшие памятники — источники познания существенных исторических явлений. Классовая ограниченность буржуазной исторической науки и музееведения в России сказалась в недооценке значения исторических памятников, свидетельствовавших о жизни трудящихся масс — производителей материальных благ, основных творцов исторического процесса, в игнорировании (а часто и в уничтожении) памятников революционного движения, в невнимании к памятникам, характеризующим изменение производства, в барском пренебрежении к многим памятникам, раскрывающим достижения отечественной науки, и т. п.³.

Извращенное понимание роли личности в истории и политическая тенденциозность буржуазной науки привели к тому, что охрана мемориальных памятников ограничилась в основном вниманием к объектам, связанным с представителями правящей династии и крупной бюрократии. Вместе с тем допускалась гибель мемориальных памятников, свидетельствовавших о жизни и деятельности выдающихся представителей

¹ Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде (далее ЦГИАЛ), ф. 733, оп. 142, д. 509, л. 3.

² «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 45.

³ Указанные отрицательные черты буржуазного музееведения нанесли серьезный ущерб комплектованию фондов музеев, хотя усиливающийся интерес к этнографическим материалам в известной мере содействовал стихийному подбору материала, дававшего некоторое представление о жизни народа, преимущественно крестьянства. Только трудам прогрессивных музейных деятелей современная наука обязана сохранением некоторых исторических памятников, документирующих историю производства, революционного движения, русской науки.

русской науки, литературы и искусства, прогрессивных политических и военных деятелей, являющихся предметом русской национальной гордости. В результате эти памятники оказались утраченными для науки.

II.

Имеющиеся в распоряжении исследователя источники повествуют о многочисленных случаях разрушения исторических памятников в до-революционной России. Причиной разрушений памятников являлись недостатки в области консервации, реставрации, несоблюдение правил, обеспечивающих их сохранность, а также действия многочисленных «вандалов», кладоискателей, спекулянтов и невежественных собирателей. Отдельные факты разрушения и уничтожения исторических памятников стали достоянием гласности благодаря сообщениям печати, деятельности различных общественных и научных организаций.

* * *

Основная ответственность за разрушение и гибель исторических памятников падает на господствующие классы капиталистической России. Во-первых, эти классы обладали материальными возможностями для того, чтобы организовать охрану памятников; во-вторых, именно представители господствующих классов, и особенно духовенство, были повинны в бесчисленных вандализмах, послуживших причиной гибели первоклассных исторических памятников. В частности, о духовенстве с полным основанием писал один из хорошо осведомленных корреспондентов журнала «Старые годы»: «Давно уже стало общеизвестной и печальной истиной, что нет более невежественных врагов наших памятников старины и искусства, чем большая часть нашего духовенства»¹. Даже сотрудники Музея церковных древностей (г. Ростов) в своих замечаниях на один из проектов охраны памятников писали в министерство внутренних дел: «Надо принять во внимание, что главными нарушителями (правил охраны памятников. — А. Р.) являются постоянно лица духовного звания, епархиальное начальство и настоятели монастырей и церквей»².

Факт виновности представителей господствующих классов в разрушении исторических памятников был признан комиссией, созданной для выработки мер по охране памятников при известном своей реакционной политике министерстве внутренних дел. Упомянутая комиссия, вырабатывая меры наказания за нарушение правил охраны памятников, констатировала, что, «так как лица, от которых можно ожидать в будущем нарушений закона, принадлежат преимущественно к состоятельным кругам общества (подчеркнуто нами. — А. Р.), то едва ли есть основание

¹ «Старые годы», 1914, июнь, стр. 37.

² ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 654, д. 11, ч. II, л. 21 об.

предполагать, что штрафные взыскания удержат их от действий, противных интересам государственной охраны древностей»¹.

Представители господствующих классов России нередко обвиняли трудящихся и революционные элементы в гибели исторических памятников, ссылаясь на темноту и невежество народных масс, якобы неспособных понимать высокое значение памятников искусства и исторических реликвий. Один из реакционных членов Московского археологического общества, Е. В. Барсов — известный собиратель и исследователь памятников древней письменности и этнографии — в специальном реферате об охране памятников, прочитанном на заседании общества, явно пытаясь использовать реакционную политическую шумиху, поднятую в период расправы над революционным движением, силился доказать, что программа революционеров (народников), осужденных на процессах 70-х годов, призывала «к истреблению памятников русской старины»².

В 1902 году печать обвиняла крестьян села Нижние Соргогозы в «разграблении большого кургана «Огюз» в Мелитопольском уезде». Однако выяснение обстоятельств показало, что раскопки указанного кургана не давали фактически материала для обвинения крестьян. Крестьяне — участники раскопок, проведенных в этом кургане Веселовским в 1893 г., самостоятельно продолжали раскопки с 1895 года, но при этом сдавали все *добытые* памятники Археологической комиссии, за что и получали от нее вознаграждения. Раскопки кургана крестьянами, не имевшими необходимой научной подготовки, свидетельствовали лишь о нерадивости властей, отвечавших за охрану памятников³.

Нет необходимости отрицать факт забитости и темноты трудящихся масс страны (особенно крестьянства в условиях дикого помещичье-буржуазного гнета). В. И. Ленин писал в 1912 г.: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России»⁴.

Вместе с тем документы сохранили сведения о многих фактах сознательности людей из народа, доставлявших по собственной инициативе властям и в музеи исторические памятники и содействовавших их сохранению. Так, таврический губернатор сообщал в министерство внутренних дел, что крестьянин Ф. Ревуцкий нашел на хуторе Сочи металлические предметы, пластинки, лошадиные кости и сдал их властям

Из Владимирской губернии сообщалось в 1893 г. о крестьянине села Личева Перминской волости Юрьевского уезда Д. Савельеве, доставившем властям найденный им клад медных монет. Крестьянин деревни Связы Минской губернии Борисовского уезда В. Н. Демко нашел и сдал властям 139 серебряных древних монет.

Крестьяне села Зеленого Мелитопольского уезда С. и К. Трегубы, З. Комисаренко, Л. Бойко и Г. Круглая нашли 272 наконечника стрел. Крестьяне деревни Пупелич Борисовского уезда Минской губернии Алексей и Яков Канашевичи нашли клад из 656 серебряных и 2 золотых монет. Мещанин Л. Яцкевич нашел клад из 201 серебряной монеты. Крестьянин села Красного Ямпольского уезда Подольской губернии Иван Зеленко обнаружил старинные монеты. Все они переслали свои находки в Археологическую комиссию¹. Архив изобилует такими документами.

В списках лиц, жертвовавших в музеи исторические памятники, постоянно значатся люди интеллигентного труда (учителя, литераторы, инженеры, врачи), а также крестьяне, рабочие. В частности, такой список по Минусинскому музею, опубликованный в приложении к книге Ф. Кона, отмечает в числе жертвователей крестьян, охотников и рабочих Сибири². Сибирским крестьянином был открыт один из важнейших археологических памятников палеолита — стоянка Мальта³.

О безосновательном обвинении трудящихся в отсутствии интереса к историческим памятникам свидетельствуют также данные о массовом посещении музеев Москвы, Петербурга и других городов, несмотря на различного рода ограничения, тормозившие культурное развитие народа.

Президент Академии наук Литке доносил в министерство просвещения, что поток посетителей в музеи Академии наук увеличивается с каждым годом. С 1857 по 1864 г. в музеях проходило в среднем по 10 000 посетителей; в 1873 г. цифра посетителей достигла 62 000 человек, а в 1877 г. — 70 000 человек. Особенно много посетителей приходилось на праздничные дни, при этом «большинство посетителей состоит из простолюдинов»⁴.

Переведенный в Москву (из Петербурга) Румянцевский музей только в течение мая 1862 г. посетили 42 000 человек⁵. Музей антропологии и этнографии (в Петербурге), который был открыт три раза в неделю, посетили за 5 месяцев 1903 г. 10 000 человек⁶. Тверской музей

¹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 12, лл. 18, 19, 23, д. 13, л. 3, д. 1, лл. 8, 12, 14.

² Ф. Кон. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет. Казань, 1902, стр. 221—254.

³ А. П. Монтгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 17.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, д. 627, л. 1—1 об.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 140, д. 25, л. 31.

⁶ Там же, оп. 143, д. 431, л. 14 об.

¹ АИМ, ч. РВИО, оп. 95/1, д. 75, л. 17 об.

² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, д. 509, л. 131 об. С. 1870-х гг. Е. В. Барсов работал в Румянцевском музее, а с 1881 г. состоял секретарем Московского общества по истории и древностей российских и редактором «Чтений» этого общества.

³ «Киевская старина», т. LXXVII, 1902, апрель, стр. 159 и далее.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 115.

в 1880—1890 гг. посетило от 4000 до 6000 человек¹. Такая же картина наблюдалась и по сибирским музеям»².

* * *

Как было сказано раньше, разрушение и гибель многих исторических памятников в стране широко отмечены источниками. Из признания этих фактов исходили многочисленные распоряжения и законопроекты министерства двора, министерства просвещения, Синода и подчиненных им государственных учреждений и организаций, ведавших охраной отдельных видов исторических памятников³.

Разрушение памятников наблюдалось как в столицах — Петербурге и Москве, так и в провинции.

При попустительстве московских властей в 1880-х гг. был разрушен памятник архитектуры XVII в. — колокольня при церкви на Пречистенском бульваре, хотя Московское археологическое общество накануне разрушения находило памятник «прекрасно сохранившимся во всех частях»⁴. Целый мартиролог памятников архитектуры приведен в статье «Pro domo sua», опубликованной в журнале «Старые годы», среди них дом Батюшковых по Никитской улице, боковые корпуса и надворные постройки дома Пашкова и др.⁵.

Ряд разрушений отмечен и по замечательным подмосковным усадьбам, созданным великими зодчими и крепостными мастерами XVIII — начала XIX в. Как правило, усадьбы Подмосковья и других районов не подвергались особой охране и, оставаясь в частной собственности представителей знатных дворянских фамилий Шереметевых, Голицыных, Юсуповых, Салтыковых, Румянцевых, Куракиных, Разумовских и др. или превратившись в имения представителей буржуазии, продолжали эксплуатироваться как обычные немусейные здания, в связи с чем дальнейшая их судьба всецело зависела от прихоти владельцев. Об одном таком вельможном собственнике художественных ценностей — князе Гагарине — известный художник и историк искусства И. Грабарь с негодованием писал: «Нашелся же в Москве в 60—70-х годах чужак, старик князь Гагарин, выпиливавший себе из «маленьких голландцев» коробочки для сигар и искромсавший не одного «Теньерчика», ...а когда безумцу наскучили цветистые плафоны его дома, то он велел их забелить, предусмотрительно разостлав на новом паркетном полу содранные со стены громадные гобелены»⁶.

Автор книги о подмосковных усадьбах Ю. Шамурин (1914 г.) так описывает состояние одной из них, принадлежавшей князьям Барятинским (возле ст. Люберцы): «Усадьба запущена и заброшена; в старом

екатерининском доме с бельведером и уютной лоджией забиты досками окна; внутри все пусто, вся мебель вывезена и бархатистая пыль засыпает залы»¹.

В полном запустении находилось знаменитое Царицыно, архитектурный комплекс которого составлял дворец, построенный в последней четверти XVIII в. М. Ф. Казаковым, и несколько построек, возведенных замечательным русским зодчим В. И. Баженовым («Большой хлебный корпус», «Виноградные ворота», ряд парковых павильонов, беседок и проч.). По свидетельству очевидца, на крыше одного из павильонов «выросла сосна 3—4 вершков в диаметре, разрушались мосты и беседки»².

В подмосковном имении Кузьминки (кн. Голицыных) в результате запущенности и небрежности сгорел главный корпус дворца, в строительстве которого принимали участие многие крупные архитекторы начала XIX в., в том числе М. Ф. Казаков³.

О разрушении памятников Петербурга писал С. Маковский: «Под охраной немудрых законов, под наблюдением невежественных комиссий и учреждений, под шум бессильных печатных протестов и при равнодушном соизволении «имеющих власть» устроителей городского хозяйства — один за другим исчезают и портятся старые памятники столицы»⁴. Так исчезли некоторые статуи фасада адмиралтейства, цепи, окружавшие подножие растрельных колонн⁵. В павильоне Монплезира собрание картин находилось в условиях, которые грозили им гибелью⁶.

В Кушелевском парке на Выборгской стороне пошла на слом ротонда, построенная архитектором Гваренги⁷.

В Таврическом дворце, где разместились Государственная Дума, столы-консоли художественной работы были отданы в пользование думского парикмахера, а многочисленные вазы свалены в одной комнате⁸.

В провинции разрушение исторических памятников достигало еще больших масштабов и грозило безвозвратной гибелью многих художественных и исторических ценностей.

На I археологическом съезде в Москве в 1869 г. приводились конкретные материалы о гибели исторических памятников в провинции. А. А. Мартынов перечислил большое число церквей, ценных как архитектурные и художественные памятники, разрушенных вследствие варварства властей⁹.

Доклад «О мерах для сохранения памятников в Волынской губернии», прочитанный Н. Горошинским, рассказывал о разрушении памят-

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 143, д. 53, л. 15 об.

² Там же, оп. 140, д. 25, л. 31.

³ Характеристику важнейших документов по охране памятников см. далее.

⁴ «Русский архив», 1894, кн. 2, М., стр. 159.

⁵ «Старые годы», 1909, февраль, стр. 92—94.

⁶ Там же. 1911, январь, стр. 50.

¹ Ю. Ш а м у р и н. Подмосковные усадьбы. М., 1914, стр. 84.

² «Старые годы», 1910, Ноябрь, стр. 40; Ю. Ш а м у р и н, указ. соч., стр. 55—60.

³ «Аполлон», 1916, № 3, стр. 50.

⁴ «Старые годы», 1909, апрель, стр. 318—319; «Мир искусства», 1903, т. 2, стр. 118.

⁵ Там же, 1910, январь, стр. 47—48; апрель, стр. 46—47.

⁶ Там же, 1910, апрель, стр. 210—211.

⁷ «Мир искусства», 1899, т. 2, № 13—14, стр. 94.

⁸ «Старые годы», 1908, июнь, стр. 343.

⁹ Труды I археологического съезда в Москве. Т. I—II, М., 1871, стр. L—LI.

ников церковной архитектуры XVII в. в городах Остроге и Луцке, о гибели остатков памятников церковной архитектуры XII в. в городах Владимире-Волынском и Овруче¹. Участник III археологического съезда М.М. Левченко сообщил об уничтожении ряда памятников в южной России. В частности было отмечено разрушение дворца Разумовского в Батурине, построенного по проекту Кваренги, а также о вопиющем факте, имевшем место около 1872 г., когда, по словам докладчика, «какой-то вандал, купивший картинную галерею князей Люблинских, сжег ее». Здесь же была упомянута гибель памятников архитектуры в г. Дубно².

С 1848 г. в течение почти 30 лет обсуждался вопрос о судьбе древней Коломенской стены. Пока вырабатывались проекты ее ремонта, городские власти, не удосужившись составить чертежи и описания, начали разрушение крепостной стены, из кирпича которой местные обыватели строили дома³.

Подобная же участь постигла Зарайскую крепость, постройка которой относится к 1531 г. Ходатайство рязанских властей (г. Зарайск — Рязанской губ.) об ассигновании средств для ремонта Зарайского кремля, поддержанное Археологической комиссией, утонуло в бюрократическом болоте министерства внутренних дел и министерства финансов, и памятник подвергся дальнейшему разрушению⁴.

Множество сведений о печальной участи исторических памятников в России публиковалось в журнале «Старые годы», в котором сотрудничали художники, искусствоведы, коллекционеры и музейные деятели⁵. Один из корреспондентов журнала сообщил о разрушении памятника, созданного по проекту знаменитого архитектора Томона в память о Полтавской битве⁶. В этом же журнале поднимался вопрос о варварском отношении к уникальному памятнику зодчества — деревянным крепостным стенам, построенным в Якутске в XVII в. Местная губернская администрация делала все, чтобы разрушить этот исторический памятник, не заботясь при этом о сохранении каких-либо научных материалов, связанных с ним⁷.

В плохом состоянии находились стены и башни древнего Псковского кремля, так как Псковская городская управа не имела возможности содержать их в исправности⁸.

Находившаяся в ведении духовенства Новодвинская крепость систематически разрушалась. Как отмечалось в одном из документов в конце 1890-х гг., она использовалась для выломки камня, «притом не

только из крепостного рва, но также из стенок Флагинского бастиона, Равелина и Рогаточного бастиона, т. е. в местах, наиболее удобных (!) для вывозки материала»¹.

Безжалостно уничтожались памятники древнерусского искусства в Псковской и Новгородской губерниях. Во многих церквях замазывались старые фрески. В Великих Луках церковные фрески XVII—XVIII вв. были заменены новыми².

В Калуге систематическому разрушению подвергался архитектурный памятник XVIII в. — гостинный двор. Городские купцы не удовлетворялись переделкой фасадов и искажением наружного вида корпусов. Часть одного из корпусов вообще была разобрана «вследствие ветхости»³. В Переяславле был снесен дом Чичелевых — памятник гражданской архитектуры XVII в.⁴. В печати также сообщалось о разрушении исторических памятников в Крыму, Туле, Серпухове, Остроге, Кременчуге, Дубно, Ровно, Чернигове, Могилеве, Полоцке, в Казанской губернии, на севере России, в Закавказье, в Минской губернии и во многих других районах страны⁵.

Многие из этих «вандализмов» поразительны по своей бессмысленности и невежеству. Так, найденная в Крыму древнегреческая мраморная гробница была за ничтожную сумму продана властями строительному подрядчику для выломки камня и жжения извести⁶. Развалины древнего города Мажары (на Ставропольщине) разрушались для добычи кирпича, из которого строились дома⁷. Древние каменные изваяния («каменные бабы») разбивались на куски, и камень использовался для устройства мостовых. В Феодосии древняя греческая церковь была приспособлена в качестве склада для дров⁸. На секционном заседании предварительного съезда деятелей музеев (1912 г.) сообщалось о том, что в одном монастыре золотая печать Батия была использована «для позолоты церковных сосудов», а в Рязани «при ремонте архиерейского дома замечательные изразцы из Олегова терема были распроданы на вынос и затем уже скупались на базаре хранителем местного музея»⁹. Разрушению подвергались Полоцкий замок и Ярославский гостинный двор. Новгородские власти проявляли невежество и дикость по отно-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 4, л. 23.

² «Мир искусства», 1903, т. 2, стр. 146; «Аполлон», 1916, № 6—7, стр. 77.

³ «Известия Калужской ученой архивной комиссии», вып. XXI, 1911, стр. 3, 5.

⁴ «Аполлон», 1914, № 1—2, стр. 144.

⁵ «Старые годы», 1909, сентябрь, стр. 496; 1911, май, стр. 205; 1911, октябрь, стр. 65, 66, 67; 1911, ноябрь, стр. 50—51. «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 27. «Старые годы», 1912, январь, стр. 56; 1913, стр. 53; 1914, февраль, стр. 53. «Военно-исторический вестник», 1910, № 11—12, стр. 18—19.

⁶ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 18.

⁷ «Труды Ставропольской Ученой архивной комиссии», Ставрополь. 1911, стр. 1—2.

⁸ «Старые годы», 1909, сентябрь, стр. 495.

⁹ «Утро России», 1912, 23/ХII.

¹ Труды I археологического съезда в Москве. Т. I—II, М., 1871, стр. 96, 98, 99, 101.

² Труды III археологического съезда в Киеве. Т. I. М., 1878, стр. 309, 310, 311.

³ Н. И. Веселовский. История имп. русского археологического общества за первое 50-летие его существования. 1846—1896 г. СПб., 1900, стр. 230.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 6, лл. 110—182.

⁵ Издателем журнала являлся П. Вейнер, активными сотрудниками — А. Бенуа, С. Тройницкий, В. Верещагин, Н. Врангель, А. Растиславов, С. Маковский.

⁶ «Старые годы», 1908, январь, стр. 38—39.

⁷ Там же, стр. 40.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 5, л. 1—2.

шению к дорогим народу России мемориальным памятникам, связанным с именем Н. А. Некрасова: «Все постройки и самый домик Некрасова земство отдало в арендное пользование артели, работавшей на близлежащей плитной ломке»¹. В Иркутске было отдано распоряжение о сожжении «ненужных» архивных бумаг, при этом, как сообщалось в прессе, в числе документов Контрольной палаты был сожжен отчет с описанием командировки, предпринятой в 1881 г. с целью возвращения в Россию Н. Г. Чернышевского².

Непоправимый вред некоторым видам памятников наносили реставрации, проводимые не на научной основе. Опасность этой формы разрушения исторических памятников была тем серьезнее, что переделки и искажения под флагом реставрации (главным образом в отношении объектов архитектуры) имели широкое распространение. Особое рвение к такого рода реставрациям и ремонтам проявляло духовное ведомство в лице своих епархиальных властей. Когда общественность выражала свое законное возмущение по поводу уродования исторических памятников, Синод ссылался на постановление, изданное в 1843 г., которое запрещало производить изменения в древних памятниках архитектуры³. Однако это постановление не имело фактически серьезного влияния на судьбу памятников, находившихся в ведении церковных властей. Этот факт подтверждается большим количеством случаев разрушения памятников, а также и тем, что сам Синод был вынужден и после 1843 г. многократно издавать повторные постановления по тем же вопросам⁴. В частности, по поводу одного из постановлений Синода 1894 г. в журнале «Зодчий» отмечалось, что оно вызвано нарушением ранее издававшихся постановлений⁵.

В 1878 г. председатель Московского археологического общества А. С. Уваров сообщал обер-прокурору Синода о переделках, произведенных в архитектурном памятнике XII в. — церкви близ села Боголюбова: древние фрески были закрашены масляной краской, изваяния заменены новыми⁶. О варварских переделках ростовскими епархиальными властями храма Преображения в Спасо-Яковлевском синодальном монастыре, основанном в XIII в., сообщалось в ранее упоминавшемся докладе Е. В. Барсова, прочитанном в Московском археологическом обществе в 1879 г. Автор признавал, что «под разными предлогами, то мало-важности памятника, то крайней его ветхости, то недостаточной его древности и всего чаще под предлогом незначительности и мало-важности

переделок, они ломаются, переделываются, искажаются и истребляются без всякой пощады»¹.

Во время строительных работ в Успенском соборе Троице-Сергиевской лавры поврежденными оказались отдельные элементы этого памятника архитектуры XVI в.

Даже при квалифицированных реставрациях не всегда строго соблюдались правила сохранения памятника. В конце 30-х гг. XIX в. профессор Султанов реставрировал здание царкви в Останкине (памятник архитектуры XVIII в.), и при этом был несколько нарушен ее первоначальный облик².

Пресса сообщала о перестройке ряда архитектурных памятников Петербурга. На рубеже XX в. был варварски искажен левый флигель Михайловского дворца, построенного архитектором Росси, при этом предполагалось и дальше продолжать подобные переделки. В частности, существовал проект вырубки сквера перед дворцом и сооружения перед фасадом дворца памятника Александру II «по проекту одного из бездарных могикиан Академии»³. Здесь же готовилось разрушение мостика в парке, построенного Растрелли⁴. Невежественной и безвкусной «реставрацией» подвергся Владимирский собор в Петербурге — постройка «растреллиевского типа». По словам очевидца, белая скульптура, украшавшая собор, была «раскрашена колерами. Евангелистам сделаны темные бороды, розовые щеки и цветные одеяния, гирлянда цветов раскрашена в зеленое, розовое, голубое... Безобразию этому нет названия»⁵.

Псковские власти в порядке подготовки к военным маневрам «украсили» ряд памятников древнерусской архитектуры. Лепными «тягами» и завитками была обезображена арка над Великими воротами в Довмонтовой стене⁶.

Грубой переделке подвергались отдельные части Кирилло-Белозерского монастыря — архитектурного комплекса XVI—XVII вв.⁷.

В Киевской губернии уничтожались иконостасы и старинная церковная утварь, которая могла характеризовать уровень развития искусства и ремесел соответствующих районов⁸.

Во Владимирском соборе (в Киеве) церковному сторожу была поручена «реставрация» орнамента на хорах, принадлежавшего кисти В. М. Васнецова⁹.

¹ Э. Дамберг. О памятниках живой старины. М., 1914 (Из 1 тома трудов XV археологического съезда в Новгороде), стр. 6.

² «Биржевые ведомости», 1901, № 213.

³ ПСЗ, т. XVIII, № 16770.

⁴ ПСЗ, т. XVIII, Прибавл. к т. XVII, № 16205. «Вестник археологии и истории», вып. VI, Спб., 1886, стр. 57; ПСЗ, т. XVIII, № 16770; «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников», М., 1911, стр. 7. Распоряжение Св. Синода, № 2236.

⁵ «Зодчий», 1902, № 9, стр. 113.

⁶ «Вестник археологии и истории», вып. VI. Спб., 1886, стр. 58.

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, д. 509, лл. 134, 135.

² С. Торопов. Подмосковные усадьбы. М., 1947, стр. 33.

³ «Старые годы», 1908, апрель, стр. 207. «Мир искусства», 1903, т. 2, стр. 117.

⁴ «Аполлон», 1910, №№ 11—12, стр. 34—35.

⁵ «Старые годы», 1912, май, стр. 46—47. «Мир искусства», 1899, т. 2, № 13—24, стр. 94.

⁶ «Мир искусства», 1903, т. 2, стр. 145—146.

⁷ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четв. XVII в., т. 1, вып. 1—2, Спб., 1897—1910.

⁸ «Киевская старина», 1900, сентябрь, т. LXX, стр. 137—138.

⁹ «Мир искусства», 1899, т. 2, №№ 13—24, стр. 94.

Многочисленные перестройки памятников церковной архитектуры были проведены в Вологодской епархии во время правления в ней (70-е гг. XIX в.) некоего архиепископа Палладия⁷.

В конце XIX — начале XX в. были перестроены некоторые памятники средневековой архитектуры Самарканда: северное крыло мечети Тилиа-Кари, южная часть медресе Шир-Дор².

С полным основанием журнал «Исторический вестник» еще в 1888 г. делал печальный вывод: «Год от году становится все меньше архитектурных церковных памятников древнего русского зодчества, не только XIII—XIV, но XVII и даже начала XVIII вв. К сожалению, не время, не пожары, не нашествия иноплемеников разрушают эти священные остатки старины, а современные зиждители и благоустроители в соучастии тех лиц, которым вверено наблюдение за этими древностями»³.

От церковных властей не отставали и другие учреждения. Так, удельное ведомство, задавшись целью увеличить доходность принадлежавшего ему дома, частично сломало и основательно переделало памятник архитектуры, построенный в начале XIX в. Д. Адамины; а ведомство учреждений императрицы Марии застроило доходными лавками полукруглую площадку перед Казанским собором Воронихина (Петербург), обезобразив тем самым площадь, с которой мог обозреваться фасад собора⁴.

Печальная участь постигла архитектурные памятники Нижегородского кремля, сохранившего вплоть до конца XIX в. отдельные элементы первоначальной постройки XIV в. По сообщению одного из документов архива министерства внутренних дел, «благодаря фантастической реставрации» в 1895 г. «окончательно утратила свой первоначальный вид древнейшая из башен Кремлевских, стоявшая до того в неприкосновенности»⁵.

Еще одним своеобразным способом уничтожения памятников являлась подделка отдельных памятников под более древние, преследовавшая, как правило, политические цели — прославления господствующих классов, и прежде всего царствовавшей династии.

Так, например, еще в первой половине XIX в. известный художник Ф. Г. Солнцев «реставрировал» теремной дворец в московском Кремле, при этом мебель, украшения, внутреннее устройство теремов были подделаны «по образцу», или «в духе» XVII в. В середине XIX в. подделке

подвергалось здание XVII в., расположенное в Китай-городе в Москве. Упомянутая постройка находилась на территории усадьбы Романовых, подаренной в XVII в. Знаменскому монастырю. Само здание было возведено монастырем в 1674 г. Фальсификаторская «реставрация» имела целью превращение монастырской постройки в «колыбель дома Романовых», для чего был надстроен верхний этаж, изменена внутренняя отделка помещений, устроена так называемая «детская комната», «кабинет отца». Вся эта грубая фальсификация, испортившая подлинный архитектурный памятник XVII в., пропагандировалась под именем «Дома бояр Романовых»¹.

Подобным же образом в 60-х гг. XIX в. были «реставрированы» архитектором Рихтером покои в Ипатьевском монастыре. Подделке подверглось все внутреннее убранство палат, тем не менее путеводители продолжали рекомендовать этот памятник как подлинный².

В период бурного подъема революционного движения в стране правящие круги делали попытку использовать популярные памятники Отечественной войны 1812 г. для прославления ненавистных народу реакционных деятелей XX в. Так, в 1904 г. была обнаружена заброшенная могила участников сражения под Красным, и Военно-историческое общество решило приступить к устройству памятника. В целях сбора средств на памятник обратились за содействием к одной из великих княгинь, но она выдвинула нелепое требование — посвятить будущий памятник на могиле воинов, погибших под Красным в августе 1812 г., одновременно и генерал-губернатору Москвы конца XIX — начала XX в., кровавому карателю — великому князю Сергею Александровичу (!), убитому революционером Каляевым в 1905 г.³.

* * *

Большой ущерб наносило археологическим памятникам отсутствие достаточно эффективного контроля над раскопками. Несмотря на то, что с 1889 г. раскопки «на землях казенных, общественных и частных» могли вестись только по специальному разрешению императорской археологической комиссии, а находки, сделанные в земле, — «древние

¹ «Старые годы», 1913 г., ноябрь, стр. 55—56. В заметке ошибочно названо имя архиепископа Платона. См. «Старые годы», 1914, февраль, стр. 57.

² Б. Засыркин. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. Сб. «Вопросы реставрации». Т. I. М., 1926, стр. 168.

³ «Исторический вестник», 1888, т. 34, стр. 257.

⁴ «Старые годы», 1913, январь, стр. 49—50.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 188, л. 101, л. 6.

¹ М. Г. Худяков. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933 г., стр. 62, 63. Подделка была предпринята с знанием дела: Ф. Г. Солнцев в течение многих лет изучал и срисовывал памятники русского искусства. Им изданы в 1846—1853 гг. 6 томов «Древностей Российского государства». Деятельность Ф. Г. Солнцева как рисовальщика памятников и его издания сыграли положительную роль в деле выявления памятников и давали научный материал для их охраны. См. также Музей боярского быта. М., 1938, стр. 6.

² Г. П. Демьянов. Иллюстрированный путеводитель по Волге. Н.-Новгород, 1900, стр. 127.

Г. П. Демьянов и Д. К. Зеленин. Путеводитель по Волге. Н.-Новгород, 1914, стр. 56.

³ Архив АИМ, ф. РВИО, оп. 95/1, д. 36, лл. 6, 22.

монеты, оружие и другие достопримечательные вещи» предписывалось сдавать местным волостным и сельским властям¹, продолжалось массовое разрушение и разграбление археологических памятников. Даже особая междуведомственная комиссия, образованная при министерстве внутренних дел в 1909 г. для пересмотра действующих постановлений об охране памятников, отмечала, что «раскопочное дело в России поставлено крайне неудовлетворительно»². О гибели и разрушениях археологических памятников в разных районах страны сообщалось в печати, на заседаниях археологических и областных съездов, на собраниях научных обществ. Э. Дамберг отмечал разрушение ценнейших курганов в Новгородском крае³. Со Ставропольщины Г. Прозрителев писал о том, что «курганы ограбляют хищники — кладоискатели»⁴.

В Сибири «курганники-бугровщики артелями и в одиночку вскрывали курганы; комиссионеры скупали древности, и заграничные музеи щедро пополнялись сибирской стариной»⁵.

Об ограблении некоторых археологических памятников Керчи, прославленной своими находками античных древностей, писал известный историк — академик С. А. Жебелев в упоминавшемся труде «Введение в археологию»: в России существовало «особое профессиональное сословие, так называемых «счастливчиков», которые на свой риск и страх раскапывают, обыкновенно по ночам, расположенные в ближайших окрестностях к городу могилы и извлекают из них древности»⁶.

Казанское общество истории, археологии и этнографии отмечало разрушение могильников Прикамского района, в числе которых были замечательные археологические памятники, давшие науке материал об Ананьевской, Пьяноборской и других культурах эпохи бронзы и железа. Разрушались также развалины древнего города Булгары⁷.

Показателем того, какой огромный вред наносили археологическим памятникам дилетантские раскопки, является деятельность А. С. Уварова, предпринявшего в середине XIX в. массовые раскопки курганов Владимирской земли. Как известно, А. С. Уваров неоднократно выступал с предложениями по охране памятников, вместе с тем сам он являлся одним из разрушителей, нанесших непоправимый вред некоторым памятникам археологии. В течение четырех лет им было вскрыто 7729 кур-

ганов. Методика раскопок была абсолютно ненаучной, и археологические памятники во многом погибли для науки¹.

Специфическая причина гибели исторических памятников, в том числе и археологических, была отмечена I археологическим съездом. Как сообщил на съезде Д. М. Струков, широкое распространение в стране получила так называемая «ходьба» — скупка бродячими ремесленниками металлических вещей, в том числе и древних, и их переливка. Один из вариантов «ходьбы» отмечен П. Беляшевским, собиравшим по поручению Московского археологического общества сведения о памятниках на Украине. Он сообщал, что по Киевской губернии разъезжал делец, который «возил за собою воз с различной церковной утварью очень неважного достоинства, и в обмен за нее получал массу ценных и в прямом и в переносном значении предметов»². По-видимому, «ходьба» представляла весьма серьезную опасность, что и заставило I археологический съезд вынести специальное решение о необходимости ходатайствовать перед правительством о запрещении «ходьбы» или об обязательном предъявлении скупленных вещей членам архивных комиссий³.

Получившие огласку факты расхищений и гибели археологических памятников и явились причиной разработки проекта закона, предусматривавшего уголовную ответственность за нарушение правил их охраны⁴. Специальный параграф этого документа предлагал наказывать «за производство археологических раскопок вопреки установленным правилам, а равно за кладоискательство; а также за утайку случайно найденных или открытых в недрах земли древностей»⁵.

Наряду с массовой гибелью памятников источниками отмечен также вывоз музейных ценностей за границу. Владельцы музейных коллекций нередко уезжали за границу и увозили с собою музейные ценности. Кроме того, музейные памятники продавали заграничным музеям, комиссионерам или коллекционерам.

Наибольшей опасности подвергались произведения пластических искусств и памятники прикладного искусства, при этом за границу увозились иногда памятники национального искусства, представлявшие большой интерес для русских музеев⁶.

В начале XX в. была продана за границу замечательная библиотека сибирского золотопромышленника Г. В. Юдина, в составе которой было более 80 тысяч томов, в том числе и очень редкие издания⁷.

¹ «Вестник археологии и истории», вып. VI, 1886, стр. 27.

² ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 11, л. 3.

³ Э. Дамберг. О памятниках живой старины. М., 1914, стр. 9.

⁴ Г. Прозрителев. Необходимо охранять памятники прошлого. «Труды Ставропольской ученой архивной комиссии». Ставрополь, 1911, стр. 2.

⁵ В. С мо л и н. Охрана памятников искусства и старины в Сибири. «Казанский музейный вестник», 1920, № 7—8, стр. 23. Работа В. Смолина посвящена охране памятников Сибири после Октябрьской революции, но цитируемое положение из этой работы относится к дореволюционному периоду.

⁶ С. А. Жебелев. Введение в археологию, ч. II. Теория и практика археологического знания... 1923, стр. 63.

⁷ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 27

¹ А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955, стр. 8.

² «Киевская старина», 1900, сентябрь, т. LXX, стр. 138.

³ «Труды I археологического съезда в Москве в 1869 г.», т. I—II. М., 1871, стр. LIII.

⁴ Упомянутый проект не был утвержден.

⁵ Архив АИМ, ф. РВЮ, оп. 95/I, д. 75, л. 44 об.

⁶ «Мир искусства», 1900, т. I, стр. 206.

⁷ И. Романовский. Книга и жизнь. М., 1950, стр. 71.

Владелица земли, на которой находилась древняя Ольвия, — графиня Мусина-Пушкина не разрешала научным организациям производить раскопки, и «древности Ольвии расхищались, сбывались по частям большей частью за границу»¹.

Бывший издатель журнала «Золотое руно», Н. П. Рябушинский, умудрился открыть в Париже специальный антикварный магазин по продаже русских музейных предметов: икон, фарфора, мебели и т. п.².

В большинстве европейских стран законодательство ограничивало право перепродажи музейных памятников за границу путем введения правил преимущественной покупки музейных ценностей национальными музеями, установления высоких пошлин на вывозимые памятники и пр. В России же отсутствовали какие-либо ограничения, что создавало весьма благоприятную почву для различного рода спекуляций и антипатриотических действий владельцев исторических памятников и памятников искусства. Все эти обстоятельства, при наличии значительных музейных ценностей в руках частных коллекционеров и при все возрастающей скупке музейных предметов антикварами-предпринимателями, не могли не сказаться на вывозе за границу исторических и художественных памятников³. Общество истории и древностей Прибалтийских губерний отмечало лихорадочную деятельность антикваров-перекупщиков, публиковавших в газетах объявления о скупке по «наивысшим ценам» исторических памятников по поручению «английских собирателей или больших иностранных фирм»⁴.

Один из корреспондентов журнала «Старые годы» указывал на особую опасность скупки художественных ценностей американскими коллекционерами с «их миллиардами», учитывая, что американское правительство в целях поощрения ввоза музейных ценностей приняло новый тариф, который совершенно освобождал от уплаты пошлины ввозимые старые произведения искусства. При этом «старыми» полагались произведения 20-летней (!) давности»⁵. Таким образом практически представлялась возможность беспошлинного ввоза почти всех музейных ценностей. Реальная опасность вывоза памятников была причиной единодушного требования запрета вывоза музейных ценностей за границу, выдвинутого Виленской археологической комиссией, Пензенской ученой архивной комиссией, Ярославской ученой архивной комиссией, Саратовской ученой архивной комиссией, Московским археологическим обществом и другими научными и общественными организациями⁶.

¹ А. П. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 44.

² «Аполлон», 1914, №№ 6—7, стр. 125.

³ И действительно, в одном из документов, исходившем от Петербургского археологического общества, констатировался факт вывоза памятников за границу. «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 28.

⁴ «Ответ Общества истории и древностей Прибалтийских губерний по вопросу об охране памятников старины». Рига, 1909, стр. 22.

⁵ «Старые годы», 1909, сентябрь, стр. 489.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 654, д. 11, ч. 2, лл. 30, 36, 44 об., 54, 88, 131.

Данные о гибели многих исторических памятников являются объективным свидетельством неблагополучия в деле охраны памятников в дореволюционной России. Но это не значит, что в пореформенную эпоху вообще не принималось никаких мер охраны памятников. Однако все предпринятое оказывалось недостаточно эффективным и не только не прекратило гибели памятников, но и не могло в достаточной мере ограничить размеры разрушений. Спорадические и слабо организованные мероприятия по охране памятников совпадали с возрастающим масштабом разрушений, причиной которых явился рост городского строительства и предпринимательства, разорение дворянства, владевшего значительной частью музейных ценностей, а также и дальнейшее разрушение памятников в силу естественных условий. Даже усиление интереса к историческим памятникам иногда приводило к возрастанию размеров их гибели: спрос на памятники порождал хищнические способы их добычи, спекуляцию, продажу музейных ценностей за границу и т. д.

Для того, чтобы избежать опасности гибели памятников, возникавшей в новых условиях, была необходима серьезная организация их охраны.

Государственные мероприятия по охране исторических памятников выражались в издании законов, распоряжений, циркуляров. Практическая деятельность государственных учреждений, находившихся преимущественно в системе министерства внутренних дел и министерства императорского двора, никем не координировалась, так как в системе упомянутых министерств отсутствовал какой-либо специальный орган, ведавший охраной памятников.

С момента утверждения императорской Археологической комиссии (1859 г.) предполагалось, что именно эта комиссия будет иметь серьезное влияние на охрану исторических памятников, хотя «Положение» об Археологической комиссии и не налагало на нее прямой ответственности за организацию всей охраны памятников в стране.

В ведение комиссии входила покупка наиболее ценных памятников для музеев, и прежде всего для Эрмитажа, контроль над раскопками и над работами по разрушению древних зданий. На раскопки комиссии отпускались значительные по тому времени суммы. В 1850-х гг. субсидии комиссии специально для ведения раскопок составляли 10 000 рублей; в 1890-х гг. они достигали 20 000 рублей, позднее — даже 30 000 рублей. Непосредственно в ведении комиссии были памятники Крыма, так как ей передавались Керченский музей древностей и Крымская комиссия археологических изысканий, одной из обязанностей которых являлась охрана памятников Крыма. Все это оказало благотворное влияние на сохранение памятников.

Наряду с Археологической комиссией вопросами охраны занимались: Технико-строительный комитет, департамент общих дел, Центральный статистический комитет министерства внутренних дел, Синод, а также министерство народного просвещения, поскольку в его ведении находился ряд музеев и близких к делу охраны памятников научных организаций. Правительственные учреждения провели ряд мероприятий по охране памятников. В 1859—1862 гг. была разработана и принята серия указов по архивному делу¹. Эти указы имели некоторое влияние и на охрану памятников письменности, не поступивших еще в архивохранилище. В 1860—1870 гг. последовали постановления, узаконивающие существование ряда учреждений и научных обществ, которые имели положительное значение для охраны исторических памятников. Таковы, например, указы об Археологической комиссии и Керченском музее 1862 г.², утверждение Московского археологического общества в сентябре 1864 г.³, устав Русского исторического общества 1866 г. и Исторического общества Нестора летописца в Киеве 1873 г.⁴, учреждение в 1877 г. Археологического института, и т. п.

Все эти учреждения и научные общества, а также большое число вновь создаваемых музеев в столицах и в провинциальных городах страны содействовали охране памятников уже в силу того обстоятельства, что некоторая часть памятников оказывалась в коллекциях комплектуемых музейных фондов и таким образом сохранилась для науки.

В 1884 г. были учреждены первые ученые архивные комиссии в четырех губерниях: Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской. Впоследствии были открыты комиссии во многих других губерниях, а в 1910 г. ученые архивные комиссии действовали уже в 27 губерниях. На архивные комиссии возлагалась работа по отбору и охране документов научного значения из числа архивных дел, предназначенных для уничтожения⁵.

Работа этих комиссий содействовала сохранению некоторых видов памятников письменности. Вопрос охраны памятников затрагивался также в одном из указов, адресованных военному министерству в 1863 г. («Об упразднении Нарвской крепости»). Пункт 4 этого указа гласил: «Древние постройки Иван-города и Выш-города оставить как памятники древности на попечении военного ведомства»⁶.

Правительственные учреждения делали попытки непосредственной организации учета памятников. В отдельных случаях проводились также работы по практической их охране. В течение второй половины XIX—начала XX в. на средства, отпускавшиеся из казны, делался мелкий ре-

монт, реставрация и охрана ряда памятников: памятника тысячелетия России (в Новгороде), памятников Бессарабской губернии, Бахчисарайского дворца, Путевого дворца в Старой Руссе, стен древней Смоленской крепости; Херсонского городища и др.¹. В 1880-х гг. велись работы по реставрации Успенского собора во Владимире. С 1882 г. эти работы проводились специальной комиссией, возглавлявшейся И. Е. Забелиным. Работа по раскрытию древней росписи в соборе была поручена известному «палеховскому иконнику» — реставратору Н. М. Сафонову. Положительным моментом в упомянутой реставрации явилось изготовление калек и больших акварелей, на которые наносились все сохранившиеся части росписи и отмечались утраченные части. Эти акварели были использованы исследователями при последующих реставрациях². Калькирование и срисовывание реставрируемых памятников применялось и в других реставрациях. В 1858 г. В. А. Прохоров зарисовал и описал элементы памятников древней живописи в Старой Ладобе (Георгиевский храм)³.

С 1860-х гг. археологическая комиссия поставила задачу сбора сведений об имеющихся в стране исторических памятниках, однако скоро выяснилось, что «собирать даже исподволь точные сведения о всех наших древностях она (комиссия. — А. Р.) не в состоянии без содействия других правительственных учреждений и частных лиц»⁴. В 1862 г. председатель Археологической комиссии С. Г. Строганов обратился в министерство внутренних дел с предложением «пригласить к участию в собирании этих сведений губернские и областные статистические комитеты»⁵. Ответом на это предложение явился циркуляр министерства по Центральному статистическому комитету 1863 г. за № 63 «О доставлении сведений о памятниках древностей Российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся». Министерство соглашалось с предложением Археологической комиссии о привлечении к работе по сбору сведений о памятниках губернских и областных статистических комитетов, «разумеется, в такой мере, чтобы труды эти не отвлекали комитеты от их главных служебных занятий»⁶. Констатировалось, что комитеты «по составу своему и по кругу своих действий располагают средствами к получению сведений о местных древностях», и предполагалось на первое время «ограничиться собиранием необходимейших материалов для археологических карт, посредством нанесения на губернские и областные карты пунктов, замечательных в археологическом отношении, как-то: курганов, городищ, древних земляных валов, городских укрепле-

¹ Архив АИМ, ф. РВИО, оп. 95/1, д. 75, лл. 8—9.

² И. Грабарь. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918—1925 гг. Сб. «Вопросы реставрации». I, М., 1926, стр. 27.

³ Н. Репников. Предварительное сообщение о раскрытии памятников древней живописи в Старой Ладобе. «Вопросы реставрации», II, М., 1928, стр. 183.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 30, л. 9.

⁵ Там же, л. 9 об.

⁶ Архив АИМ, ф. РВИО, оп. 95/1, д. 75, л. 4.

¹ «Вестник археологии и истории» 1886 г., вып. VI, Спб., 1896, стр. 38—39.

² ПСЗ, т. 37, № 37952.

³ Там же, т. 39, № 41277.

⁴ Там же, т. 41, № 43333; т. 47, № 51566.

⁵ Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь, т. 3, стр. 253. Архив АИМ, ф. РВИО, оп. 91/1, д. 75, л. 34.

⁶ ПСЗ, т. 38, № 39598.

ний, старинных церквей и строений, надгробных камней, мест, на которых найдены древние монеты или вещи и т. п.»¹. В губерские и областные комитеты направлялась вместе с циркуляром программа археологических исследований, составленная Археологической комиссией, и «записки для обозрения русских древностей». Документ предписывал предложить статистическим комитетам «пригласить членов его, особенно имеющих постоянное пребывание в уездах, производить в известность, по мере возможности, наличные в губернии памятники древности, и сведения об этом доставлять через Комитет в Императорскую Археологическую комиссию»². По-видимому, эта попытка опереться на статистические комитеты и в качестве первого этапа собрать сведения об имеющихся памятниках не принесла существенных плодов. В документах, сохранившихся в архиве министерства, нет материалов, отражающих работу, намеченную циркуляром № 63. Безуспешность попытки сбора сведений подтверждается также повторным изданием циркуляров о сборе сведений о памятниках учреждениями того же министерства. Так, 4 ноября 1865 г. департамент общих дел разослал циркуляр «О доставлении Министерству сведений о древних зданиях и вообще о находимых древностях», в котором еще раз напоминалось требование циркуляра 1863 г. о присылке сведений «о древних зданиях и вообще о находимых древностях»³, а в 1869 г. было разослано еще одно распоряжение по Технично-строительному комитету «О доставлении в Министерство описаний и чертежей памятников крепостей замков и других зданий древности». Этот документ предусматривал, кроме того, сбор сведений о прочности памятников и мерах, «предпринимаемых местным начальством, к сохранению и исправному содержанию зданий»⁴.

Последний циркуляр, в отличие от предыдущих, не остался безрезультатным. Министерство получило некоторое количество описаний и планов⁵.

В 60—70-х гг. Археологическое общество провело обследование и описание ряда памятников в Северо-западном крае, а также специальное описание Ладужской крепости. Осуществлено было несколько изданий и с описанием памятников древности.

На охрану памятников, находившихся в собственности церкви, известное влияние оказало учреждение в 1872 г. церковно-археологического общества и музея при Киевской духовной академии. Активными деятелями общества являлись: Дмитревский, Лошкарев, Завитневич и др. Общество ставило своей задачей «приведение в известность церковных древностей насколько они могли сохраниться по церквам и монастырям

и принятия мер к предупреждению утраты их для науки через приобретение в состав музея»¹.

В 1882 г. министерство внутренних дел разослало циркуляр «О представлении археологических находок местной полицейской власти для представления их в Императорскую Археологическую Комиссию через губернское начальство»². В последующие годы (1884, 1886, 1894) министерство неоднократно возвращалось к ранее изданным циркулярам, требуя их выполнения. Соответствующие документы издавались и министерством императорского двора. Так, например, в 1890 г. были утверждены «Правила рассмотрения Императорской Археологической комиссией, совместно с Императорскою Академиею художеств, поступающих от различных ведомств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников или о капитальном ремонте их». Согласно этим правилам, Археологическая комиссия не только давала разрешение на проведение реставрационных работ, но и контролировала их выполнение и была обязана хранить все документальные материалы, связанные с проведенной реставрацией³.

Отклонение Государственным советом проекта министерства народного просвещения, по которому ответственность за охрану памятников в стране предполагалось возложить на Исторический музей⁴, привело к тому, что Археологическая комиссия, находившаяся, как известно, в ведении министерства двора, снова провозглашалась ответственной за охрану исторических памятников, при этом арсенал ее средств оставался неизменным. Деятельность указанной комиссии выражалась в том, что ею был внесен проект об окончательном установлении порядка раскопок, принятии правил реставрации и переделок памятников, вменении в обязанность всем городским и общественным музеям доставлять в Археологическую комиссию сведения о поступающих в музеи археологических коллекциях и других памятниках⁵. Министерство народного просвещения направило предложения Археологической комиссии на обсуждение Московского и Петербургского археологических обществ и в ряд других научных организаций. Московское археологическое общество и Казанское общество истории, археологии и этнографии решительно возражали против предложений Археологической комиссии, усмотрев в ее действиях попытку монополизировать право археологических исследований⁶. В 1889 г. было принято постановление, предоставлявшее Археологической комиссии исключительное право на разрешение археологических раскопок. Археологическая комиссия обратилась

¹ А. Гаврилов. Постановления и распоряжения Св. Синода о сохранении и изучении памятников древностей. «Вестник археологии и истории», вып. VI, Спб., 1886, стр. 71.

² «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников», М., 1911, стр. 8.

³ Архив АИМ, ф. РВИО, оп. 95/1, д. 75, л. 5.

⁴ О проектах охраны памятников см. стр. 110 настоящего сборника.

⁵ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников», М., 1911, стр. 21.

⁶ Там же, стр. 24—25.

¹ Архив АИМ, ф. РВИО, оп. 95/1, д. 75, л. 4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 4 об.

⁵ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников», М., 1911, стр. 4.

к научным обществам с предложением взять на себя обязанность охраны памятников в определенных районах. Отдельные общества заявили о готовности «пригласить» своих членов участвовать в охране»¹. В некоторых случаях комиссия обращалась к интеллигенции с просьбой взять на себя охрану конкретных памятников. Подобное поручение получил профессор Варшавского университета И. П. Филевич, выдвинувший в свою очередь предложение о привлечении к работе по охране памятников любителей старины².

Основное внимание Археологической комиссии было по-прежнему направлено на охрану памятников археологии. Однако материалы, поступавшие со всех концов страны, свидетельствовали о том, что даже раскопочное дело, которому комиссия придавала первенствующее значение, оставалось без надлежащего надзора.

Что касается практической деятельности Техничко-строительного комитета в области охраны памятников, то она распространялась преимущественно на архитектурные памятники. Однако нельзя сказать, что усилия комитета всегда приносили вполне удовлетворительные результаты. Комитет не обладал ни достаточным авторитетом, ни научной компетенцией. В отдельных случаях распоряжения комитета служили прикрытием для противозаконных действий. Один из таких фактов, имевший место в 1911 г., получил огласку в печати. В ответ на совершенно незаконное требование калужского купца, арендовавшего часть памятника архитектуры, разрешить ему переделать фасад охраняемого здания XVIII в. Техничко-строительный комитет определил, что «здания гостиного двора представляют в совокупности художественное сооружение, имеют историческое значение...», однако «...законных оснований к воспрещению переделки означенного магазина по представленному проекту не имеется» (!)³. Понятно, что такого рода «разъяснения» комитета не могли содействовать делу охраны памятников.

Административные мероприятия государственных учреждений, не подкрепленные серьезной материальной базой и рассчитанные исключительно на бюрократические организации, оказывались тщетными: министерство внутренних дел, на котором лежала главная ответственность за охрану памятников, по-прежнему плохо выполняло свои обязанности и оставалось в неведении о значительной части имеющихся в стране памятников и их состоянии. В прессе продолжали появляться многочисленные сообщения о гибели исторических памятников и требования о перестройке всего дела их охраны⁴. Именно это обусловило новую попытку получения сведений о наличии и состоянии памятников в различных областях страны. Циркуляр № 10 от 6 сентября 1901 г. констатировал, что в министерстве отсутствуют необходимые сведения о памятни-

ках, «причем имеются указания, что некоторые древности по отсутствию надлежащего надзора и охранения их, совершенно разрушаются». Документ предписывал губернаторам доставить в министерство точные списки памятников «с приложением подробных их описаний и указаний о том, когда и кем памятники сооружены, на чей счет, в чьем ведении находятся, на какие средства поддерживаются, отпускаются ли на содержание их в исправности средства из казны и в каком количестве, находятся ли они в надлежащем виде, и, если нет, то приблизительно, какая сумма требуется на их исправление и с приложением, по мере возможности, рисунков, планов или фотографических снимков с сих памятников»¹.

Для составления списков рекомендовалось пользоваться «не только сведениями, доставленными местными полицейскими властями, но и теми, которые могли бы быть получены от других учреждений». Для выполнения работы назначался годичный срок².

В ответ на изданный циркуляр в министерство поступили сведения более чем из 80 губерний и областей, с острова Сахалина и 9 городов. В соответствии с этими данными в губерниях значилось: «древних памятников, зданий и сооружений» — 2456 и «исторических памятников» — 1652. Всего 4108 памятников³.

Приведенные цифровые данные, вне всякого сомнения, весьма условны⁴. В списки оказались включенными главным образом памятники церковной архитектуры; плохо были представлены археологические памятники и памятники мемориальные. Однако сам по себе факт фиксации более 4 тысяч памятников говорил об огромных возможностях в смысле выявления исторических памятников в стране.

На составлении списков памятников отрицательно сказалось отсутствие научно разработанного понятия исторического памятника, а также и тот факт, что списки составлялись официальными правительственными учреждениями и лицами, близкими к церковным кругам, не имеющими специальной подготовки.

Основное внимание составителей было направлено на описание памятников церковной архитектуры и сооружений, связанных с прославлением представителей правящей династии. Само министерство, рассылавшее циркуляр № 10, также имело крайне неточное представление о задачах по описанию памятников, которые ставились перед губернскими властями.

Департамент общих дел министерства указывал, что на «основании циркуляра от 6 сентября 1901 г. за № 10 подлежат включению лишь граж-

¹ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников...». М., 1911, стр. 30

² «Зодчий», 1902, № 14, стр. 180.

³ «Известия Калужской ученой архивной комиссии», вып. XXI, 1911, стр. 7.

⁴ «Биржевые ведомости», 1901, № 213; «Новости дня», 1901, № 6537.

¹ Архив АИМ, ф. РВИО, оп. 95/1, д. 75, л. 7.

² Там же.

³ Там же, лл. 7—9.

⁴ Само министерство внутренних дел признавало, что «сведения эти страдают неполнотой и отличаются вообще случайным и весьма неточным характером» (см. архив АИМ, ф. РВИО, оп. 95/1, д. 75, л. 84).

данские сооружения, находящиеся в ведении Министерства Внутренних дел и других правительственных учреждений»¹.

Из ряда районов вообще не могли представить каких-либо сведений. В частности, в донесении из Ферганской области сообщалось, что «до настоящего времени не было произведено таких научных археологических исследований, которые могли бы дать материал для ответа на запрос департамента о находящихся в ней памятниках древности»².

В некоторых губернских списках содержались ценные описания исторических памятников³. Серьезные документы поступили, например, из Рязанской губернии. Большинство же губернаторов ограничилось посылкой списков памятников без каких-либо описаний и обоснований их действительной исторической ценности. Таковы дела «Об охранении памятников древности», поступившие из Пензенской, Калужской, Эриванской, Архангельской, Тамбовской, Саратовской, Ярославской, Воронежской, Смоленской, Казанской, Псковской губерний, городов: Севастополя, Минска и др.⁴. Даже дела «Об охранении памятников» по городам Москве и Петербургу, где была полная возможность привлечь для составления документов квалифицированные научные силы, оказались весьма слабыми в научном отношении и, конечно, не могли послужить образцом для составителей списков в окраинных районах страны⁵. Бюрократические учреждения, по-видимому, не воспользовались имевшимися возможностями, и представленные ими документы включали лишь незначительную часть памятников, а описания оказались, как правило, примитивными, хотя анкета требовала следующие сведения: наименование памятника, местонахождение, время сооружения, в чьем ведении памятники находятся и на какие средства сохраняются⁶. Данные о состоянии памятника и методах его охраны, как правило, отсутствовали. Упомянутый ранее список памятников Московской губернии и вовсе ограничивался лишь перечнем памятников с указанием их происхождения и расположения по отдельным уездам⁷.

Такой примитивный подход к составлению списка памятников и их описанию характерен не только для указанного документа. Во многих губернских списках основное внимание было уделено распределению памятников по признаку их ведомственной принадлежности. Таковы, на-

пример, данные о памятниках, присланные из Костромской, Петербургской и других губерний¹.

Несмотря на все недостатки мероприятий по составлению списков и описанию памятников, сам факт проведения этой работы содействовал возбуждению интереса к памятникам и в известной мере подготовил почву для появления специальных проектов, ставивших задачу унификации охраны, разработки теоретических вопросов и осуществления организационных мероприятий по охране памятников². Примером усиления интереса к памятникам, связанного с работой по составлению списков и описаний, является докладная записка, посланная в министерство внутренних дел из г. Зарайска Рязанской губернии. Ссылаясь на требование министерства «доставить сведения о всех памятниках, находящихся в разных местах России»³, городские власти Зарайска подняли вопрос об охране ряда памятников и главным образом Зарайского кремля. В записке была сделана серьезная попытка описания кремля, выяснения истории его реставрации и вопросов его дальнейшей охраны. Записка сопровождалась чертежами и фотоснимками кремля⁴, в ней были перечислены и все другие памятники, находившиеся на территории Зарайского уезда: памятники архитектуры, городища, курганы, могильники, земляные укрепления⁵.

В 1903 г. «Комиссия по пересмотру Строительного устава» предложила включить в законопроект статьи об охране памятников; но, в силу специфических особенностей документа, в состав которого они входили, статьи эти не могли претендовать на широкую постановку вопросов, и содержание их ограничивалось установлением правил перестройки и разрушения архитектурных объектов, причисленных к категории памятников. Строительный устав 1903 г. предлагал делить памятники на две категории: а) памятники местного значения и б) памятники государственного значения⁶.

Право отнесения памятников к одной из этих категорий принадлежало министерству внутренних дел, которое должно было согласовать свои решения с Археологической комиссией и Академией художеств. Устав запрещал видоизменять и разрушать памятники (ст. 1, 2, 6, 9, 10); ответственность за их сохранность возлагалась на те учреждения, в ведении которых эти памятники состоят (ст. 7). Устав предусматривал составление описей и чертежей на памятники, приходящие в ветхость, и упоминал о праве отчуждения за определенное вознаграждение памятников, находящихся в частном владении и отнесенных к одной из указанных категорий⁷.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 188, д. 63, л. 4 об. Под определением «гражданские сооружения» понимались, по-видимому, гражданские и культовые сооружения. Исключались только памятники, сохранявшие военное значение.

² ЦГИАЛ, ф. 1234, оп. 186, д. 9, л. 1.

³ К сожалению, в архивах соответствующих фондов сохранилась лишь незначительная часть документов, поступивших в департамент общих дел от губернских и городских властей.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 188, дд. 124, 119, 116, 121, 120, 99, 76, 105, 101, 381, 363, 106.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 188, д. 313, л. 4.

⁶ Там же, д. 373.

⁷ Там же, д. 63.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 188, дд. 100, 167.

² О проектах охраны памятников и общественной борьбе вокруг них см. ниже.

³ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 6, л. 2.

⁴ Там же, лл. 167 и далее.

⁵ Там же, лл. 26—56.

⁶ Там же, д. 11, стр. 90 об.

⁷ Там же, лл. 91—91 об.

Включение в строительный устав статей по охране памятников архитектуры имело известное положительное значение, но устав, конечно, не мог изменить общего положения в области охраны памятников, тем более, что отсутствие специальных органов, ведающих охраной, в значительной мере сводило на нет даже предусмотренную уставом охрану памятников архитектуры.

Рассматривая итоги законодательства по охране исторических памятников: указы, приказы, циркуляры, распоряжения, изданные различными правительственными учреждениями, нельзя не согласиться с оценкой, данной этому законодательству современниками. Законодательство носило разрозненный, случайный характер и было мало действенным¹. Даже департамент общих дел министерства внутренних дел в специальном документе «О мерах к охранению памятников древности» (1910 г.) был вынужден признать, что «правила, установленные в нашем законодательстве, и меры предпринятые Министерством Внутренних дел, к сожалению, не достигли своей цели»². Это положение находит еще одно подтверждение и в тех отрывочных данных, которые характеризуют ассигнования, выделявшиеся министерством внутренних дел в соответствии с этим законодательством. «Выписка из смет расходов Министерства Внутренних дел», произведенная органами министерства в порядке подготовки нового проекта Положения об охране памятников, содержит следующие сведения о специальных государственных ассигнованиях на охрану памятников во второй половине XIX в.: в 1862 г. отпущено 1100 р.; в 1871 г. — 125 р.; в 1872 г. — 300 р.; в 1864—1873 гг. — 2483 р.; в 1870—1890 гг. — 600 р.; в 1888 г. — 4000 р.; в 1902 г. — 600 р. Таким образом, с 1862 по 1902 гг. в централизованном порядке на ремонт и охрану памятников было израсходовано всего 9203 рубля³. В 1900-х гг. ассигнования хотя и выросли в сравнении с предыдущим периодом, но продолжали оставаться мизерными. По смете 1906 г. было отпущено на охрану памятников 11 396 рублей; в 1907, 1908, 1909—1910 гг. — по 14 392 рубля⁴. По новым проектам предполагалось ассигновывать по 15 тысяч рублей в год, что вызвало резкую критику со стороны научных организаций. В частности, общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины предлагало отпускать на охрану не менее чем по 100 тысяч рублей⁵. Разумеется, эти ничтожные ассигнования не могли обеспечить сохранения множества исторических памятников, большинство которых год от года разрушалось и требовало значительных средств для охраны, ремонта и реставрации. Деятели буржуазно-помещичьего правительства постоянно ссылались на недостаток средств, когда вставал вопрос об

охране исторических памятников и вообще в отношении затрат на просвещение, хотя в стране тратились огромные средства на содержание чиновников и различных бюрократических учреждений¹.

IV

Деятельность государства в области охраны памятников могла иметь весьма тяжелые последствия, если бы в охране не приняли участие многочисленные научные и общественные организации, объединившие высококвалифицированные и значительные по численности научные силы и обладавшие некоторыми средствами, составленными из частных пожертвований. Эти организации, правда, не могли коренным образом изменить существовавшего положения в области охраны исторических памятников, тем более, что они не были вполне демократичными; однако они оказывали серьезное влияние на формирование общественного мнения и через распространенную сеть своих корреспондентов освещали в печати факты грубого вандализма, протестовали против готовящихся актов разрушения памятников, разрабатывали теоретические вопросы (а частично проводили и практические мероприятия), связанные с охраной, изучали важнейшие комплексы исторических памятников, создавая таким образом научные предпосылки для их описания, реставрации и консервации. К числу таких организаций относились археологические общества, общества защиты и сохранения памятников старины, музеев, археологические съезды, областные съезды, съезды художников, съезды земцев и др. Большая работа развернулась по сбору и изучению этнографического материала, что содействовало охране ценных вещественных памятников и памятников письменности, явившихся первоисточником для изучения народов, населявших страну. В этой работе активное участие принимали географические общества, общества любителей истории, археологии и этнографии, а также местные и центральные музеи.

Из числа археологических обществ особой активностью в отношении охраны памятников отличалось Московское археологическое общество, созданное в 1864 г. Один из инициаторов создания этого общества, А. С. Уваров, в том же 1864 г. ставил вопрос об охране памятников, при этом он считал, что созыв «ученых съездов» может содействовать решению задач охраны². При прямом участии Московского археологического общества вопрос о сохранении памятников был поставлен на обсуждение I археологического съезда в 1869 г. После съезда (в 1870 г.) при Московском археологическом обществе была создана «Комиссия по сохранению древних памятников». Активными деятелями комиссии были:

¹ В. С. Молин. Краткий очерк законодательных мер по охране памятников старины в России. «Известия археологической комиссии», вып. 63. Пг., 1917, стр. 121—148.

² Архив АИМ, ф. РВЮ, оп. 95/1, д. 75, л. 33.

³ Там же, лл. 8—9.

⁴ Там же.

⁵ «Старые годы», 1912, март, стр. 50.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 116—117.

² «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 16.

известный историк, археолог и музейный деятель И. Е. Забелин; археологи — В. И. Сизов, П. С. Уварова, А. С. Обер, И. М. Хиковский, В. К. Трутовский, Н. В. Никитина, А. М. Павлинов, У. У. Соловьев¹. Комиссия частично взяла на себя обязанность практической охраны памятников, активно участвовала в разработке проекта охраны и вела большую популяризаторскую работу².

В 1910 г. общество утвердило «Правила комиссии Московского археологического общества по охранению древних памятников». В соответствии с «Правилами» в состав комиссии включались 12 членов по выбору археологического общества. Членам комиссии поручался осмотр и экспертиза памятников. Они получали от общества открытый лист, подобно тому как это имело место в отношении археологических раскопок. В обязанности комиссии входило утверждение проектов реставрации памятников³.

На заседаниях заслушивались доклады об осмотре памятников, выносились решения по поводу заявлений отдельных лиц и организаций, испрашивавших разрешения на ремонт, реставрацию или разрушение памятников. По-видимому, такое обращение к комиссии широко практиковалось. В протоколах зафиксированы отношения ярославского губернатора, архангельской духовной консистории, московской духовной консистории, прокурора московской канцелярии Синода и множества других⁴. Журнал «Киевская старина» утверждал, что «благодаря комиссии масса памятников старины спасена от гибели или от искажения». Как отметил корреспондент журнала, «особенно широко развивалась деятельность комиссии в 1900—1901 годах, когда она имела 40 заседаний, на которых было рассмотрено 240 дел»⁵.

Участие Московского археологического общества в практической охране памятников сказалось в том, что «стараниями общества восстановлены в Москве Правильная и Книгохранительная палата первого русского печатника, стараниями общества сохранены в Москве Китайгородская стена», «восстановлен в Кремле Потешный дворец, сохранен от искажения древний Покровский собор близ Боголюбова...»⁶.

По поручению Московского археологического общества проводились экспедиции для выявления и описания памятников. Во время одной из таких экспедиций изучались памятники Украины (Киевский и Черкасский уезды). Общество активно участвовало в работе «по охранению и

возобновлению Смоленских крепостных стен, по реставрированию Коломенского и Ростовского кремлей, Белой Палаты в Ростове, Покровского и Владимирского соборов»¹. Едва ли, однако, эта работа велась на средства общества, так как, по предположительным расчетам, только на ремонт Смоленской крепостной стены требовалось до 900 тысяч рублей², а Московское археологическое общество обладало более чем скромными материальными средствами. Вместе с тем участие общества в реставрациях было весьма плодотворным, так как оно вносило большую организованность и научную систематичность. В частности, это сказалось во время реставрационных работ в Ростове Великом. Реставрация Ростовского кремля, начавшаяся в 1860-х гг., с 1880-х гг. приобрела систематический характер. Инициатива принадлежала местным археологам-любителям А. А. Титову и И. А. Шляпову, но общее научное руководство осуществлялось представителями Московского археологического общества³.

* * *

Задачи выявления памятников, их сбора и охраны ставились и многими другими научными обществами, возникавшими вне столиц. Псковское археологическое общество (устав утвержден в 1880 г.) занималось исследованием памятников, их сбором и описанием⁴.

Кружок любителей истории и археологии Крыма (1883 г.) считал необходимым «описание и хранение всех открываемых остатков местных древностей»⁵. Такие же задачи ставились и Одесским обществом истории и древностей.

Охрана памятников предусматривалась уставами Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и Тверского общества любителей археологии, истории и естествознания. Кавказское отделение Московского археологического общества указывало, что оно «собирает сведения о местных памятниках, заботится об их сохранении...»⁶, а общество истории, филологии и права при Варшавском университете «входит в сношения с местными властями о мерах сохранения известных обществу памятников истории археологии»⁷. Подобные обязанности возлагали на себя историко-филологическое общество при Харьковском университете, археологическое общество в г. Пернове и др.⁸.

¹ «Древности». Труды императ. московского археологического общества, т. 17. М., 1900, стр. 305—379.

² Об этом см. ниже.

³ «Древности». Труды императ. московского археологического общества, т. 15, вып. 2, 1894, стр. 61—62.

⁴ «Протоколы комиссии по сохранению древних памятников». 1893—1896 гг.; «Древности». Труды императ. московского археологического общества, т. 17, М., 1900, стр. 306—309, 315, 329.

⁵ «Киевская старина», т. LXXVII, 1902, май, стр. 155.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 469/2412, д. 113, л. 2.

¹ Н. Беляшевский. Собрание сведений о памятниках украинской старины. «Киевская старина», 1900, сентябрь, т. LXX, стр. 136 и далее; «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников...». М., 1911, стр. 26.

² «Русское слово», 1911, 17/XII.

³ Ю. Шапурин. Ростов Великий. М., 1913, стр. 18.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 654, д. 11, ч. 2, л. 197.

⁵ Там же, лл. 201, 206.

⁶ Там же, лл. 214, 220, 225—225 об.

⁷ Там же, л. 261 об.

⁸ Там же, л. 282, 244.

В представленном на утверждение проекте устава Русского военно-исторического общества указывалось, что одна из целей общества «содействовать к сохранению, восстановлению и сооружению военных памятников всех видов и наименований»¹.

Значительную активность проявляло Киевское общество охраны памятников старины и искусства, в работе которого принимали участие профессора: крупный историк М. В. Довнар-Запольский, автор ряда монографий В. С. Иконников, В. Е. Данилевич, А. М. Лобода и др. Общество обсуждало конкретные вопросы охраны отдельных памятников, производства раскопок, а также разрабатывало общие положения охраны памятников. В частности, специальному обсуждению подверглись вопросы о том, что следует «почитать о памятниках старины и искусства», «об установлении мер, кои должно принимать Общество для охранения памятников старины», «о мерах к сбору сведений о памятниках старины» и др.² Общество предприняло меры для сбора возможно полных сведений о существующих на Украине исторических памятниках, для чего было решено отпечатать 15 тысяч «опросных листов» и разослать их в 11 губерний³.

Как упомянуто ранее, вопросами охраны исторических памятников занимались археологические съезды, собиравшиеся, как правило, через каждые три года. С 1869 по 1914 г. состоялось всего 15 съездов. К съездам обычно приурочивались выставки памятников, содействовавшие в свою очередь выявлению исторических памятников.

Известны также областные съезды, в которых принимали участие археологи, историки, археографы, этнографы, искусствоведы. С 1901 по 1911 г. состоялось 5 областных съездов⁴.

На археологических и областных съездах обсуждались доклады о состоянии отдельных комплексов памятников, ставились перед правительственными учреждениями и научными организациями вопросы, связанные с охраной, разрабатывались проекты законов охраны памятников.

Уже I археологический съезд в Москве значительную часть своего времени уделил обсуждению этих вопросов. Второй пункт повестки дня предлагал обсудить: «Какие должны быть приняты меры к сохранению и приведению в известность памятников как языческой, так и христианской древности в России»⁵.

Этот пункт повестки дня обсуждался на втором заседании съезда, происходившем под председательством С. М. Соловьева. Съезд принял

решение о необходимости разработать проект положения об охране исторических памятников¹. Такой проект был одобрен II археологическим съездом². Охрана памятников явилась предметом обсуждения и на третьем, десятом и других археологических съездах, а также и на областных съездах. Как сообщала, например, заметка о первом областном съезде представителей истории и археологии Ростово-Суздальской области, на съезде отмечалось, что «каждая область обладает массой памятников — церквей, надписей, икон, документов, вещей, особенностей говора, пословиц, рукописей и проч. Только ничтожная доля этого обследована, только ничтожная часть сохранена, только немного охраняется, остальное гибнет, гибнет на глазах», и далее: «назрело следующее общее положение: дело охранения и разработки памятников в губерниях находится не в надежных руках»³.

Вопросы охраны исторических памятников стояли на Всероссийском съезде художников 1912 г. Съезд заслушал специальные доклады художника-графика И. Я. Билибина, изучавшего народный орнамент и миниатюру, и В. А. Плотнокова о русском деревянном зодчестве, гибнущем на севере страны, Г. К. Лукомского — о памятниках средней полосы России, А. П. Эйсснера — о памятниках юго-западного Закавказья, А. Я. Лихтермана — о памятниках Псковской губернии. Были обсуждены также вопросы реставрации и консервации памятников (доклад А. Я. Боравского «Оберегание произведений искусств»)⁴.

Охрана памятников явилась предметом обсуждения III Всероссийского съезда зодчих (1914 г.), где были заслушаны доклады Г. Г. Пиранга, П. Ю. Сюзора, А. П. Эйсснера и А. П. Аплаксона.

Доклад последнего «Регистрация памятников искусства и старины, методы их охраны» опирался на опыт работы Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины⁵. А. П. Аплаксин доказывал, что регистрация памятников играет большую роль для судеб их охраны, и это встретило энергичные, но не вполне обоснованные возражения некоторых деятелей, группировавшихся вокруг журнала «Аполлон»⁶.

Естественно, что голоса тревоги за состояние охраны памятников в стране прозвучали также на предварительном съезде деятелей музеев. В частности, был отмечен печальный факт постепенного уничтожения ценнейших памятников народного творчества⁷.

¹ «Труды I археологического съезда в Москве 1869 г.», т. I—II, М., 1871, стр. XIV и далее.

² «II археологический съезд в Петербурге». Спб., 1871, ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, л. 509, л. 2.

³ «Новости дня», 1901, № 6537.

⁴ «Старые годы», 1912, январь, стр. 55—60.

⁵ «Русское слово», 1912, 30/XII.

⁶ «Аполлон», 1914, № 1—2, стр. 144.

⁷ «Старые годы», 1914, февраль, стр. 53.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 187, д. 73, л. 4.

² Деятельность Киевского общества охраны памятников старины и искусства. «Военно-исторический вестник», 1910, № 11—12, стр. 3—4.

³ Там же, стр. 10—11.

⁴ Первый областной съезд состоялся в Ярославле в 1901 г., второй — в Твери в 1903 г., третий — во Владимире в 1906 г., четвертый — в Костроме в 1909 г., пятый — в Нижнем-Новгороде в 1911 г.

⁵ «Труды I археологического съезда в Москве 1869 г.», т. I—II, М., 1871, стр. XV.

Материалы съездов легли в основу многих мероприятий, связанных с охраной исторических памятников в России.

* * *

Из научных обществ, имевших отношение к охране памятников, наиболее активным было созданное в 1910 г. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, имевшее филиалы в Туле, Орле, Казани, Вильно, Ростове (Ярославском), Ярославле. Деятельность вновь созданного общества систематически освещалась в журнале «Старые годы». Инициатива создания его принадлежала, по-видимому, О. А. Оболенской и А. Ф. Милутиной¹. Общество включало в круг своих обязанностей «возбуждать ходатайства перед правительством, учреждениями, частными лицами; обращаться к содействию печати, делать доклады, собирать материалы, выпускать издания и жертвовать в музеи предметы искусства и старины и т. д.»².

Появление общества было одобрительно встречено научной общественностью, так как комиссии по охране памятников, существовавшие при различных императорских обществах, не оправдали себя³. Деятельность общества встретила сочувствие также в провинции⁴.

Общество рассылало листовки, призывавшие граждан содействовать его деятельности. По мнению организаторов общества, «любителей искусств» должны были быть помещики, предводители дворянства, губернаторы. Но здесь учредителей общества ожидало жестокое разочарование, так как на всю массу разосланных воззваний ответило лишь 72 человека — всего 1 процент адресатов, — что явилось причиной для пессимистического вывода: «Русское общество еще раз показало свое ужасающее безразличие к вопросам родного искусства и старины»⁵. Вывод был бы правилен, если бы относился не к русскому обществу в целом, а к представителям господствующих классов и правящей бюрократии, которые были действительно безразличны к национальным памятникам и национальному искусству, что, конечно, не исключало наличия в их среде известного числа меценатов, собирателей, знатоков и подлинных любителей исторических и художественных памятников. В то же время обвинение в равнодушии никак не может быть отнесено ни к значительной части интеллигенции, ни ко многим представителям трудящихся масс, и прежде всего пролетариата, поднимающимся к высотам культуры. Не случайно в это же время живой отклик в широких кругах народа нашло обращение о пожертвовании средств для создания Суворовского музея. В течение короткого времени поступило более 300 тысяч рублей—

вся сумма, необходимая для постройки здания музея в честь великого русского полководца¹.

Летом 1913 г. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины провело в виде опыта регистрацию памятников в Ладожском и Гдовском уездах, куда были командированы члены общества А. Я. Белобородов и П. И. Решиков². Эта работа встретила резко критические отзывы некоторых печатных органов, обвинявших общество в том, что оно уклонилось от намеченных уставом целей и «вместо реставрационной или хотя бы защитительной деятельности... увлеклось научной регистрацией памятников старины»³. Критики пытались доказывать, что регистрация не приносит ощутимой пользы, и утверждали, что регистрация имела бы смысл лишь в том случае, если бы проводилась одновременно по всей стране. Упреки в адрес общества были едва ли справедливы. Опыт регистрации был несомненно полезен, особенно если учесть, что практика не успела еще выработать наиболее рациональной системы научной регистрации.

Отчет общества за 1912 г., опубликованный в 1913 г., рассказывает о его деятельности. За короткое время своего существования общество сумело проделать значительную работу и приобрести некоторые средства, часть которых расходовалась на осуществление практических мероприятий по охране памятников.

К 1913 г. доход общества определялся в 32 478 рублей 50 копеек, а расход — в 18 436 рублей 50 копеек⁴.

Одним из источников приобретения денежных средств явилась организация обществом любительских спектаклей. Так, была поставлена комедия Загоскина «Урок матушкам»; прибыль от продажи билетов в размере 4794 рубля 40 копеек пополнила кассу общества⁵.

В начале империалистической войны общество прекратило свою деятельность, но в октябре 1915 г. снова возобновило.

Кроме упомянутых ранее филиалов Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, под его руководством действовало Варшавское общество охраны памятников древности. В ответ на массовые разрушения польских памятников, вызванные войной, Варшавское общество охраны памятников древности обратилось с воззванием к учреждениям и лицам (особенно офицерам действующей армии) — содействовать сохранению памятников польской старины. В воззвании подробно перечислялись типы памятников, на охрану которых необходимо было обратить особое внимание⁶. Еще раньше этого воззвания в печати

¹ Р. Б. Бродский. Из истории музея А. В. Суворова. «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 175—176.

² «Старые годы», 1913, март, стр. 48.

³ «Аполлон», 1913, № 4, стр. 48.

⁴ «Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1912 г.». Спб., 1913.

⁵ В. Рудakov. Охрана памятников старины. «Исторический вестник», т. СХХІХ, 1912, июль, стр. 308.

⁶ «Старые годы», 1916, октябрь — декабрь, стр. 157, 158.

¹ «Старые годы», 1909, апрель, стр. 203.

² Там же, 1910, апрель, стр. 45.

³ В. Рудakov. Охрана памятников старины. «Исторический вестник», т. СХХІХ, 1912, июль, стр. 306.

⁴ «Аполлон», 1913, № 7, стр. 65.

⁵ «Старые годы», 1911, апрель, стр. 62.

сообщалось, что русские войска, вступившие во Львов после отступления австрийцев, сохранили в полной неприкосновенности все музейные и частные коллекции и исторические памятники, в том числе и польские¹. Охраной польских исторических памятников, пострадавших во время войны, занимался также петроградский отдел Варшавского общества охраны памятников древностей, при этом Академия наук выразила готовность оказать ему содействие «в отыскании эвакуированных или пропавших по военным обстоятельствам предметов польской старины, искусства и религиозного культа»².

Серьезное значение для охраны памятников имела деятельность собирателей и коллекционеров, особенно в тех случаях, когда коллекционирование велось на базе глубоких научных интересов и знаний собирателей. Наиболее ценные коллекции частных собирателей сосредоточили огромные музейные ценности, при этом многое из оказавшегося в этих собраниях было буквально спасено от гибели. Широкой известностью пользовались собрания П. М. и С. М. Третьяковых, П. И. Щукина, А. А. Бахрушина, И. Е. Забелина, Д. А. Ровинского, А. Ф. Лихачева, А. Д. Черткова, А. Н. Поля, Е. Н. Скаржинской и многих других, коллекции которых позднее составили основу фондов для музеев различного профиля³.

Вместе с тем среди собирателей и коллекционеров-антикваров встречались невежественные стяжатели и спекулянты, создававшие ажиотаж вокруг памятников. Деятельность такого рода «коллекционеров» вредно сказывалась на охране исторических памятников.

V

Одной из причин неблагополучия в деле охраны исторических памятников в России было отсутствие единого законодательства по вопросам охраны, создающего правовую базу для существования специальных органов, ведающих охраной памятников. Эти органы должны были явиться вместе с тем организаторами всех общественных и научных сил, могущих содействовать охране памятников. Важнейшая задача единого законодательства состояла также в ограждении законом исторических памятников — национального богатства народов России.

Насущная необходимость в таком законодательстве ощущалась в течение всей капиталистической эпохи, что нашло свое отражение в многочисленных законопроектах, разрабатывавшихся научными организациями и государственными учреждениями.

История этих проектов и общественной борьбы вокруг них выявляет реакционную, антинародную сущность буржуазно-помещичьих пра-

вляющих сил государства и церкви, позволяет определить степень научной разработки вопросов, связанных с охраной памятников, так как в создании и обсуждении проектов в большей или меньшей степени принимали участие многие представители буржуазной науки и искусства, а также широкий круг музейных деятелей страны.

Инициатива разработки проектов охраны исторических памятников принадлежала деятелям науки и научным организациям.

В частности, имеются сведения о том, что в начале 1860-х гг. одним из первых поднимал этот вопрос выдающийся научный и общественный деятель В. В. Стасов, который принимал некоторое время участие в работе Археологической комиссии¹.

Как было отмечено, вопрос охраны исторических памятников был предметом обсуждения I археологического съезда, происходившего в Москве в 1869 г. В обсуждении этого вопроса приняли участие видные деятели съезда: историки С. М. Соловьев и Н. Л. Бестужев-Рюмин, археолог А. С. Уваров, Н. А. Попов, А. А. Мартынов, Д. П. Сонцов, Д. М. Струков и др. Уже на съезде А. С. Уваров, ссылаясь на опыт охраны памятников в некоторых странах Западной Европы, предлагал добиваться разделения всей страны на археологические округа, в каждом из которых находился бы так называемый консерватор (хранитель) — ответственное лицо, ведающее делом охраны исторических памятников. Кроме того, предлагалось составить списки памятников, при этом хранителям вменялось в обязанность отвечать за сохранность памятников, внесенных в эти списки. Эти идеи легли в основу «Проекта мер охранения памятников старины», разработанного деятелями I археологического съезда и получившего одобрение II археологического съезда, происходившего в Петербурге в 1871 г.² Комиссия, составившая «Проект мер охранения памятников», констатировала тяжелое состояние памятников и пришла к выводу, что принимавшиеся государством законодательные меры «не достигли своей цели», причем главная причина усматривалась в том, что «оценка памятников лежала на лицах некомпетентных, а прямых указаний, которые памятники сохранять, не имелось»³.

¹ В. В. Стасов вышел из комиссии в 1864 г. П. И. Веселовский. История Императ. русского археологического общества за 1-е 50-летие его существования 1846—1896 гг. СПб., 1900, стр. 74.

Заслуги В. В. Стасова перед русской археологией специально отмечены акад. С. А. Жебелевым в его работе «Введение в археологию. История археологического знания», ч. I, Пг., 1923. Акад. Жебелев писал: «Для изучения русского орнамента существенные услуги археологии оказал В. В. Стасов, как своим капитальным изданием «Славянский и Восточный орнамент по рукописи древнего и нового времени» (Пг., 1884), так и своим более ранним исследованием: «Русский народный орнамент. Шитье ткани, кружева» (Пг., 1872). См. С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 183.

² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, д. 509, л. 2. Архив АИМ, ф. РВИО, оп. 95/1, д. 75, л. 33 об.

³ Там же, л. 33 об.

¹ «Старые годы», 1915, март, стр. 57—58.

² «Аполлон», 1916, № 8, стр. 51.

³ Вопрос о значении деятельности коллекционеров для охраны памятников — большая самостоятельная тема, требующая отдельного рассмотрения.

Комиссия полагала, что достаточно было бы разработать удовлетворительные меры охраны памятников и добиться поддержки влиятельного вельможи — и охрана памятников могла бы быть налажена¹. Скоро, однако, деятелям археологического съезда пришлось убедиться в призрачности своих предположений.

Проект, предложенный комиссией археологического съезда, исходил из того, что все меры по охране «распадаются на два отдела: во-первых, приведение в известность всех доселе существующих еще памятников; во-вторых, самый способ сохранения и ограждения их от всякого повреждения»².

Проект предлагал начать работу по охране с составления списков памятников древности, разделив их на пять категорий³.

В списки памятников считалось необходимым включать следующие сведения: историю памятника; данные, на основании которых он внесен в списки; на чьей земле памятник расположен; состояние памятника. Предполагалось, что списки будут составляться археологическими и историческими обществами по одной или нескольким губерниям. В местностях, отдаленных от этих обществ или изобилующих памятниками, считалось необходимым образовать отделения Русского археологического или Московского археологического общества. Списки должны были рассматриваться комиссией уполномоченных Академией наук, Академией художеств, археологических и исторических обществ. Утвержденные списки становились документом. Комиссии предлагалось избирать «блюстителей», которым вменялось в обязанность наблюдение за сохранностью памятников.

Первоначально предполагалось образовать всего пять округов: Петербургский, Московский, Киевский, Казанский, Одесский. Кавказ и Сибирь должны были войти в ведение местных отделов Географического общества. В трех из названных округов обязанности составления списков могли быть возложены на археологические общества, в Киевском округе — на комиссию при Киевском университете с возможным преобразованием ее в археологическое общество; в Казани считалось необходимым создать местное археологическое общество.

Материально-финансовое обеспечение мероприятий охраны почти не нашло отражения в проекте. Составители считали, что только должность «блюстителя», сопряженная с «известными расходами на разъезды», может быть «в государственной службе и по правам и преимуществам сравнена с должностью почетных попечителей гимназий»⁴. Но основную

работу по охране предполагалось осуществлять все-таки на добровольно-общественных началах. Таково в самых общих чертах содержание проекта 1869—1871 гг.

Представленный в министерство народного просвещения, проект подвергся обсуждению в государственных и научных учреждениях.

Одобрительный отзыв получил проект в военном министерстве. Военный министр Д. А. Милютин, как известно, проявлявший большой интерес к историческим проблемам и являвшийся автором целого ряда исследований по военной истории, сообщал в министерство народного просвещения в апреле 1873 г., что он вполне одобряет «предположения о мерах к сохранению на будущее время существующих памятников древности, а равно и проект одобренных съездом положений по сему предмету»¹.

Иной, однако, была оценка проекта, данная Академией наук и Академией художеств. Академия наук в лице академиков Стефани и Шифнера, заявив о своем согласии с идеей охраны памятников, не согласилась с самим проектом. Правда, поводом для этого явилась действительно слабая сторона проекта — неопределенность материально-финансового обеспечения мероприятий по охране памятников. Однако верноподанные академики не пытались улучшить проект и внести соответствующие пункты, по которым бы государство взяло на себя обязанность финансировать столь необходимое дело. Они лишь выражали недовольство слишком большой, по их мнению, ролью, отводимой проектом научным организациям, и обвиняли составителей в том, что проект якобы «предлагает правительству поручить надзор за его драгоценною историческою собственностью, не его собственным, им самим избираемым... чиновникам, а частным лицам... выбор которых будет зависеть не от правительства, а от археологических обществ»². «Недопустимым» сочли также академики «умаление» деятельности императорской Археологической комиссии³, в то время как сама комиссия неоднократно признавала свою несостоятельность в отношении охраны памятников. Конкретные замечания по отдельным параграфам проекта, сделанные Стефани и Шифнером, были весьма поверхностными. Особенно невразумительным было несогласие с § 4 проекта; критики возражали против необходимости давать в списке памятников сведения об истории отдельных исторических памятников, считая, что главное — определить права собственности на памятник⁴.

Особое мнение было высказано академиком Куником, который вполне одобрительно отзывался о проекте, внося лишь отдельные предложения по его улучшению. Например, он рекомендовал установить более тесную связь между археологическими обществами, а также счи-

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, д. 509, л. 2 об.

² «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 36.

³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, д. 509, л. 3. В «Проекте», напечатанном в «Материалах по вопросу о сохранении древних памятников» (М., 1911), указано лишь четыре категории памятников, так как 3-я и 4-я категории объединены в одном пункте. См. указ. соч., стр. 36.

⁴ Там же, лл. 3—4, «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 35—39.

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, д. 509, л. 16.

² Там же, л. 17 об., 18.

³ Там же, л. 17.

⁴ Там же, л. 18 об.

тал необходимым содействие Архивной комиссии, состоящей при министерстве юстиции¹.

От имени Академии художеств отрицательный отзыв о проекте последовал от ее вельможного председателя великого князя Владимира, который заявил о своем несогласии с проектируемыми мерами, а также о несогласии с утверждением археологического съезда, что ранее принятые правительством меры охраны памятников не были эффективными². Попытка комиссии археологического съезда опровергнуть доводы Академии наук и Академии художеств и доказать, что при существующем положении только научные организации в состоянии взять на себя задачу охраны памятников, не имела успеха³.

Таким образом, проект, обладавший многими недостатками, но составленный с целью улучшить дело охраны памятников, опираясь на научные силы, оказался фактически похороненным. Только в 1876 г. снова пришла в действие бюрократическая машина, так как непрерывным потоком продолжали поступать сведения о массовой гибели ценных исторических памятников во всех концах необозримой территории страны.

В 1876 г. министерство народного просвещения после соответствующего указания Сената создало особую комиссию «для обдумывания предложений о мерах к охранению на будущее время существующих памятников». По согласованию с министерством внутренних дел во главе комиссии был поставлен товарищ министра внутренних дел князь Лобанов-Ростовский⁴. В качестве материала «для обдумывания» комиссии был предложен проект, разработанный в свое время комиссией археологического съезда. В состав новой комиссии вошли представители министерства внутренних дел, Академии наук, Академии художеств, Синода, императорского Археологического общества. Московского археологического общества, Общества древнерусского искусства. Такой состав комиссии обеспечил прочное преобладание представителей сановой бюрократии, так как даже лица, представлявшие научные учреждения, являлись крупными государственными чиновниками⁵. Этот факт в значительной мере предопределил характер работы комиссии и ее результаты.

В ходе работы комиссии 1876 г. был составлен новый «Проект правил о сохранении исторических памятников».

В проекте был использован ряд идей документа, разработанного в свое время деятелями археологического съезда. В целях охраны памятников предполагалось создать бюрократическую систему учреждений и учредить при министерстве народного просвещения «Императорскую комиссию по сохранению исторических памятников». «Председатель этой

комиссии должен был назначаться собственноручным высочайшим предписанием»¹.

Путем назначения, а не выборов, предполагалось формировать и состав комиссии, при этом постоянные члены должны были назначаться министром народного просвещения. Все остальные члены должны были назначаться духовным ведомством, императорским двором, министерствами: военным, внутренних дел, народного просвещения и государственных имуществ, а также Академией наук, Академией художеств, археологическими, историческими и другими учеными обществами. Являясь центральным органом охраны памятников, комиссия создает «особые отделы» в археологических округах, на которые делится территория страны. Показательно, что строгому бюрократическому контролю должна была подвергнуться деятельность отделов комиссии на местах: председатель и члены местных (окружных) комиссий должны были утверждаться министром внутренних дел². Окружным комиссиям хотя и предоставлялось право избирать в каждой губернии по одному или по несколько «блюстителей», но и они подлежали утверждению императорской комиссии. Утвержденные члены комиссий и блюстители, не находившиеся на государственной службе, приобретали права чиновников VI и VII классов.

Положительной стороной проекта явилось предложение о разделении страны на 17 археологических округов. При этом ответственность за организацию дела охраны считалось возможным возложить на университеты, археологические общества, исторические общества, общества архитекторов, управления учебных округов, отделения Географического общества, статистические комитеты и даже лицеи. В некоторых археологических округах — С. Петербургском, Московском, Киевском и др. — предполагалось выделить по несколько учреждений-кураторов. Для Туркестанского же округа комиссия не смогла предложить ни одного учреждения, которое было бы в состоянии помочь организовать охрану.

Комиссии по охране памятников должны были выявлять исторические памятники, составлять списки памятников и инструкции отделам и блюстителям, следить за точным исполнением мер по охране, выносить решения о видоизменении или уничтожении памятников в случае невозможности их дальнейшего сохранения. Однако обозначенные в проекте «права» комиссий были в значительной мере иллюзорными. Фактически комиссиям предоставлялось весьма мало реальных полномочий по пресечению нарушений правил охраны памятников. Так, например, для приостановления работ по сломке и перестройке зданий и распоряжений по отчуждению и переделке «предметов замечательных» комиссии могли лишь сообщать соответствующим ведомствам³. Совершенно исключались из ведения комиссий все многочисленные памятники, находящиеся в част-

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, д. 509, л. 22—22 об.

² Там же, лл. 23—24.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 59, л. 61.

⁵ Там же, лл. 43—43 об., 47.

¹ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 40.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 41.

ной собственности и на частных землях. После бурных споров было решено распространить компетенцию комиссий (§ 25) только на памятники, «составляющие правительственную, церковную или общественную собственность»¹. Но и такой объем прав комиссий вызвал оппозицию. В частности, Синод категорически требовал исключения духовного ведомства из числа учреждений, подведомственных комиссии по охране памятников².

Согласно поправке, предлагаемой Синодом, «местное епархиальное начальство предварительно представлению на утверждение святейшего синода предположений относительно отчуждения предметов, имеющих историческое значение, или работы по исправлению и переделке памятников, имело сноситься по сему предмету с Управлением ближайшего археологического округа»³. Настаивая на подобном умалении и без того жалких прав комиссий по охране памятников, Синод стремился таким образом свести к нулю их реальное влияние. В том же направлении действовало и министерство внутренних дел, которое в специальном письме сочло необходимым заявить о своем согласии с основными положениями «Проекта правил охраны памятников» и в то же время подтвердило, что остаются в силе все ранее изданные узаконения по этим вопросам и «что участие и содействие губернаторов и местной полиции признается крайне необходимым для успешного достижения предложенной цели»⁴. Это разъяснение подчеркивало сугубо бюрократические начала, на которых предполагалось строить работу органов охраны памятников, и, кроме того, было выражением страха правительственного аппарата перед возможной общественной инициативой в деле охраны памятников.

Одобрительно отозвалось о проекте 1876 г. только военное министерство. Проект правил рассматривался в военно-ученом комитете Главного штаба и был одобрен со следующими пожеланиями:

В перечне памятников специально упомянуть памятники военно-исторические; отказаться на первое время от введения личного состава служащих по охране в археологических округах, а средства, которые будут получены на их содержание, затратить на организацию археологических экспедиций, с помощью которых можно будет определить археологическое значение каждого округа и правильно распределить средства между ними⁵.

Судьба проекта и дела охраны памятников была решена, однако, весьма просто — одним росчерком пера министра финансов Рейтерна, который в самой категорической форме заявил, что не дает согласия ассигновать 36 900 рублей на содержание «предполагаемой к учреждению

комиссии по охране памятников», и предложил «учреждение названной комиссии отложить до более благоприятного времени»¹.

Комиссия чиновников, усердно трудившаяся над составлением проекта 1876 г., по-видимому, без малейшего сопротивления согласилась с решениями Рейтерна. В охране исторических памятников не произошло никаких изменений. Правда, через некоторое время министерство просвещения сделало попытку возродить этот проект, с той лишь разницей, что все обязанности, которые в соответствии с проектом 1876 г. предполагалось возложить на комиссии по охране памятников, должен был взять на себя Исторический музей в Москве². Несерьезность подобного предложения была совершенно очевидной, так как Исторический музей не обладал никакими реальными возможностями для организации дела охраны памятников по всей территории страны. Государственный совет отверг это предложение, но при этом не было сделано попытки заменить несостоятельное предложение другим, более разумным. Было признано, что для улучшения охраны памятников вообще нет необходимости создавать новые учреждения, ибо достаточно и того, что организацией охраны ведаёт императорская Археологическая комиссия Государственный совет заботился лишь о том, чтобы различные учреждения не дублировали друг друга. Сама же суть дела его очень мало беспокоила³.

Тревожные сигналы периодической печати конца XIX — начала XX в. с сообщением о гибели исторических памятников, а также заявления и докладные записки, поступающие в различные государственные учреждения, побудили снова поставить вопрос об охране памятников. Непосредственным поводом для этого явилось обсуждение материалов о тяжелом состоянии исторических памятников в городе Муроме. Государственный совет отдал распоряжение министру внутренних дел «подвергнуть пересмотру действующие постановления относительно древних памятников и зданий и свои по сему предмету предложения внести, по сношении с кем следует, на законодательное разрешение»⁴. Таким образом, разработка проектов вновь поручалась министерству внутренних дел, не раз уже проявившему свою несостоятельность в этих вопросах и всегда вредно влиявшему на ранее составлявшиеся проекты организации охраны памятников в стране.

Комиссия по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников, созданная в конце 1904 г., заслушав ряд докладов, в том числе и сообщение академика архитектуры П. Ю. Сюзора о постановке дела охраны памятников в иностранных государствах⁵, выработала в течение февраля — апреля 1904 г. «Основные положения» по охране памятников. Содержание документа во многом оказалось сход-

¹ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 40.

² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, д. 509, л. 111 об.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 105—105 об.

⁵ Там же.

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142, д. 509, л. 104.

² «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 20.

³ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 11, л. 14.

⁴ Там же, л. 23.

⁵ Там же, оп. 654, д. 11, ч. II, л. 100.

ным с предшествующими проектами. В отличие от проектов 1870-х гг. «Основные положения» специально упоминали в числе охраняемых памятников «монументы в честь лиц и исторических событий... и вообще все памятники, замечательные по своей древности, художественному достоинству и археологическому или историческому значению», причем охране должны были подлежать «памятники движимые и недвижимые»¹. К числу охраняемых проект относил памятники 150-летней давности².

Для выполнения функций охраны предполагалось создать археологические округа с сетью местных учреждений, на которых бы лежали наблюдательные и исполнительные обязанности. Возглавлять эту систему должен был центральный орган, ведающий охраной.

Комиссия 1904 г. обсуждала широкий круг вопросов, однако не смогла вынести по многим из них решения и затребовала мнение «компетентных учреждений». К числу наиболее острых из нерешенных вопросов относились: 1) о распространении правил охраны на недвижимые имущества, находящиеся в частной собственности; 2) о характере создаваемых для организации охраны органов, их составе и функциях; 3) об установлении особых правил, регламентирующих вывоз памятников за границу, и др.³.

Проект «Основных положений» и неразрешенные комиссией вопросы подверглись критическому обсуждению в различных научных учреждениях, среди которых были археологические общества, музеи, исторические общества, ученые архивные комиссии, Общество архитекторов и др.

В большинстве отзывов высказывались критические замечания по проекту и определялось отношение к спорным, неразрешенным вопросам, но, как правило, эта критика не выходила за рамки несогласий по конкретным вопросам охраны. Однако предложения научных учреждений в ряде случаев шли несравненно дальше проектов министерской комиссии. В ряде отзывов выражалось сугубо скептическое отношение к предложению о создании органов охраны по археологическим округам, охватывающим огромные пространства, и указывалось на необходимость погубернской организации дела охраны⁴. Такое же критическое отношение вызвал выдвинутый в проекте формально-хронологический критерий (150-летняя давность), определяющий памятники, которые нужно отнести к числу охраняемых⁵.

В отзывах Симбирской губернской ученой архивной комиссии, Пензенской ученой архивной комиссии, Виленской археографической комиссии, Одесского общества истории и древностей и других выдвигалось

требование о распространении права охраны на памятники, находящиеся в частной собственности¹, хотя, как известно, комиссия министерства после долгих препирательств так и не решилась внести в проект правил пункты, в какой-либо мере разрешающие вторгаться в права частной собственности.

За безусловный запрет вывоза памятников за границу высказались Виленская археографическая комиссия, Ярославская, Орловская, Пензенская ученые архивные комиссии и др.². В результате предложения этих научных организаций оказались гораздо более радикальными, чем соответствующие предложения Московского археологического общества³, не говоря уже о проектах министерских комиссий. Особое отношение к проекту выражено в отзыве Минусинского музея, в котором, как известно, в различные периоды его существования значительную роль играли политические ссыльные. Музей недвусмысленно отказывался от обсуждения бюрократического проекта, в котором вопрос охраны памятников не связывался с общими задачами культурного развития народа. В отзыве отмечалось, что наилучшей мерой охраны памятников древности явилось бы «повышение общего уровня культурности населения». Перед музеями ставилась задача — охранять памятники своего района путем «нравственного воздействия на массу населения». При этом выражалось сомнение в полезности проектируемых бюрократических «охранительных» органов⁴.

События русско-японской войны и первой русской революции отодвинули на задний план мероприятия по охране памятников. Министерство внутренних дел, в течение 30 лет успешно тормозившее мероприятия по охране памятников, занялось кровавой расправой с революционным народом России.

Заседания комиссии по пересмотру действующих постановлений по охране памятников были возобновлены только в 1908 г. Руководителем комиссии был назначен Султанов, а после его смерти — чиновник министерства внутренних дел, член Русского археологического общества Гурлянд⁵.

Очередная комиссия, созданная в новом составе, нашла, что круг вопросов, затронутых в предшествующих проектах, был слишком ограничен. Комиссия расширила свои задачи, решив, что ей надлежит выработать «основные положения нового законодательства об охране не только древних памятников и зданий, но и вообще — об охране памятников старины в самом широком смысле этого слова»⁶. В соответствии с этим перед комиссией были поставлены следующие вопросы: «о правах государства на недра земли, если в этих недрах находятся па-

¹ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 45.

² Там же.

³ Там же, стр. 49—51.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 654, д. 11, ч. II, лл. 3, 9, 21 об., 29 об., 35 об., 42 об., 43, 67 и др.

⁵ Там же, лл. 2, 52 об., 66.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 654, д. 11, ч. II, лл. 3, 22, 35 об., 39, 86.

² Там же, лл. 29, 36 об., 44 об., 54.

³ Там же, л. 131.

⁴ Там же, л. 56.

⁵ Там же, лл. 217, 228.

⁶ Там же, оп. 186, д. 11, л. 243.

мятники древности; о степени практической осуществимости для государства оберегать памятники зодчества; о степени осуществимости установить приоритет государства в деле приобретения древних памятников; о мерах охранения от расхищения, уничтожения и продажи за границу древних рукописей и икон; наконец — рассмотрение проекта положения об архивных комиссиях»¹.

В состав междудеятельственных комиссий вошли главным образом выскопоставленные чиновники из министерств внутренних дел, просвещения, юстиции, финансов, двора, ведомства православного исповедания и других и особо приглашенный член Государственного совета. Предполагалось также участие отдельных представителей различных научных учреждений.

В начале своей деятельности междудеятельственная комиссия попыталась определить принципиальные установки, которые должны лежать в основе будущего законодательства. Эти так называемые «общие основания» провозглашали: 1) необходимость государственной охраны памятников; 2) слияние интересов отдельных ведомств в единой системе охраны памятников; 3) создание центрального органа, ведающего охраной; 4) право приоритета правительства при отчуждении памятников, находящихся в частной собственности².

Конкретная разработка документов поручалась трем подкомиссиям. Дополнительным материалом для этих комиссий явился новый проект правил по охране памятников, предложенный Московским археологическим обществом, в основу которого в свою очередь был положен «Проект мер к охранению памятников старины», выработанный в 1908 г. XIV археологическим съездом³. По-видимому, наличие этих документов делало невозможным уклониться от решения некоторых острых вопросов, ибо именно упомянутые документы содержали такие требования, как предоставление права государству отчуждать движимые и недвижимые памятники у частных собственников, а также право запрета вывоза памятников за границу.

В ходе обсуждения вопросов в комиссии выявилось категорическое несогласие Синода подчиниться общим правилам охраны памятников. Представитель этого учреждения ссылался на то, что церковными властями якобы «выработана почти полная организация охраны»⁴. Однако даже реакционные деятели комиссии не сочли возможным согласиться

с доводами представителя церкви, так как буржуазная печать была полна сообщений о варварских действиях церковных властей, а принятие предложений Синода, по признанию самой комиссии и архиреакционного министерства внутренних дел, фактически было бы «равно-сильным полному отказу от установления общих реальных мер охраны древностей»¹.

В то же время предложения комиссии о распространении правил охраны на памятники церковного ведомства не были до конца последовательными и не затрагивали фактически прав церкви. По-видимому, учитывалось, что еще в июне 1908 г. по ходатайству Московского археологического общества «об объявлении отчуждаемою государственной собственностью всех предметов, находящихся в соборах, монастырях, церквях, их ризницах и древлехранилищах Российской Империи», совет министров вынес решение, гласившее: «признать не подлежащим исполнению»².

В комиссию поступил также протест от представителя Главного управления казачьих войск, которое возражало против распространения единых правил охраны памятников на казачьи земли и требовало приравнения земель казачьих войск «в отношении применения к ним правил раскопок к землям частным, а не общественным»³. Комиссия не сочла возможным согласиться с этим требованием.

К концу 1909 г. были выработаны «основные положения нового законодательства» и было создано «особое совещание», которому поручалось обсудить финансовую сторону дела.

В итоге в 1910 г. было окончательно разработано «Положение об охране древностей»⁴, состоявшее из четырех основных разделов: 1) Положений общих (§§ 1—3); 2) О комитете по охране древностей (§§ 4—20); 3) О местных учреждениях, ведающих охраной древностей (§§ 21—26); 4) О порядке и пределах охраны древностей (§§ 27—38). В качестве приложения к одному из параграфов был предложен обширный документ «О губернских ученых архивных комиссиях», которым придавалось большое значение в новой системе охраны памятников⁵. Отдельный проект рассматривал финансовые вопросы⁶.

Проект «Положения об охране древностей» 1910 г. хотя и пытался охватить более широкий круг вопросов, связанных с охраной, не был более совершенным в сравнении с предыдущими проектами, несмотря на то, что подготовке его предшествовал 30-летний опыт. Более того, по ряду принципиальных вопросов новый проект делал шаг назад, что

¹ Архив АИМ, ф. РВЮ, оп. 95/1, д. 75, л. 35.

² ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 11, л. 271.

³ Там же, лл. 384, 385 об.

⁴ «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников». М., 1911, стр. 35—42. Первоначальные проекты документов, составленные «Комиссией по пересмотру действующих постановлений по сохранению памятников» и XIV археологическим съездом, обсуждались общественностью. В частности, был опубликован отзыв на эти проекты Общества истории и древностей Прибалтийских губерний. См. «Отзыв общества истории и древностей Прибалтийских губерний по вопросу о сохранении памятников старины». Рига, 1909.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 11, л. 270.

¹ Архив АИМ, ф. РВЮ, оп. 95/1, д. 75, л. 22.

² Там же, лл. 28—32.

³ Там же, лл. 20, 46—46 об.

⁴ Проект «Положения об охране древностей» вместе с поправками к нему, внесенными в ходе обсуждения, был отпечатан отдельной книгой. Мы, как правило, пользуемся архивным экземпляром документа, который содержит некоторые редакционные расхождения с вышеупомянутым.

⁵ Архив АИМ, ф. РВЮ, оп. 95/1, л. 75, лл. 40—43.

⁶ Там же, лл. 37 об., 38 об.

не могло не уменьшить его практическую значимость. Естественно, что проект встретил преимущественно отрицательную оценку со стороны научных учреждений и организаций и резкую критику в буржуазной печати.

В соответствии с проектом «Положения...» охрана древностей по-прежнему возлагалась на министерство внутренних дел; абсолютное большинство мест в комитете по охране древностей отводилось опять представителям министерств. Председатель комитета назначался все тем же министерством внутренних дел, а все постановления комитета подлежали утверждению. В случае несогласия хотя бы одного представителя ведомств с решением, принятым комитетом, право решать вопрос всецело предоставлялось министру. Таким образом, охрана памятников вновь отдавалась во власть чиновной бюрократии одного из самых реакционных ведомств помещичье-буржуазного государственного аппарата.

Учреждения по охране памятников на местах предполагалось образовывать с учетом наличия в губерниях ученых архивных комиссий и ученых обществ. Но лежавшее на комитете право выбора учреждений для охраны обеспечивало передачу ответственности за охрану памятников в руки наиболее реакционных элементов¹.

Проект предлагал узаконить за государственными учреждениями право преимущественной покупки памятников у частных владельцев, но разрешал вместе с тем вывоз памятников за границу, если правительство отказывалось от приобретения музейного предмета. Вмешательство органов охраны памятников в права частных собственников ограничивалось контролем Археологической комиссии над раскопками на частных землях; но и здесь требовалось «каждый раз входить предварительно в соглашение с владельцами сих земель»².

Финансовая сторона проекта была также ниже всякой критики. Достаточно сказать, что для охраны памятников предполагалось ассигновать каждому из местных учреждений по 500 рублей в год, на ремонт и реставрацию памятников «монументального зодчества» 15 000 рублей в год (по всей стране), а на приобретение древностей у частных владельцев 10 000 рублей в год³.

Специальная думская комиссия, которой было поручено рассмотреть представленный законопроект, изучала его целый год и приложила немало усилий, чтобы вытравить из проекта даже жалкий намек на решение принципиальных вопросов. Больше всего думских деятелей беспокоило кажущееся вмешательство в священные права частной собственности, поэтому статью проекта, говорившую о приоритете правительства в приобретении памятников у частных лиц, думская комиссия сочла «весьма оскорбительным стеснением права частной собственности и нарушением частных интересов и очень спорным с принципиальной

точки зрения»⁴. По вопросу о вывозе исторических памятников за границу думская комиссия внесла поправку, в которой говорилось о необходимости принять меры «для охраны древностей и защиты их от вывоза из России, однако без нарушения чьих-либо прав»⁵. Реальное содержание этого пожелания вылилось в предложение комитетам по охране древностей рассматривать заявления частных владельцев о покупке памятников, но при этом учитывать, что «...все составляющие частную собственность древности изъеются из действия настоящего законопроекта, а вывоз предметов древности за границу не карается законом и почитается свободным от всяких запретов» (!)⁶. Комиссия опротестовала также предложение о разрешении Археологической комиссии ведать раскопками на частных землях⁴. Только после этих поправок комиссия согласилась представить законопроект на рассмотрение Думы, но и здесь он по существу не обсуждался и был снят с повестки дня с помощью proceduralных ухищрений⁵. В 1913 г. этот проект снова всплыл на поверхность, но уже в комиссии законодательных предположений, которая сочувственно отнеслась к реакционным поправкам думской комиссии 1912 г.⁶.

Как было упомянуто выше, «Положение об охране древностей» получило отрицательную оценку большинства научных и общественных организаций и резко критиковалось в буржуазной печати.

Академия художеств в специальном письме в министерство внутренних дел отмечала неудовлетворительность законопроекта и предлагала не вносить его в Думу до коренной переработки с привлечением «художественных сил»⁷.

Юридическое общество, обсуждавшее законопроект, указало на его несостоятельность по ряду важнейших вопросов. По словам газеты, поместившей информацию о заседании Юридического общества, последнее нашло, что проект свел к нулю значение комитета по охране памятников, что в нем неудовлетворительно решен вопрос о критерии для отнесения памятника к числу охраняемых, что нелепыми по своей мягкости являются проектируемые уголовные кары за уничтожение и кражу исторических памятников, а статья, якобы ограничивающая вывоз памятников за границу, фактически всецело «на руку антикварам»⁸. Всероссийский съезд художников (27/XII—1911—5/I—1912 г.) также обсуждал правительственный законопроект об охране памятников и вынес решение о его неприемлемости⁹. На съезде отмечалось, что организация охраны памятников, предусмотренных проектом, игнорирует научные и художественные общества, а «было бы справедливо, чтобы охраной па-

¹ Архив АИМ, ф. РВИО, оп. 95/1, д. 75, лл. 40—41.

² Там же, лл. 41 об., 42.

³ Там же, л. 24.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 11, л. 828 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 830. Курсив в документе.

⁷ Там же, л. 830.

⁸ «Речь», 1912, 8.VI.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 186, д. 11, л. 1082 об. — 1083.

¹⁰ Там же, л. 792—793.

¹¹ «Вечернее время», 1912, 16/III; «Речь», 1912, 18/III.

¹² «Старые годы», 1912, январь, стр. 53—54.

мятников старины ведали деятели искусства и науки и лица, заявившие себя преданностью этому делу». Съезд солидаризировался также с научными и художественными организациями, отмечавшими неудовлетворительность финансовой части проекта и беспомощность проектируемой системы организации охраны на местах¹. Мнение съезда художников было поддержано Обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, которое признало проект «не жизненным» и не соответствующим потребностям охраны памятников².

Всероссийский съезд зодчих, заслушивавший доклад архитектора П. Ю. Сюзора «Положение вопроса о работах комиссии по разработке проекта закона об охране памятников», единодушно высказался против законопроекта, представленного в Думу³.

Московское археологическое общество сообщало в министерство народного просвещения по поводу проекта, что оно «не нашло возможным с точки зрения интересов науки согласиться с его многими положениями и выработало свои основы такого законопроекта...»⁴.

Нельзя не признать справедливой оценку законопроекта в ряде органов буржуазной печати. Автор одной из статей отмечал полную несостоятельность этого проекта и называл его бюрократической отпиской⁵, а в написанной в ироническом тоне статье «Все кого имеют касательство» после обстоятельного разбора проекта закона делался вывод: «Словом при ближайшем рассмотрении «Положение об охране древностей» является почти несомненным положением во гроб очень живого дела». И далее: «Не полицейское требование соблюдения охранительных правил «всеми кого имеют касательство» может спасти гибнущую старину, а широкое привлечение к делу общественных сил и организаций»⁶. При всей справедливости этого требования к нему можно лишь прибавить, что только глубокие социальные изменения, перед которыми стояла Россия, могли коренным образом и в интересах народа решить вопрос о культурном наследстве и памятниках в том числе. Это было практически доказано через пять лет после обсуждения проекта буржуазными парламентариями.

VI

Начало первой мировой войны освободило Думу от необходимости дальнейшего обсуждения проектов охраны памятников, хотя насущная необходимость охраны еще более возросла: ослабилась работа научных и общественных организаций по охране исторических памятников, воз-

¹ См. «Объяснительная записка к правительственному законопроекту «Об охране древностей». Спб., 1912, стр. 3—19.

² «Старые годы», 1912, март, стр. 49—54; ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 654, д. 11, ч. II, лл. 304—305.

³ Там же, 1914, февраль, стр. 51—53.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 145, д. 283, л. 13.

⁵ «Речь», 1912, 17/II.

⁶ «Русское слово», 1911, 17/XII. Все кого имеют касательство. Статья подписана буквами В. Н.

росла «естественная» гибель памятников, так как в силу хозяйственной разрухи совершенно приостановились мероприятия по предупредительному ремонту и реставрации, усилился поток вывоза памятников за границу, не говоря уже о том, что значительные комплексы памятников оказались на территории, занятой врагом, и в районах боевых действий. Как известно, войска кайзеровской Германии с самого начала войны запятнали себя варварским разрушением многих исторических памятников (Реймский собор, бомбардировка собора Парижской богоматери, Краковский собор, памятники Бельгии и др.). Такая же участь ожидала памятники Белоруссии и Прибалтики, Украины и Кавказа. Журнал «Старые годы» с полным основанием писал: «И если на Западе утешение останется в том, что все погибшее изучено, зафиксировано и частью может быть восстановлено, то у нас, пожалуй, и этого не будет. Нам местами придется производить регистрацию (увы! первую) уже погибшего и не только еще не изученного, а даже не отмеченного»¹.

Реальная опасность гибели памятников в районах, близких к военным действиям, побудила Академию наук принять постановление об охране «научных и художественных сокровищ» в Привисленском крае, Галиции и Буковине². В районы боевых действий в ряде случаев направлялись специальные эмиссары, которым ставилась задача сбора сведений о памятниках в целях их охраны³.

В 1916 г. по поручению Академии наук были направлены в районы турецкой Армении, занятые русскими войсками в ходе военных действий, хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян и директор этого музея А. Н. Казнаков с целью описания памятников и принятия мер для их охраны. Представитель Академии обращался за содействием к военным властям и встречал сочувственное отношение. Были приняты меры по охране памятников мусульманской церковной архитектуры. Что касается памятников христианской церковной архитектуры, то, как сообщал Тер-Аветисян в отчете, они были разрушены отступившими турецкими войсками⁴. С аналогичным заданием на Кавказский фронт был направлен доцент Петроградского университета Н. Л. Окунев, которого сопровождал архитектор и фотограф. В работе этой экспедиции также принял участие Тер-Аветисян. Как говорилось в отчете Н. Л. Окунева, результатом поездки явились «...дневники, заключающие мои наблюдения и исследования памятников, те немногие меры, которые была возможность принять для охранения этих памятников древности и культуры, несколько планов и чертежей и фотографий в количестве 500»⁵.

¹ «Старые годы», 1914, октябрь—декабрь, стр. 130.

² Там же, 1915, март, стр. 55—56.

³ «Аполлон», 1915, № 3, стр. 55.

⁴ Предварительный отчет по 2-й командировке С. В. Тер-Аветисяна о занятии русскими войсками части турецкой Армении. «Известия Акад. наук», VI серия. Пг., 1916, № 16, стр. 1435—1438.

⁵ Предварительный отчет приват-доцента Петроградского университета Н. Л. Окунева о командировке летом 1917 г. на Кавказский фронт для охраны памятников древности и культуры. «Известия Акад. наук», VI серия, Пг., 1917, № 17, стр. 1435—1438.

В периодической печати продолжали выдвигаться требования о принятии закона по охране памятников и, в частности, о принятии специального постановления, запрещающего вывоз исторических памятников за границу¹, при этом одним из поводов явились распространившиеся в печати сообщения о скупке интернированными и пленными немцами русских древностей².

Разработкой вопросов охраны военно-исторических памятников занялось Русское военно-историческое общество, для чего в начале 1914 г. при обществе была создана специальная комиссия³.

Инструкция обязывала комиссию «собирать и иметь сведения о всех существующих русских военных памятниках», «изыскивать необходимые... средства для ремонта памятников»⁴.

В Петербурге во время войны проводилась кое-какая работа по охране могил выдающихся общественных деятелей и деятелей культуры, но в то же время было признано, что не «поддерживаются в надлежащем порядке» могилы М. И. Глинки, Д. И. Менделеева, В. А. Жуковского, И. С. Тургенева, В. Г. Белинского, М. В. Ломоносова, И. А. Гончарова, Н. А. Добролюбова, М. П. Мусоргского, А. Н. Серова и многих других. В 1915 г. в смете комиссии по народному образованию вновь предусматривались средства для охранения могил М. А. Балакирева, А. С. Мартынова, В. С. Гаршина и др.⁵. Однако попытки привести в порядок некоторые памятники остались лишь единичным эпизодом, не изменившим общего положения охраны мемориальных памятников выдающихся деятелей науки и культуры.

К началу 1916 г. вновь начали проявлять признаки жизни некоторые государственные учреждения, ведавшие охраной памятников. Предполагалось поручить «особому совещанию» при министерстве внутренних дел выяснить, как выполняется постановление о вывозе памятников с мест, которым угрожает неприятель, а также о категорическом запрещении продажи «предметов старины из церквей и скитов... и о прекращении хищнической скупки иностранцами предметов древности и запрета вывоза за границу»⁶. Одновременно был взят из Думы для переработки законопроект об охране памятников, внесенный в 1911 г.⁷.

Разработкой проекта охраны древней русской иконописи занялась особая комиссия в министерстве юстиции.

Но в итоге вся эта проектная суeta чиновников не имела никакого практического значения.

К моменту свержения царизма февральской буржуазно-демократической революцией и перехода власти к буржуазному Временному пра-

вительству ни один из вопросов охраны памятников не был разрешен. Не изменилось положение дела и во время бесславного правления буржуазного Временного правительства, хотя свержение царизма поставило вопрос о переходе в государственную собственность ценнейших собраний и памятников, находившихся ранее в ведении министерства императорского двора и во владении лиц императорской фамилии. В этот период увеличился вывоз музейных ценностей за границу. По воспоминаниям И. Грабаря, «в дни Керенского увозили целыми поездами обстановку, картины, скульптуры, драгоценности»¹. Временное буржуазное правительство оказалось неспособным организовать охрану памятников в интересах народа точно так же, как оно не разрешило и других, выдвинутых жизнью, социальных и экономических вопросов.

Инициатива охраны памятников после февральской революции принадлежала деятелям культуры и искусства, обеспокоенным перспективой гибели культурного достояния, принадлежавшего народу. Активную роль при этом играл М. Горький, на квартире у которого обсуждались вопросы охраны исторических памятников. На одном из таких собраний было решено требовать от Временного правительства издания декрета о министерстве искусств, в ведение которого отошли бы все учреждения министерства двора и которое было бы ответственным за охрану памятников.

Для проведения этого предложения были избраны 12 «комиссаров», в числе которых были М. Горький, Ф. Шалапин, композитор и музыкальный критик Каратыгин, а также художники, группировавшиеся вокруг журнала «Мир искусства»².

С конкретными требованиями организации охраны выступили и представители Комитета по охране памятников старины, искусства и истории, которые требовали от Временного правительства следующих решений: 1) о немедленном издании декрета, воспрещающего вывоз за границу художественных и исторических сокровищ; 2) о подтверждении закона, воспрещающего продажу церковной и монастырской старины и предметов религиозного культа и карающего продавцов и скупщиков его, и 3) об усилении охраны исторических дворцов с их обстановкою и художественно-историческими собраниями и принятии мер, при которых продажа или порча предметов искусства и истории из этих дворцов была бы невозможна³.

К этим требованиям присоединилась и Комиссия по ученым учреждениям и предприятиям. Комиссия в своем решении обращала «внимание Временного правительства на необходимость, ввиду связанного с текущими событиями ослабления надзора за государственной собствен-

¹ «Старые годы», 1915, март, стр. 55.

² Там же.

³ Архив АИМ, ф. РВИО, оп. 95/1, д. 387, лл. 1—5.

⁴ Там же, д. 438, лл. 1—3 об.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 746, оп. 1, д. 69, л. 2.

⁶ «Старые годы», 1916, март, стр. 52.

⁷ Там же.

¹ И. Грабарь. Моя жизнь. М., 1937, стр. 272.

² Описание собрания, происходившего у М. Горького, имеется в письме В. Е. Маковского к Д. И. Толстому (ЦГИАЛ, ф. 696, д. 377, лл. 1—2 об.). Автор письма дает, однако, весьма тенденциозную оценку событий.

Письмо В. Е. Маковского нам любезно указано С. А. Овсянниковой.

³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 145, д. 283, л. 42.

ностью и возможностью расхищения, подтвердить в порядке правительственного акта запрещение продажи, без особого распоряжения правительства в каждом отдельном случае, принадлежащих ныне государству, также церквам, монастырям, ризницам, епархиальным церковным и монастырским хранилищам, как внесенных в опись, так и не внесенных, или из описей исключенных, памятников искусства и старины, а также объявить, что означенные предметы, упомянутое происхождение которых может быть доказано, подлежат отобранию в пользу государства, или соответствующих мест, когда и где бы они ни были обнаружены»¹.

В Москве энергичную деятельность по охране памятников проявлял И. Грабарь, руководивший в это время Третьяковской галереей и принимавший активное участие во всей музейной жизни. Но все усилия деятелей науки и культуры так и не получили практической реализации. Время правления буржуазного правительства лишь усугубило неблагополучие в деле охраны исторических памятников.

Только народ, совершивший Великую Октябрьскую социалистическую революцию, приступил к разрешению тех вопросов охраны памятников, которые помещичьи и буржуазные правительства оказались неспособными решить в течение многих веков своего господства.

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 145, д. 283, лл. 44—44 об.

Н. Н. ПОЗДНЯКОВ

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ И ЕГО НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 1872—1917 гг.

(Работа передовых русских ученых в Политехническом музее)

Идея создания Политехнического музея относится к 70-м гг. XIX в. Ускоренное развитие капитализма в России, несмотря на сильное еще влияние пережитков крепостнической системы хозяйства, способствовало появлению многочисленных научных учреждений. К этому времени относится также возникновение многих научно-просветительных учреждений, отвечавших назревшим потребностям эпохи.

В расчеты царского правительства не входила, конечно, задача просвещения масс. Но в противовес этой официальной политике прогрессивная часть русской интеллигенции выдвигает идею широкого просвещения народа, приобщения его к культуре.

Для реализации этих благородных задач начинают возникать различные общества из прогрессивных представителей русской интеллигенции. Одно из таких обществ возникает в 1863 г. по инициативе профессоров Г. Е. Шуровского, А. П. Богданова, А. Ю. Давыдова при Московском университете под названием «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии». Деятелей этого общества не покидает мысль, что Россия при благоприятных обстоятельствах сможет самостоятельно развить свою науку, технику и промышленность, не уступающую иностранной.

Программа вновь созданного в России Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии была по тому времени совершенно необычной. Как отмечают его руководители, «она шла вразрез с установившимися взглядами на задачи ученых университетских обществ, корпо-

ративно замкнутых, оберегавших науку от прикосновения с толпой»¹. Один из руководителей этого общества, прогрессивный деятель науки того времени профессор Московского университета Г. Е. Щуровский, указывал, что «знания из кабинета ученого должны поступать в массы народа и стать его умственным достоянием»². В этом направлении при поддержке широкой общественности Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и развернуло свою деятельность. Оно снаряжало экспедиции, открывало библиотеки, лаборатории и кабинеты, проводило многочисленные лекции и научные сообщения, устраивало выставки. Но в условиях России того времени общество не имело возможности распространять знания среди широких слоев населения — рабочих, служащих и учащейся молодежи.

В связи с этим среди членов общества возникла мысль об организации в Москве доступного для народа музея, в котором можно будет свободней проводить разнообразную просветительную работу. Но осуществить эту мысль было нелегко. Только 11 декабря 1872 г., на базе организованной обществом Всероссийской политехнической выставки, был открыт первый общедоступный Политехнический музей в Москве.

Характерно, что, обсуждая проект создания будущего музея, ученые твердо решили, что он ни в коей мере не должен быть простым собранием различных редкостей, что его цель — служить не удовлетворению пустого любопытства, а широкой пропаганде научных знаний.

Чтобы создать новый музей, требовалось собрать коллекции, и притом такие, которые отвечали бы общеобразовательным целям. На заказ и приобретение коллекций средств не было. Рассчитывать на помощь царского правительства, разумеется, не приходилось. Общество любителей естествознания решило устроить в Москве Политехническую выставку с тем, чтобы ее экспонаты стали затем основой будущего музея.

Считая, что учреждение музея является важнейшим мероприятием, его инициаторы обратились за помощью к общественности.

В многочисленных публичных докладах и выступлениях они рисовали яркую картину будущего музея, подчеркивали ту роль, которую ему предстоит сыграть в распространении «прикладных» знаний, в развитии отечественной промышленности, профессионального образования и народного просвещения. Инициативный комитет установил широкие связи с русскими промышленными предприятиями, изобретателями и кустарями, приглашая их принять участие в выставке. При этом комитет ставил неременным условием, чтобы все экспонаты носили общеобразовательный характер, чтобы они знакомили посетителей с самим существом производственного процесса, чтобы аппараты и различные приборы могли приводиться в действие на глазах у посетителей.

¹ Научный архив Политехнического музея. Инв. № 1, оп. 6, стр. 6.

² Г. Е. Щуровский. Речь на публичном заседании 15-й годовщины Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. «Известия ОЛЕАЭ», т. XXXVII, вып. 1, М., 1881. Протоколы, стр. 87.

30 мая 1872 г. в торжественной обстановке была открыта Политехническая выставка. Она по праву была выдающимся событием своего времени. Достаточно сказать, что на ней было собрано более 10 000 экспонатов, размещенных на огромной площади вокруг всего Кремля, где были выстроены павильоны и галереи соответствующих отделов выставки. За три месяца выставку посетило более 750 тысяч человек. Среди них было 100 тысяч рабочих и 20 тысяч учащихся. К открытию этой выставки великим русским композитором Петром Ильичем Чайковским была написана специальная кантата. Политехническая выставка дала материал, достаточный для организации музея.

Первоначально Политехнический музей состоял из следующих отделов: прикладной зоологии, лесного, сельскохозяйственного, прикладной физики, механического, технического, мануфактурного, минералогического и горнозаводского, архитектурного, морского и речного судостроения, почтового, промышленной этнографии и учебного. Отдел «новостей промышленности» был открыт позднее.

Такая структура Политехнического музея с незначительными изменениями просуществовала до 1927 г. Заведование основными отделами музея приняли на себя известные представители науки и техники, безвозмездно отдававшие свой труд. Так, например, отделом прикладной зоологии руководил профессор А. П. Богданов, лесным — профессор В. Г. Собичевский, сельскохозяйственным — профессор Д. А. Наумов, прикладной физики — профессор А. С. Владимирский, минералогическим — профессор Г. Е. Щуровский и т. д.

Стремясь сделать экспозицию музея доступной широкой массе посетителей, устроители музея, кроме объяснительных надписей, которыми сопровождалась выставленная коллекция, давали устные объяснения, объединяя в группы более или менее однородный состав посетителей (учащиеся, рабочие, служащие), то есть сразу же применили экскурсионный метод осмотра экспонатов.

Для еще более активной популяризации научно-технических знаний Политехнический музей стал проводить народные чтения с изданием затем популярных брошюр. Эти чтения-лекции сопровождалось показом диапозитивов, демонстрацией коллекций, приборов, проведением опытов и вызвали огромный интерес среди посетителей музея.

Но после первых же четырех чтений-лекций они были запрещены царским правительством. Как отметил первый председатель комитета Политехнического музея профессор Г. Е. Щуровский, «В Москве, составляющей центр русской промышленности, центр русской народной жизни, несмотря, казалось бы, на самую основательную потребность подобных чтений, они встретили столь большое затруднение, что должны были отодвинуться на весьма продолжительное время»¹.

Неудача с устройством народных чтений-лекций, а отсюда и с изданием популярных брошюр не остановила комитет музея в его стремле-

¹ Научный архив Политехнического музея. Книга 1, стр. 34.

нии распространять научные и прикладные знания среди широких масс населения. Политехнический музей встал на путь организации и проведения различных курсов по естествознанию, физико-математическим и прикладным наукам с циклами лекций-занятий. Циклы лекций были популярны и читались выдающимися деятелями науки. Например, профессор К. А. Тимирязев читал лекции на тему «Жизнь растений», профессор В. В. Марковников — «Основы неорганической химии», профессор Н. А. Любимов — «Явления магнетизма и электричества».

Эти лекции, пользовавшиеся огромным успехом у слушателей, сопровождались иногда постановкой сложных экспериментов. Так, эксперименты, сопровождавшие лекции профессора К. А. Тимирязева, позволили всей аудитории наглядно убедиться в возможности замены света солнца, необходимого для растительной жизни, светом электрическим. Свои лекции профессор К. А. Тимирязев закончил словами: «...этой аудитории, Вам, милостивые государыни и государи, первым, в темный зимний вечер, привелось увидеть эти явления, совершающиеся в природе только в светлые летние дни, и этим мы обязаны — электрическому свету»¹.

Большинство лекций сопровождалось постановкой опытов. Некоторые опыты по новейшим исследованиям русских ученых были впервые поставлены перед широкой публикой в аудиториях Политехнического музея. Такие, например, опыты сопровождали публичное выступление П. Н. Яблочкова об открытом им способе электрического освещения и вышеприведенное выступление К. А. Тимирязева о влиянии электрического света на растения.

В 1913 г. в своих воспоминаниях о публичных общедоступных лекциях заслуженный деятель науки профессор И. А. Каблуков говорил: «Многим из нас памятливы эти блестящие заседания, собиравшие многочисленную аудиторию, с захватывающим интересом слушающую сообщения проф. А. Г. Столетова, Н. Е. Жуковского и других. А. Г. Столетов не раз выступал со своими в высокой степени интересными и увлекательными сообщениями. В этих публичных чтениях проявились с необыкновенной силою как его замечательная способность популяризации наиболее трудных отделов науки, так и в одинаковой степени замечательный дар красноречия. По словам К. А. Тимирязева, «нигде талант изложения не обнаруживался в такой степени, как в публичных лекциях и речах А. Г. Столетова, представляющих образцы блестящего, изящного изложения самых сложных, трудно доступных пониманию публики новейших завоеваний науки или яркие, глубоко продуманные картины знаменательных моментов ее истории. Сообщения А. Г. Столетова были обставлены опытами, причем последние требовали иной раз не только умения, но и смелости со стороны экспериментатора. Так,

¹ Реферат профессора К. А. Тимирязева «Действие электрического света на растение», читанный на 10-летнем юбилее существования Музея прикладных знаний. «Десятилетие Музея прикладных знаний в Москве». 30.XI.1872—30.XI.1882 гг. М., 1883, стр. 80.

на сообщении о сфероидальном состоянии А. Г. не побоялся опустить руку, смоченную эфиром, в расплавленный свинец...»¹.

Патриотическая деятельность великих русских ученых, первыми откликнувшихся на призыв Политехнического музея принять участие в чтении публичных общедоступных лекций, отмечена в наше советское время установкой в здании музея мемориальной доски с барельефами А. Г. Столетова, К. А. Тимирязева, Н. Е. Жуковского, П. Н. Лебедева.

Политехнический музей проводил также специальные циклы, состоявшие из десяти лекций. Таковы были лекции А. Г. Столетова, Н. А. Любимова, Н. А. Умова, П. П. Лазарева — по физике, Н. Е. Жуковского — по воздухоплаванию, Ф. А. Бредихина — по астрономии, С. А. Чаплыгина — по прикладной математике и механике, В. Н. Образцова — по транспорту, К. А. Тимирязева, Д. Н. Прянишникова — по сельскому хозяйству.

Политехнический музей систематически предоставлял свои аудитории для работы многим передовым общественным учебным заведениям. Так, в стенах Политехнического музея вели свои постоянные занятия Высшие женские курсы, курсы для учительниц, Университет им. Шанявского. Таким образом, Политехнический музей в дореволюционные годы был своего рода общественным центром учебно-образовательной деятельности в Москве. Не стоял в стороне музей также и от общественно-политической жизни страны. В исторические дни революции 1905 г. двери аудиторий Политехнического музея были широко открыты для политических митингов и собраний.

Посещаемость Политехнического музея росла из года в год. Если в 1873 г. музей посетило 12 552 человека, то в 1883 г. — 112 328 человек, в 1893 г. — 125 121 человек, в 1903 г. — 131 440 человек, а в 1913 г. — 156 006 человек. Г. Е. Щуровский отмечал, что «посещающая музей и его аудитории народная масса — не просто любопытствующая толпа, но люди, желающие именно чему-нибудь научиться»².

Наибольшее количество трудящихся посещало музей в воскресные и праздничные дни. В связи с этим комитет Политехнического музея в эти дни ввел специальные объяснения коллекций. Для этого в аудитории переносились из залов музея коллекции, приборы и наглядные пособия. Каждое воскресенье проводилось два объяснения по различным темам. Это были по существу популярные лекции-демонстрации, ставшие в дальнейшем традицией Политехнического музея.

Слушатели заполняли зал задолго до начала лекций-демонстраций, рабочие приходили целыми артелями. Великий русский естествоиспытатель профессор К. А. Тимирязев так передает свои впечатления об этих воскресных днях музея:

«Не знаю, многим ли из Вас случалось бывать в аудитории Политех-

¹ Сб. «50-летие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863—1913 гг.)». М., 1915, стр. 30—31.

² Отчеты Политехнического музея за 1873, 1889, 1893, 1913 гг. Москва.

нического музея в воскресенье утром, но я позволю себе утверждать, что ни в Лондонском Кенсингтоне, ни в Парижском «Conservatoire» не встречал я картины более утешительной. Вы встретите здесь толпу, самую пеструю, какую, по старой привычке, могли бы себе представить где угодно, но уж никак не в аудитории. А между тем это факт; эта толпа в аудитории, она составляет аудиторию, внимательно, жадно ловящую слова не сказки, не потешного рассказа, а ставшего доступным ее пониманию научного вопроса. И факт этот невольно озадачивает Вас при каждом столкновении, — до того мало возможен он казался еще двадцать, еще десять лет тому назад. Быть может, я увлекаюсь, преувеличиваю значение этого явления, но при каждой новой встрече с ним, мне представляется, что здесь в зачаточной форме, в микроскопических размерах, но все же проявляется начало осуществления колоссальной задачи будущих веков, что это только начало расплаты того веками накопившегося долга, который наука, цивилизация, рано или поздно, должны же вернуть тем темным массам, на плечах которых они совершили и совершают свое торжественное шествие»¹.

Большое значение придавал этим воскресным лекциям-демонстрациям и член комитета Политехнического музея профессор Д. Н. Анучин, который в 1912 г. по этому поводу писал:

«Этот способ популяризации научных сведений был уже совершенно новым и всем известно, насколько он оказался удачным в смысле привлечения народных масс. Тысячи состоявшихся чтений и объяснений дали возможность сотням тысяч народа получать неизвестные им раньше в их жизни впечатления, расширить несколько их умственный кругозор, усвоить себе некоторые сведения и под влиянием этих новых впечатлений могла у многих посетителей Музея проявиться любознательность, стремление к самообразованию, к усвоению тех или иных специальных сведений... Политехнический музей был первым учреждением в Москве, осуществившим такую популяризацию знания в более широких размерах; он положил первый прочный камень тогда, когда для народа в этом отношении почти ничего не делалось и когда сами народные чтения стояли еще под подозрением»².

Как уже говорилось, в первые годы деятельности музея была сделана попытка проводить в его стенах популярные лекции, систематически устраивать общеобразовательные чтения для широкой аудитории. Встретив противодействие со стороны царского правительства, ученые вынуждены были прекратить свое начинание, но они не забывали о нем, и спустя несколько лет, когда цензурные стеснения несколько ослабли, в музее вновь стали читаться популярные лекции.

До начала первой мировой войны музеем было проведено около двух тысяч народных лекций по всем отраслям знаний.

¹ Сб. «50-летие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863—1913 г.)». М., 1915, стр. 28.

² Отчет о деятельности музея и его отделов за 1912 г. М., 1913, стр. 14.

Из проведенных лекций следует отметить цикл лекций «О развитии и жизни растений» К. А. Тимирязева (было прочитано 10 общедоступных лекций для слушателей с общеобразовательной подготовкой в период с октября 1875 г. по апрель 1876 г.). Эти лекции впоследствии были изданы отдельной книгой. В 1883 г. К. А. Тимирязев выступил с общедоступной лекцией на тему «Круговорот углерода в природе», в 1886 г. он прочел новый цикл общедоступных лекций, в том числе лекцию на тему «Почему и зачем растение зелено», а весной 1887 г. — лекцию для слушателей повышенной квалификации на тему «Отвергнут ли дарвинизм?». Все эти лекции были напечатаны в 1888 г. в отдельной книжке «Публичные лекции и речи».

Знаменитый русский астроном профессор Ф. А. Бредихин выступал с лекциями по элементарному курсу астрономии (Солнце, кометы, планеты, звезды). В 1873—1874 гг. им был прочитан цикл общедоступных лекций (30 лекций) для слушателей с общеобразовательной подготовкой, проведен ряд общедоступных лекций и для слушателей с повышенной квалификацией по отдельным избранным главам астрономии.

Выдающийся химик профессор В. В. Марковников тогда же провел цикл общедоступных лекций для слушателей с общеобразовательной подготовкой, а по избранным главам из неорганической химии — для слушателей повышенной квалификации. Известный историк искусства профессор А. В. Прахов осенью 1874 г. прочитал 10 лекций по циклу «Современное состояние живописи и скульптуры в Западной Европе», профессор Московского университета А. Г. Столетов проводил 7 апреля 1883 г. публичное чтение на тему «Электричество как двигатель», профессор И. М. Сеченов выступал 16 ноября 1894 г. с речью «Герман Гельмгольц как физиолог», профессор Н. Е. Жуковский 20 января 1910 г. прочел лекцию на тему «Летательные машины в настоящем и будущем». С публичными лекциями выступали также профессора И. А. Каблуков, Д. Н. Анучин, В. Р. Вильямс, И. Д. Чистяков, П. П. Петров и др.¹.

Популярные лекции пользовались огромным успехом у слушателей, для которых они играли не только образовательную, но и большую воспитательную роль. Вот что пишет в своих воспоминаниях почетный академик Иван Алексеевич Каблуков: «Не могу не вспоминать о тех лекциях, которые мы слушали в Политехническом музее зимою 1875—76 годов гимназистами восьмого класса. Здесь мы восхищались увлекательными лекциями Тимирязева о жизни растений; на лекциях Колли знакомились с процессами брожения и другими химическими вопросами, а равно и убеждались в могуществе опытного метода исследования природы. Кончалась лекция Колли², убирались пробирки и колбы, служившие для опытов, и на эстраде появлялась величествен-

¹ См. приложение о выступлениях виднейших деятелей науки и техники в Политехническом музее 1873—1917 гг.

² Проф. А. А. Колли прочитал цикл общедоступных лекций и по органической химии.

ная фигура Цингера¹, критически разбиравшего учение Огюста Конта... Просветительная деятельность музея на нас оказывала благотворное влияние»².

Все выступления лекторов иллюстрировались диапозитивами и различными опытами.

Политехнический музей явился пионером в деле распространения научно-технических знаний посредством кинематографа и долгое время был единственным местом, где происходили общедоступные сеансы с научно-образовательной целью.

Деятельность Политехнического музея до Великой Октябрьской социалистической революции протекала в упорной борьбе против реакционно настроенных правящих кругов и консервативной части интеллигенции.

Политехнический музей объединял в своих стенах передовых, прогрессивных деятелей науки и техники. В 1894 г. было внесено предложение — создать в России «ассоциацию русских ученых» с центром деятельности в Политехническом музее. Но, несмотря на все старания, организация такой ассоциации встретила противодействие со стороны представителей реакционных кругов и не была разрешена царским правительством. В период столыпинской реакции, после разгрома Московского университета в 1911 г., когда больше ста лучших представителей науки покинули его стены, Политехнический музей стал их прибежищем для научной и просветительной деятельности. Работая постоянно с народными массами в стенах музея, они не могли остаться в стороне от влияния революционного настроения и творческой энергии этих масс.

Рабочие московских предприятий, посещавшие Политехнический музей, по своему революционному сознанию значительно выросли в сравнении с 70-ми гг., когда музей только начинал свою деятельность. Прогрессивные деятели науки и техники, объединяясь в стенах музея, несли в эту рабочую среду свои знания. Оборудование аудиторий, а также коллекции приборов и препаратов были на высоком уровне, а поэтому у многих научных работников возникла мысль перенести свои исследования и опыты в Политехнический музей.

Уже в этот первый период деятельности музея в его летописи отмечается, что «Химическая и электротехническая лаборатория, кабинеты для микроскопических и фотографических исследований, комната с образцовым школьным оборудованием и другие кабинеты для экспериментальных занятий служили местом для специальных работ частных исследователей; в этих отделениях музея работали профессора, врачи, студенты, изобретатели».

¹ Проф. В. Я. Цингер в 1875—1876 гг. прочитал 8 научно-популярных лекций на тему «Отношение математического познания к наукам опытным и философским».

² Сб. «50-летие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863—1913 гг.)». М., 1915, стр. 26—27.

В отчетах дирекции музея мы находили сведения о том, что в музейных лабораториях профессор В. В. Марковников проводил исследования нафтеннов, теина и за эти работы ему была присуждена международная премия; профессор Архипов работал над определением состава ультрамарина; профессор В. С. Щегляев проводил длительные опыты с электромагнитами.

Работа ученых в лабораториях музея стала традицией, развивавшейся год от года. С течением времени появилась возможность создать в музее комиссии по различным отраслям научных знаний. В состав этих комиссий вошли крупнейшие русские ученые. Под их руководством обсуждались ход и результаты самостоятельных работ, зачастую подвергались разбору диссертации молодых ученых. Члены комиссий разрабатывали способы внедрения новых достижений науки и техники в производство. Для многих будущих ученых участие в работе комиссий явилось первыми шагами к самостоятельной деятельности в области науки. «Я живо вспоминаю, — говорит знаменитый русский ученый Николай Егорович Жуковский, — как первый раз пришел на заседание. Докладчиками были Умов и я. Руководитель — профессор А. Г. Столетов, принимал деятельное участие в беседе и подсмеивался со свойственным ему живым юмором над необыкновенно длинным маятником, о котором говорил я»¹. Другие видные русские ученые также свидетельствуют о том, что в научных комиссиях музея они в творческом общении с учеными старшего поколения получали ценные указания и советы, неизменно встречали дружескую поддержку. Вот выдержки из воспоминаний И. А. Каблукова: «Мы — т. е. я и мои сверстники по университету — не только переживали минуты духовного наслаждения, слушая вдохновенные речи наших славных учителей, но и сами выступали со своими первыми научными сообщениями, сначала робко и неуверенно...»².

С 1880 г. отделом прикладной физики Политехнического музея руководит прославленный русский физик профессор А. Г. Столетов. К работе в комиссии музея он привлек виднейшие научные силы. На коллективные обсуждения стали выноситься важнейшие работы ученых, имеющие огромное значение. Стоит, думается, привести краткий перечень важнейших сообщений, сделанных на заседаниях физической комиссии музея русскими учеными. Основоположник современной авиации, Н. Е. Жуковский, выступал, например, с докладами на такие темы, как «Определение силовой функции по данному семейству траекторий», «О парении птиц». Великий естествоиспытатель К. А. Тимирязев выступал с докладами: «О количестве полезной работы, производимой зеленым листом», «О соотношении между поглощением света и его химическим действием». Эпоху в развитии науки создали и работы И. М. Сеченова, а также работы А. Г. Столетова, В. В. Марковникова и многих других, сообщенные ими на заседаниях комиссии. Перечень этих заме-

¹ Научный архив Политехнического музея, оп. 4, стр. 84.

² Сб. «50-летие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863—1913 гг.)». М., 1915, стр. 33—34.

чательных трудов можно было бы, разумеется, продолжить, но скажем лишь, что, помимо названных замечательных деятелей русской науки, в работах комиссий музея принимали участие столь прославившиеся потом ученые, как Лебедев и Чаплыгин, Белопольский и Штернберг и многие, многие другие.

После А. Г. Столетова председателем физической комиссии музея был Николай Егорович Жуковский. По его инициативе еще в 1893 г. была выделена специальная группа по изучению проблем воздухоплавания. Работа этой группы представляет большой интерес. Здесь же мы лишь кратко упомянем, что в нее вошли ученые, трудами своими обеспечившие нынешнее развитие воздушных сообщений. В тесном содружестве с Жуковским работали Чаплыгин и Циолковский, им помогал один из первых русских летчиков — Россинский. По инициативе комиссии, под Москвой, в селе Кучино, был организован первый аэродинамический институт, руководство которым принял на себя Н. Е. Жуковский.

Немалую роль сыграли работы зоологического отдела музея. Группой ученых было выяснено, что многолетнее растение скорцонер, или сладкий черный корень, растущий в диком состоянии на юге Европы, легко переносит климат средней и даже северной полосы России. Листья скорцонера охотно поедаются шелкопрядами, вследствие чего население более северных районов, употребляя этот корм для шелкопрядов, может также заниматься шелководством. Было установлено, что при полной выкормке шелкопряда листьями скорцонера достигаются результаты, несколько не уступающие тем, которые наблюдаются при выкормке листьями тутового дерева. Мало того, пользуясь листьями скорцонера, можно обеспечить более раннюю выкормку шелкопряда и уберечь его от грозной болезни — пегрина. Попутно работами ученых был выяснен и ряд других практических вопросов, имеющих большое значение для шелководства¹. Эта ценная научно-исследовательская работа музея помогла значительно продвинуть развитие шелководства.

Стоит отметить, что и в нынешнее время, спустя много лет, научные работы музея в области шелководства служат ценным подспорьем для всех работающих в этой области.

Трудно в статье рассказать подробно о всех работах в области естествознания, проведенных Политехническим музеем. Назовем лишь некоторые, имевшие в то время неоспоримое практическое значение. К ним, например, относятся исследования о взаимодействии бактерий человека и рогатого скота, о методах борьбы с саранчой, о биологических способах распознавания фальсификации некоторых продуктов, о паразитах рыб, о борьбе с филлоксерой в Крыму и т. д.

Зоологический отдел музея вместе с научными обществами создал опытные научные базы для осуществления экспериментальных исследовательских работ. Стоит напомнить, что речь идет о времени, когда на периферии почти не существовало никаких научно-исследовательских

учреждений, когда каждый выезд ученого куда-либо представлял большие трудности.

В селе Измайлово, под Москвой, была создана образцово-исследовательская пасека. Здесь сотрудники пасеки не только вели исследования над жизнью пчел, но и делали все возможное для того, чтобы научить крестьян передовым методам пчеловодства. Так, например, на большой барже была устроена выставка по пчеловодству. На палубе были помещены ульи с пчелами, устроены цветочные газоны из медоносных трав, и эта передвижная выставка совершала рейсы по Москве-реке и Оке; выставку с огромным интересом посещали крестьяне-пчеловоды, получавшие здесь консультации.

Второй базой для исследовательских работ музея была гидробиологическая станция на берегу озера в Косино, под Москвой. Здесь сотрудниками музея собирались коллекции по энтомологии, изучалась гидрология и биология водоемов, велись исследования и обработка планктона.

В 90-х гг. XIX в. была организована также постоянная база на Кавказе — Тифлисская научно-исследовательская станция. Причиной организации этой станции послужило весьма серьезное обстоятельство: выяснилось, что шелководству на Кавказе грозила гибель вследствие эпидемии, распространившейся на шелкопряд.

Грена от больных шелкопрядов также оказывалась зараженной, и поэтому могло исчезнуть, вымереть и новое поколение шелкопрядных червей. Коллектив сотрудников Тифлисской станции, руководство которой принял на себя крупный специалист, профессор Архипов, нашел действенные меры борьбы с эпидемией. Сотрудники музея распространили здоровую грену новой породы, которая не была восприимчива к болезни, и ввели в качестве дополнительного корма листья скорцонера¹.

Трудно переоценить научные работы сельскохозяйственного отдела музея. Научные работники под руководством профессора Наумова собирали во всех местностях России сведения о почвах, образцы почвы и растений. После систематизации собранного материала на его основе были созданы ценные почвенные карты. В 1907 г. руководство работами сельскохозяйственного отдела музея принял на себя один из крупнейших ученых, когда-либо работавших в области агробиологии, Василий Робертович Вильямс. По его предложению в Политехническом музее была создана физиологическая теплица-лаборатория. В этой теплице производились вегетационные опыты над семенами и растениями, помещенными по воле экспериментатора в разные почвенные, световые и температурные условия. В теплице были проведены опыты по улучшению сортовых качеств кукурузы, гороха, овса, проса и гречихи, испытаны антисептические средства, употребляемые для предупреждения болезней картофеля, и т. д.². Несмотря на немногочисленный штат сотрудников, сельскохозяйственный отдел музея проводил большую научно-исследо-

¹ Научный архив Политехнического музея, кн. 1, оп. 6, стр. 112—113.

¹ Научный архив Политехнического музея, оп. 6, стр. 116—117.

² Там же, стр. 119—121.

вательскую работу. Это объясняется главным образом тем, что Василий Робертович Вильямс привлек к работам в лаборатории значительное число студентов Московского сельскохозяйственного института. Под руководством знаменитого ученого студенты производили опыты по изменению свойств растений, вели кропотливые и точные исследования. Многие студенты, участвовавшие в деятельности лаборатории музея, полюбили научно-исследовательскую работу и стали впоследствии видными деятелями сельскохозяйственной науки.

Летопись истории науки и техники изобилует упоминаниями о создании в России ценнейших изобретений, о сделанных русскими учеными важнейших открытиях. Известно, однако, что до Великой Октябрьской социалистической революции судьба русских первооткрывателей и изобретателей была печальной. Достаточно напомнить, что на просьбу великого ученого А. С. Попова предоставить ему субсидию на опыты по беспроволочной телеграфии, царский военный министр ответил: «На такую химеру денег отпускать не разрешаю». Не дало царское правительство средств и талантливому русскому инженеру Можайскому, построившему самолет — моноплан, даровитому конструктору Дегтяреву, создавшему первые образцы автоматического оружия, и многим другим талантливым изобретателям.

Русские ученые, сплотившиеся вокруг Политехнического музея, считали неслучайным своим долгом оказывать изобретателям всемерную помощь и поддержку. В музее сохранились протоколы 200 заседаний комиссий, рассматривавших различные русские изобретения и усовершенствования. В списке имен специалистов, оказывавших помощь изобретателям, консультировавших их работы, дававших отзывы о ценности и практической полезности того или иного изобретения, мы встречаем имена прославленных деятелей науки и техники — Тимирязева и Жуковского, Столетова и Умова, Чаплыгина и Лебедева, а также многих других¹.

Научный коллектив Политехнического музея старался также поощрять творческие искания русских изобретателей, в большинстве своем не имевших возможности претворить в жизнь задуманные ими изобретения. Музей не мог, разумеется, предоставить изобретателям денежные средства для осуществления и распространения их изобретений, но его сотрудники облегчали воплощение родившейся у изобретателя идеи, отстаивали приоритет русских изобретений. Русские изобретатели привыкли обращаться за помощью в Политехнический музей.

Расскажем лишь о некоторых изобретениях, которые были осуществлены с помощью музея. В стенах Политехнического музея родилось и было претворено в жизнь гениальное изобретение, имевшее мировое значение и знаменовавшее собой новую эру в истории освещения. Русский изобретатель, П. Н. Яблочков, работая в помещениях музея, изобрел

электрическую свечу, получившую повсеместно наименование «свечи Яблочкова». Это открытие позволило впервые применить электричество для освещения улиц и площадей, театров и магазинов. В 1877 г. Политехнический музей совместно с обществом любителей естествознания присудил П. Н. Яблочкову золотую медаль¹.

17 марта 1880 г. в Политехническом музее при переполненной аудитории П. Н. Яблочков сделал доклад об электрическом освещении по предложенному им способу. Во время доклада в аудитории и на главной лестнице музея горели «свечи Яблочкова»². Таким образом, впервые в истории в Политехническом музее действовало электрическое освещение.

В стенах Политехнического музея талантливый русский изобретатель Н. А. Ладыгин, создавший электрическую лампу, демонстрировал ее перед собранием русских ученых, признавших ценность этого изобретения³. Здесь же демонстрировал свою оригинальную электрическую лампу изобретатель В. Н. Чикалев.

Стоит несколько подробнее остановиться на личности В. Н. Чикалева. Это был один из тех русских самородков, которые доходили до всего, что называется, своим умом. Не имея достаточной общеобразовательной подготовки, он являлся автором ценных изобретений и усовершенствований. Велики списки работ В. Н. Чикалева. Он создал, например, сверлильную машину с приспособлениями для быстрого изменения скорости вращения сверла, предложил способы утилизации солнечной теплоты, усовершенствовал механические электровозбудители, создал электромагнитную швейную машину⁴. Не менее талантливым был и другой изобретатель — П. А. Зарубин. Из его многочисленных изобретений отметим многосильный гидропульт, водоподъемник, прибор для определения морской глубины, прибор для определения скорости хода корабля, прибор для определения плотности воздуха на разных высотах. После смерти Зарубина в 1886 г. была учреждена золотая медаль, посвященная памяти изобретателя⁵. В лабораториях Политехнического музея осуществлял свои изобретения Н. А. Ягн. В 1871 г. он создал аппарат для ускоренной фильтрации, известный под названием «пульсирующего насоса». Этот аппарат получил распространение во многих русских и зарубежных лабораториях. Гигрометр и насос Ягна были в употреблении у знаменитых наших ученых Менделеева и Кирпичева, давших высокую оценку этим изобретениям. В своих дальнейших изобретениях Ягн стремился облегчить и обезопасить труд рабочих. Им, например, был создан

¹ Научный архив Политехнического музея, кн. 1, стр. 63.

² Отчет Политехнического музея за 1897 г. М., 1898.

³ Протоколы 200 заседаний (с 26.X.1872 г. по 26.X.1902 г.) постоянной комиссии при отделе прикладной физики Московского музея прикладных знаний (Политехнического), М., 1902, стр. 90.

⁴ Протоколы 200 заседаний постоянной комиссии при отделе прикладной физики Московского музея прикладных знаний (Политехнического), М., 1902, стр. 36.

⁵ Там же, протокол № 25, стр. 14.

¹ Протоколы 200 заседаний (с 26.X.1872 г. по 26.X.1902 г.). Под ред. А. Х. Репмана и В. А. Богданова, М., 1902.

«друг кочегара» — автоматический питающий насос для паровых котлов, который позволяет удерживать воду в паровике на неизменном уровне¹.

Комиссия прикладной физики при Политехническом музее содействовала П. Н. Яблочкову в его опытах по электрическому освещению, которые привели этого даровитого русского труженика к мировому изобретению, к практическому применению электрической «свечи Яблочкова».

В документах музея, в которых кратко описывается сущность рассматриваемого изобретения, столь же кратко упоминается о том, что изобретателю оказали содействие те или иные профессора. За этим кратким упоминанием скрывается громадная работа, которую проводили выдающиеся русские ученые в стенах музея. Без преувеличения скажем, что лишь благодаря неусыпной и бескорыстной заботе лучших людей русской науки были воплощены, реализованы многие выдающиеся изобретения наших соотечественников.

Таким образом, до Великой Октябрьской социалистической революции работа Политехнического музея развивалась по трем направлениям: исследования ученых в лабораториях музея, помощь изобретателям, пропаганда научно-технических знаний.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в день 50-летия Политехнического музея рабочие, рабфаковцы и студенты поднесли музею адрес, в котором писали: «В темном царстве бесправия и невежества, в стране, где за всей массой народа отрицалось право на образование, на науку, в эпоху, когда семью печатями запечатывались от трудящихся масс школа и знание, где для детей улицы, шахт и рудников не было ни школы, ни науки, — возник Политехнический музей, отомкнувший эти затворы, распахнувший широким массам двери своих святилищ... Прошло полвека, и на чествование достойного юбиляра явились из недр земли, из шахт рудников, из близкого подмосковного района и из далеких Сибири и Кавказа, с Донбасса и с Уральских гор со своим приветом и товарищеским «спасибо» те самые пролетарские и крестьянские дети, борцы и строители будущего мира, от кого запирались раньше двери науки, но от кого никогда не запирали своих дверей Политехнический музей...»².

Много хороших, ценных замыслов и начинаний не могло осуществиться в стенах Политехнического музея до Великой Октябрьской социалистической революции, но самый факт постоянного стремления Политехнического музея не замыкаться в кругу своей узкоучрежденческой деятельности, сознание необходимости совершенствовать свои формы и методы работы соответственно потребностям времени и состоянию знаний — показательны для деятельности музея.

¹ Протоколы 200 заседаний постоянной комиссии при отделе прикладной физики Московского музея прикладных знаний (Политехнического), М., 1902, стр. 26—27.

² Адрес хранится в научном архиве Политехнического музея.

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ О ВЫСТУПЛЕНИЯХ С ЛЕКЦИЯМИ
ВИДНЕЙШИХ ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ
В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ В ПЕРИОД 1872—1917 гг.

АНУЧИН Д. Н. (1843—1923)
Антрополог, этнограф, археолог и географ, с 1891 г. профессор Московского университета, с 1896 г. — академик, президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Выступал в воскресных чтениях с лекцией на тему «Обезьяны» (7.III—1882 г.).

Прочитал публичную лекцию «О землетрясениях» (29.III—1887 г.).

Прочитал публичную лекцию для торговых людей на тему «О деньгах и торговом обмене у нецивилизованных народов» (30.III—1897 г.).

Состоялась лекция на тему: «Древность человека и древние люди» (8.XI—1908 г.).

БАЕВ К. Л. (рожд. 1881 г.)
Астроном.

В большой аудитории музея состоялась лекция на тему «Созидание и развитие миров» (26.II—1912 г.).

БРЕДИХИН Ф. А. (1831—1904)
Астроном, создатель теории кометных форм и теории происхождения метеорных потоков из комет.

Читал публичную лекцию «О солнечном затмении» (12.III—1887 г.).

В курсе публичных лекций по циклу астрономии прочел несколько лекций (1873 г.).

Состоялась публичная лекция на тему «Сравнительное рассмотрение планет Марса и Юпитера» (9.IV—1888 г.).

БЕКЕТОВ А. Н. (1825—1902)
Ботаник.

Сделал сообщение «О первичных приспособлениях растений» (10.VI—1894 г.).

БЕЛЕЛЮБСКИЙ Н. А. (1845—1922)
Инженер - проектировщик, крупнейший ученый в области строительной механики и мостостроения.

Сделал доклад «О консервировании каменных материалов» (1.II—1895 г.).

БЕЛОПОЛЬСКИЙ А. А. (1854—1934)
Астроном и астрофизик, академик.

Сделал сообщение на тему: «Полярные сияния» (14.XII—1883 г.).

БЕРГ Л. С. (1876—1950)
Географ и натуралист.

Сделал сообщение «Рыбные промыслы в нижнем течении Урала» (22.IX—1897 г.).

Прочитал доклады: «Опыты искусственного вы-

- вода севрюги на Урале», «Несколько новых рыб из Центральной Азии» (3.XI—1897 г.).
- Сделал предварительный отчет об экспедиции в Акмолинскую область (5.X—1898 г.).
- Сделал доклад «О соленых озерах Омского уезда» (11.X—1898 г.).
- Сделал интересное сообщение об Аральском море. (По собственным исследованиям 1900 г.) (7.II—1901 г.).
- Выступал с сообщением «О наблюдениях двух последних солнечных затмений» (1893 и 1896 гг.) (15.X—1897 г.).
- БЛАЖКО С. Н. (рожд. 1870 г.)
Астроном, профессор Московского университета, член-корреспондент Академии наук СССР.
- БОГДАНОВ А. П. (1834—1896)
Антрополог и зоолог, основатель антропологии в России, крупный ученый и общественный деятель, с именем которого связаны развитие первых антропологических учреждений и широкая популяризация научных знаний.
- БУТЛЕРОВ А. М. (1828—1886)
Химик, создатель теории строения, лежащей в основе современной органической химии.
- ВАГНЕР В. А. (1849—1934)
Биолог, дарвинист, основатель русской эволюционной психологии.
- Сделал сообщение «О старых московских черепахах» (26.I—1878 г.).
- В Воскресных чтениях выступал с лекциями-демонстрациями на темы:
«Паразитические животные» (2.X—1877 г.).
«Полезные и вредные насекомые» (9.X—1877 г.).
«Естественная история пчелы» (19.X—1878 г.).
«Клещи и производимые ими болезни» (4.I—1881 г.).
- Сделал доклад «Об общедоступном руководстве по пчеловодству» (7.I—1885 г.).
- Выступал в Воскресных чтениях с рядом лекций-демонстраций на темы:
«Насекомоядные животные» (3.XII—1880 г.).
«Животные, полезные в сельском хозяйстве» (21.XII—1880 г.).
«Об акклиматизации животных, птиц и растений» (1885—1886 гг.).
«Животные, интересные по способам самозащиты» (1886—1887 гг.).
«Инструменты и приборы для собирания насекомых» (1876—1887 гг.).
«Мел и каменный уголь» (1887—1888 гг.).

ВИЛЬЯМС В. Р. (1863—1939)
Один из основателей современной агробиологии, академик.

ВИЛЬЯМС Влад. Р. (рожд. 1872 г.)
Профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

ВОЕЙКОВ А. И. (1842—1916)
Климатолог и географ, основоположник русской климатологии.

- «Плавающие птицы» (1887—1888 гг.).
- «Промысловые птицы» (1888—1889 гг.).
- «О зимовке некоторых животных» (1889—1890 гг.).

- Прочитана лекция на тему «Современное состояние учения об обработке почвы» (19.XI—1906 г.).
- Проведены 5 лекций по почвоведению (2—16 октября 1903 г.).
- 3 лекции по обработке почвы (11—12 ноября 1903 г.).
- 2 лекции по травосеянию (17 и 21 февраля 1904 г.).
- Выступал в Воскресных чтениях с рядом лекций-демонстраций на темы:
«О добычании соли» (14.XII—1897 г.).
«Нефть» (15.II—1898 г., 19.XII—1904 г.).
«Каменный уголь» (22.III—1898 г.).
«Горение» (18.X—1898 г.).
«Технология шелка» (14.III—1899 г.).
«Сера» (20.IV—1903 г.).
«Волокнистые материалы» (7.XII—1903 г.).
«Писчебумажное производство» (10.IV—1905 г.).
«Шелк и шелкопрядение» (21.XII—1906 г.).
«Добычание каменного угля» (15.IV—1907 г.).
«Растения, из которых добываются нитки для тканей» (30.XII—1907 г.).
«Сахароварение» (3.IV—1911 г.).

- Сделал ряд сообщений по темам:
«Суточный период температуры».
«О влиянии эксцентриситеты земной орбиты на изменение температуры земного шара» (1881 г.).
«О климате Средней Азии» (1885 г.).
«Физико-географич. исследование Черного моря» (1890 г.).

- «О воздействии человека на изменение природы стран»
(1892 г.).
- «Влияние лесов, степей и полей на рельеф страны»
(1892 г.).
- ВОЙНАРОВСКИЙ П. Д.**
(1866—1913)
Электрик, один из первых специалистов в области электросвязи.
- ВОТЧАЛ Е. Ф.** (1864—1937)
Ботаник-физиолог.
- ГАВРИЛЕНКО А. П.** (1861—1914)
Инженер-механик и деятель высшего технического образования.
- ГОЛИЦЫН Б. Б.** (1862—1916)
Физик, академик, создатель сейсмологии.
- ГОЛУБИЦКИЙ П. М.**
(1845—1911)
Изобретатель в области телефонии, активно боровшийся за распространение телефонной связи в России.
- ГОРЯЧКИН В. П.** (1868—1935)
Основоположник теории с/х машин, заслуженный деятель науки и техники, почетный член Академии наук СССР с 1932 г.
- ГУЛЕВИЧ В. С.** (1867—1933)
Биохимик, академик.
- ЖУКОВСКИЙ Н. Е.**
(1847—1921)
Основоположник современной гидро- и аэромеханики.
- Выступил с докладом «Электрические железные дороги большой скорости»
(1902 г.).
- Выступил с сообщением «Новые исследования по вопросу движения воды в растениях»
(17.XII—1897 г.).
- Выступил с сообщением «О нефтяной топке для голландских печей» (с демонстрацией прибора)
(7.III—1887 г.).
- Выступил с сообщениями:
«О критической температуре и плотности насыщенных паров»
(27.IX—1891 г.).
«Об абсолютных размерах молекул»
(11.II—1892 г.).
- Сделал сообщения:
«О способах передачи звука на расстояние»
«Современные типы телефонов и микрофонов»
(30.III—1884 г.).
- Прочитал ряд лекций на темы:
«Машины для подготовки почвы»
(28.X—1903 г.).
«Орудия обработки почвы»
(26.XI—1903 г.).
«Машины для посева»
(11.XII—1903 г.).
- Сделал сообщение «О добывании осмиевого ангидрида из остатков осмия»
(17.III—1893 г.).
- Сделал сообщения:
«О конгрессе аэронавтов в Париже»
(15.X—1889 г.).
«Новые исследования о летании»
(19.XII—1890 г.).
«О мире парусности» с демонстрациями
(5.X—1891 г.).
- «Новые наблюдения над сопротивлением воздуха»
(15.X—1892 г.).
- «О выставке математических и физико-математических моделей и аппаратов в Мюнхене»
(16.XII—1893 г.).
- «Применение фотографии к гидродинамике»
(4.II—1894 г.).
- «Гибель воздухоплавателя Отто Лилиенталя» с демонстрацией его летательного снаряда
(15.X—1896 г.).
- «О новой летательной машине Ланглея»
(15.X—1897 г.).
- «О международном съезде воздухоплавателей в Париже»
(15.X—1900 г.).
- Прочитал публичные лекции-демонстрации на темы:
«О летании»
(18.XII—1891 г.).
«О летающих машинах»
(1.IV—1894 г.).
«Летательные машины в настоящем и будущем»
(20.I—1910 г.).
«Успехи воздухоплавания в 1903 г.»
(27.III—1909 г.).
«Оптика и фотография». Две публичных общедоступные лекции
(январь 1898 г.).
27.IX—1891 г. Н. Е. Жуковский демонстрирует воздушный волчок.
24.II—1890 г. — демонстрирует жироскопы.
Читает курс лекций по оптике и физике
(1898 г.).
- ЗЕЛИНСКИЙ Н. Д.** (1861—1955)
Химик, академик.
- ЗЕРНОВ Д. Н.** (1843—1917)
Крупный русский анатом.
- КАБЛУКОВ И. А.** (1857—1942)
Выдающийся советский фи-
- Выступил с сообщением «Фосфоресценция, лучи Беккереля и радиоактивные вещества». С опытами и демонстрациями
(16.XII—1900 г.).
- Выступил с докладом «Заслуги Лавуазье в области химии»
(26.IV—1894 г.).
- Выступил с сообщениями:
«К вопросу об атаксизме микроцефалов»
(8.IV—1879 г.).
«О мозге микроцефала»
(19.III—1889 г.).
- Прочитал публичную лекцию «Анатомия и физиология органа слуха»
(15.II—1908 г.).
- Провел курс лекций по химии (1897 г.).

зико-химик, почетный член
Академии наук СССР.

Прочитал лекцию-демонстрацию «Новые завоевания в науке в борьбе с грозящим голодом» (28.XI—1906 г.).

Выступил в Воскресных чтениях на темы:
«Вода речная и морская, ее состав и свойства» (1886/87 г.).

«Беление»
(1887/88 г.).

«Что такое поваренная соль и что из нее добывается»
(1891/92 г.).

«Брожение»
(22.II—1898 г.).

«Асфальт»
(17.I—1899 г.).

«Сухая перегонка дерева и каменного угля»
(20.IV—1903 г.).

«Фосфор и приготовление из него спичек»
(14.XII—1903 г.).

«Жидкий воздух»
(18.IV—1904 г.).

«Самосадочная соль»
(28.XI—1904 г.).

Состоялось публичное чтение на тему «Национальный характер американцев»
(11.III—1883 г.).

Прочитал рефераты:
«О поземельных и сословных отношениях у кавказских горцев»
(15.X—1883 г.).

«Обычное право горских татар и отношение его к осетинскому»
(31.X—1885 г.).

«Значение VI археологического съезда для этнографии»
(3.X—1884 г.).

Выступил с сообщениями:
«Некоторые архангелские черты брачного права Осетии»
(25.I—1885 г.).

«О кавказской народности — татах»
(16.I—1888 г.).

КОЗЛОВ П. К. (1863—1935)
Исследователь Центральной Азии.

Состоялись публичные лекции на темы:
«О трехлетнем путешествии по Центральной Азии и Тибету»
(10.III—1902 г.).

«Монголо-Сычуанская экспедиция» (1907—1909 г.) На данной лекции было сообщено об открытом мертвом городе Хара-Хото
(16.III—1910 г.).

КОЛЛИ А. А. (1840—1916)
Химик-органик, профессор
МВТУ.

КОЛЛОНТАЙ А. М. (1872—1952)
Общественный деятель

КОРШ Ф. Е. (1843—1915)
Филолог, славист и востоковед. Профессор Московского университета, академик.

КОНОВАЛОВ М. И. (1858—1906)
Химик-органик.

КОРСАКОВ С. С. (1854—1900)
Психиатр, один из основоположников отечественной психиатрии, основатель московской школы психиатров.

КРУГ К. А. (1873—1952)
Электротехник, член-корреспондент Академии наук СССР, принимал участие в составлении плана ГОЭЛРО.

ЛЕБЕДЕВ П. Н. (1866—1912)
Физик.

МАКАРОВ С. О. (1848—1904)
Вице-адмирал, ученый-океанограф, полярный исследователь, изобретатель.

МАРКОВНИКОВ В. В. (1838—1904)
Химик.

Сделал сообщение с демонстрацией диапозитивов «Тибетский далай-лама»
(6.XI—1906 г.).

Прочитал цикл научно-популярных лекций:
«Процессы брожения»
(1874/75 г.).

«Избранные главы из органической химии»
(1874 г.).

Прочитала публичную лекцию на тему «Семейный вопрос в свете научного социализма»
(19.III—1908 г.).

Прочитал научно-популярные лекции «Этнографические экспедиции и их значение» (1904 г.).

Сделал сообщение «О восстановлении нитросоединений».

Сделал сообщение с демонстрацией ацтекских бюстов, препаратов и рисунков на тему «Случай микроцефалии из Моск. психиатрической клиники»
(2.III—1896 г.).

Выступил с докладом «Поющая вольтова дуга»
(31.XII—1901 г.).

Сделал сообщения с демонстрациями:
«Об отталкивательном действии световых лучей»
(27.IX—1891 г.).

«О движении звезд, по спектроскопическим исследованиям»
(11.II—1892 г.).

«Об искусственном приготовлении алмазов»
(15.X—1894 г.).

Сделал сообщение «О плавании ледокола «Ермак» в Северном Ледовитом океане»
(1.II—1903 г.).

Сделал сообщения:
«О кавказской нефти»
(15.II—1881 г.).

«О нефтяных кислотах»
(29.IX—1893 г.).

Прочитал цикл общедоступных лекций:
«Избранные главы из неорганической химии»
(осень 1874 г.).

МЕНДЕЛЕЕВ Д. И.
(1834—1907)
Великий ученый химик, открывший периодический закон химических элементов.

МЕЧНИКОВ И. И.
(1845—1916)
Выдающийся ученый биолог.

МЕНЗБИР М. А. (1855—1935)
Зоолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1896 г., действительный член Академии наук СССР с 1929 г.

МИКЛУХО-МАКЛАЙ Н. Н.
(1846—1888)
Путешественник, ученый и общественный деятель.

МИЛЛЕР В. Ф. (1848—1913)
Академик, фольклорист, языковед, этнограф.

Прочитал цикл общедоступных лекций по элементарному курсу неорганической химии
(26.XI—1873 г. — 15.IV—1874 г.).

Председательствовал на вечере, посвященном 200-летию со времени выхода в свет «Philosophiae naturalis principia mathematica» Ньютона.

С сообщениями выступили:
А. Г. Столетов — «Очерк жизни Ньютона»,

Н. Г. Жуковский — «Ньютон как основоположник теоретической механики»,

А. Г. Столетов — «Ньютон как физик»,

Вл. Цингер — «Ньютон как математик»
(20.XII—1887 г.).

Выступил с лекцией «О флоре кишечного канала»
(26.V—1909 г.).

«Как сообщают «Московские ведомости»: «Огромная аудитория Политехнического музея не могла вместить всех желающих. Эстрада, проходы, все, что можно — было занято. Собрались представители науки в различных ее отраслях, врачи и представители многих научных и общественных организаций. Появление Мечникова было встречено шумной овацией тысячной толпы».

Прочитал лекцию на тему «История Средиземного моря, рассказанная его волнами, берегами и обитателями»
(15.XII—1884 г.).

Прочитал публичную лекцию на тему «Очерк смены воззрений на природу»
(20.II—1887 г.).

Провел цикл лекций по зоологии на педагогических курсах (1889 г.).

Выступил с сообщением «Папуасы берега Маклая и Новой Гвинеи в антропологическом и этнографическом отношении». Демонстрировал рисунки
(15.X—1882 г.).

Выступил с публичной лекцией на тему «В стране папуасов» (путешествие на Новую Гвинею)
(осень 1882 г.).

Выступил с сообщениями:
«Кавказские сказания о циклопах»
(9.X—1886 г.).

«Памяти Н. С. Тихонравова»
(27.I—1894 г.).

«К вопросу о русских былинах»
(15.XI—1894 г.).

МИХАЙЛОВ А. А. (рожд.
1888 г.)
Астроном, гравиметрист, член-корреспондент Академии наук СССР.

МОРОЗОВ Н. А. (1854—1946)
Активный деятель революционного движения в России, ученый, почетный член Академии наук СССР.

МУШКЕТОВ И. В. (1850—
1902)
Геолог и географ.

НАВАШИН С. Г. (1857—1930)
Биолог, академик.

НАСОНОВ Н. В. (1855—1939)
Зоолог, академик.

Прочитал лекцию на тему «Затмение солнца и предстоящее солнечное затмение 8 августа 1914 г.»
(9.III—1914 г.).

Прочитал ряд публичных лекций на темы:
«Откровение в грозе и буре»
13.XII—1907 г.).

«Об Апокалипсисе»
(23.I—1908 г.).

«В поисках философского камня» (О тернистом пути химии — от алхимиков древней Греции и средневековья через Лавуазье и Берцелиуса до конца дней).
(5.II—3.III—1910 г.).

«О комете Галлея».
(19/III—1910 г.).

«В высоту»
(14.II—1911 г.).

Лекция представляла собой популярный очерк современного воздухоплавания и авиации, сопровождалась туманными картинками

«Крылатая эра»
(7.III—1916 г.).

Корреспондент газеты «Русское слово» сообщает, что Н. А. Морозов с большим подъемом прочитал лекцию. Касался истории и уверенно глядел в будущее. Не считал неосуществимой фантазией будущие полеты на луну и др. планеты. В лекции привел приветствие, посланное Французской академией братьям Мангольфье, — «Так идут к звездам».

Сделал сообщение «Новейшие исследования Закаспийской области»
(26.XI—1891 г.).

Сделал сообщение «Метод препарирования шляпных грибов черпеля»
13.X—1889 г.

Сделал ряд сообщений по вопросам:
«О разведении золотых рыб»
(15.XI—1878 г.).

«К анатомии губок»
(18.III—1880 г.).

«К вопросу о затрате пчелами пищевого материала»
(30.III—1880 г.).

«О поездке в Крым на виноградники, зараженные филлоксерой»
(6.X—1881 г.).

Выступил с рефератами:
«О зоологических результатах поездки в Закавказский край истекшим летом»
(1.XII—1885 г.).

- ВЫСТУПИЛ в Воскресных чтениях с лекциями-демонстрациями на темы:
«Полезные и вредные рыбы»
(25.III—1879 г.).
«Пчеловодство»
(4.XI—1879 г.).
«Константинополь и греческие острова»
(10.XII—1881 г.).
«Новое в пчеловодстве»
(7.XI—1882 г.).
- ВЫСТУПИЛ с сообщением «О мертвой петле»
(17.V—1914 г.).
- ВЫСТУПИЛ с сообщением «Обычай приношения человеческих жертв у восточных народов по древним сказаниям и по вновь открываемым вавилонским цилиндрам»
(13.XI—1889 г.).
- ВЫСТУПИЛ с докладом «Об изменениях в географии России в юрское и меловое время»
(январь 1903 г.).
- СДЕЛАЛ сообщения:
«О строении камбия сосны»
(16.III—1882 г.).
«О брожении высших растений»
(18.X—1886 г.).
- ПРОЧЕЛ доклад «Основы современных успехов телеграфии без проводов»
(4.I—1902 г.).
- ВЫСТУПИЛ на вечере с лекцией «О Руссо»
(22.XI—1912 г.).
- ПРОЧИТАЛ ряд лекций:
«Об удобрении»
(19.XI—1892 г.; 10 и 17.XII—1903 г.).
«Корнеплоды»
(18.I—1904 г.).
«Пряильные растения»
(27.I—1904 г.).
- ВЫСТУПИЛ с докладами:
«Магнетизм железа и магнитный гистерезис в освещении законов механики»
(21.XII—1901 г.).
«О новом способе индивидуальной электрической сигнализации»
(4.I—1902 г.).
- ПРОЧИТАЛ лекцию на тему «Экспедиция на Северный полюс»
(21.IV—1912 г.).
- СЕРАФИМОВИЧ А. С.
(1863—1949)
Писатель.
- СЕЧЕНОВ И. М. (1829—1905)
Естествоиспытатель, основоположник русской физиологической школы, почетный академик.
- СКЛИФОВСКИЙ Н. В.
(1836—1904)
Хирург, профессор Московского университета.
- СОЛОВЬЕВ С. М. (1820—1879)
Историк, профессор Московского университета.
- СТОЛЕТОВ А. Г. (1839—1896)
Физик, профессор Московского университета, создатель школы русских физиков.
- ВЫСТУПИЛ с лекцией «О русском писателе»
(2.I—1917 г.).
- ВЫСТУПИЛ с докладом на тему «Заслуги Лавуазье в области биологии»
(26.IV—1894 г.).
- ВЫСТУПИЛ с сообщениями:
«Гельмгольц как физиолог»
(16.XI—1894 г.).
«О деятельности Гальвани и Дюбуа-Реймона в области животного электричества»
(8.XII—1898 г.).
- СДЕЛАЛ сообщение «О неподвижности нижней челюсти», с демонстрацией больных
(1.IV—1881 г.).
- ВЫСТУПИЛ с демонстрацией больной и препарата
(20.I—1882 г.).
- СДЕЛАЛ сообщение на тему:
«Новая остеопластическая операция на стопе»
(7.IV—1882 г.).
«Отчет о последних 35 овариотомиях»
(19.I—1883 г.).
«Диагностические трудности при лапаротомии»
(20.III—1883 г.).
- ПРОВЕЛ общедоступные чтения о русской истории (1875 г.).
- СДЕЛАЛ сообщения:
«Об электричестве соприкосновения»
(21.I—1881 г.).
«Об электрической выставке в Париже»
(24.XI—1881 г.).
«Международный электротехнический конгресс 1881 года»
(2.II—1882 г.).
«Физические лаборатории у нас и за границей»
(14.XII—1883 г.).
«О кипении жидкости»
(30.XI—1884 г.).
«Несколько слов об активно-электрических явлениях»
(3.II—1889 г.).
- ВЫСТУПИЛ с рефератами на темы:
«Электро-оптические опыты»
(30.XI—1882 г.).
«Действие лучей на электрические разряды» с опытами
(5.IV—1888 г.).
- ПРОВЕЛ публичное чтение на тему «Электричество как двигатель»
(7.IV—1883 г.).
- НЕСТЕРОВ П. Н. (1887—1914)
Военный летчик.
- НИКОЛЬСКИЙ М. В.
(1848—1917)
Востоковед.
- ПАВЛОВ А. П. (1854—1929)
Геолог, академик.
- ПАЛЛАДИН В. И. (1859—1922)
Физиолог растений.
- ПОПОВ А. С. (1859—1906)
Выдающийся ученый, изобретатель радио.
- ПОТЕМКИН В. П. (1878—1946)
Советский дипломат, историк, академик.
- ПРЯНИШНИКОВ Д. Н.
(1865—1948)
Специалист в области агрохимии, физиологии растений и растениеводства, академик
- РОЗИНГ Б. Л. (1869—1933)
Физик, изобретатель первой электронной системы воспроизведения телевизионного изображения с помощью электронно-лучевой трубки (1907 г.).
- СЕДОВ Г. Я. (1877—1914)
Гидрограф и полярный исследователь.

ТИМИРЯЗЕВ К. А. (1843—1920)
Великий ученый, естествоиспытатель, дарвинист.

- Выступил с докладами:
- «Жизнь и личность Ньютона»
(20.XII—1887 г.).
 - «Гельмгольц и современная физика»
(16.XI—1894 г.).
 - «О количестве полезной работы, проводимой зеленым листом»
(21.I—1881 г.).
 - «О некоторых приемах спектрального анализа пигментов»
(16.III—1882 г.).
 - «Растение и солнечная энергия»
(14.I—1883 г.).
 - «Зависимость фотохимических явлений от длины световой волны»
(7.II—1884 г.).
 - «Физическое и физиологическое действие света»
(25.III—1884 г.).
 - «Джордж Бентам. Современная теория геотропизма»
(29.XI—1884 г.).
 - «Что считать за настоящий спектр хлорофилла? Современные теории движения воды в растениях»
(23.II—1885 г.).
 - «О влиянии напряжения солнечного света на усвоение углерода растением»
(6.XI—1885 г.).
 - «Полвека опытных станций»
(30.XI—1885 г.).
 - «Результаты новейших исследований над хлорофиллом»
(18.X—1886 г.).
 - «Микроспектральный метод Энгельмана»
(20.XII—1886 г.).
 - «Ж. Б. Буссенана»
(26.III—1883 г.).
 - «Поглощение света в ассимилирующих листьях»
(12.XII—1889 г.).
 - «Фотографическое саморегистрирование хлорофилловой функции на живом растении»
(11.XI—1890 г.).
 - «О смещении абсорбционных полос спектра»
(23.III—1891 г.).
 - «Фотохимическое действие крайних лучей видимого спектра», с демонстрацией
(11.II—1892 г.).
 - «Почему и зачем растение зелено?»
(март 1886 г.).

«Физиология растений и ее отношение к земледелию». Цикл из 10 лекций
(1895 г.).

«Физиология наших хлебных растений»
(22.I—1893 г.).

Выступил с докладами:

- «Витализм и наука»
(15.X—1894 г.).
 - «Общественные задачи ученых обществ»
(1884 г.).
 - «Действие электрического света на растение»
(30.XI—1882 г.).
 - «Зависимость разложения углекислоты от напряжения света», с демонстрацией прибора
(29.IV—1892 г.).
 - «О сенсibilизаторах в искусстве и природе», с демонстрацией
(3.XI—1893 г.).
 - «Испарение воды и усвоение углерода растением»
(25.III—1894 г.).
 - «Научное и педагогическое применение фотографии»
(25.III—1894 г.).
 - «Витамины и наука»
(15.X—1894 г.).
 - «Новый способ делать научные открытия». (Ответ г-ну Монтвердо)
(17.I—1895 г.).
 - «Новые приемы исследования газового обмена в растениях»
(29.II—1896 г.).
 - «О значении ортохроматической съемки»
(28.III—1896 г.).
 - «Физиология растений на Нижегородской выставке»
(7.II—1897 г.).
 - «Значение синих лучей в процессе усвоения углерода»
(18.XI—1897 г.).
 - «Спектрофотометрия и спектрофотография»
(17.XII—1897 г.).
 - «Неизданное сочинение Сенебье»
(16.XII—1898 г.).
 - «Роберт Бунзен»
(10.III—1910 г.).
- Выступил с рефератами на темы:
- «Действие электрического света на растения»
(30.XI—1882 г.).

«Растение и фотография»
(15.X—1883 г.).

«О происхождении азота по новейшим исследованиям»
(25.III—1887 г.).

Выступил в публичных чтениях на темы:
«Круговорот углерода в природе»
(8.IV—1883 г.).

«Физиология растений»
(10 лекций — 1876 г.).

«Дыхание и брожение»
(31.III—1884 г.).

«Лишайники»
(6.IV—1885 г.).

«Опровергнут ли дарвинизм?»
(22.IV—1887 г.).

Выступил с публичной лекцией на тему «Растение-сфинкс»
(19.IV—1884 г.).

ФИЛАТОВ Н. Ф. (1846—1902)
Врач-педиатр, профессор Московского университета.

ФЕРСМАН А. Е. (1883—1945)
Минералог и геохимик, академик.

ЦИНГЕР В. Я. (1836—1907)
Профессор математики Московского университета.

Прочитал 2 лекции на тему «Детские болезни».

Прочитал лекцию «Алмаз и его происхождение»
(6.II—1912 г.).

Прочитал научно-популярные лекции на темы:
«Отношение математического познания к наукам опытным и философским»
(октябрь 1875 г., апрель 1876 г.).

Прочитал цикл популярных лекций по курсу истории математики в древнейшие времена
(февраль—апрель 1873 г.).

Прочитал цикл общедоступных лекций по элементарному курсу рациональной механики
(26.XI—1873, 15.IV—1874 г.).

Сделал публичные сообщения:
«О регуляторе для электрического света»
(лампа Чикалева)
(19.III—1875 г.).

«Способ получить от одного сильного электро-возбудителя неограниченное число отдельных независимых цепей произвольной силы»
(4.IV—1875 г.).

«Новейшие усовершенствования в динамоэлектрических машинах»
(30.XII—1875 г.).

ЧУГАЕВ Л. А. (1873—1922)
Химик, профессор.

ЧЕРНЫШЕВ Ф. Н. (1856—1914)
Геолог, академик.

ШИМКЕВИЧ В. М. (1858—1923)
Зоолог, академик.

ШТЕРНБЕРГ П. К. (1865—1920)

Астроном, профессор Московского университета.

ШИЛОВ Н. А. (1872—1930)
Специалист в области органической и неорганической химии.

Прочитал рефераты на темы:
«О количестве света, даваемого различными динамо и магнитоэлектрическими машинами, в сравнении с количеством механической силы, ими потребляемой»
(21.I—1876 г.).

«О количестве теплоты, развиваемой различными гальваническими элементами»
(21.I—1876 г.).

«Магнитоэлектрические машины».
(11.II—1876 г.).

Прочитал публичные лекции на темы:
«Живой свет и его источники»
(20.III—1901 г.).

«Происхождение химических элементов»
(1905 г.).

Сделал доклад на тему «Бактериальные воды и борьба с ними»
(26.IV—1901 г.).

Сделал сообщение на тему «Роль бактерий в круговороте углерода»
(11.XI—1900 г.).

Сделал доклад «О ходе работ экспедиции по градусным измерениям на островах Шпицбергена в 1899—1900 гг.»
(23.III—1902 г.).

Корреспондент газеты «Русское слово» сообщает, что в заключение доклада Ф. Н. Чернышев сказал: «Организовав экспедиции 1899—1900 гг., Россия внесла крупную лепту в общую сокровищницу полярных исследований и восполнила значительный пробел в познании этих островов, а тот смельчак, который дойдет до русского флага, развешивающегося на одной из высших точек внутри Шпицбергена, лучше всего оценит трудности нового научного завоевания, ради которого беззаветно трудились и русские ученые, и русские моряки, и простые мезенские поморы».

Сделал ряд сообщений на темы:
«К вопросу о паразитах саранчи»
(6.XI—1881 г.).

«К анатомии крокодилов»
(30.IV—1884 г.).

Выступил с рефератами на темы:
«О некоторых атаксических признаках лошади»
(30.I—1885 г.).

«Помеси и их значение»
(4.XII—1885 г.).

Сделал сообщение на тему «Приложение фотографии к астрономии» с демонстрацией на экране фотографий созвездий и туманностей»
(26.XI—1892 г.).

Прочитал лекции на темы:
«Химия»
(3/XII—1910 г.).

ЩУРОВСКИЙ Г. Е. (1803—1884)
Профессор геологии и минералогии Московского университета.

ЯБЛОЧКОВ П. Н. (1847—1894)
Выдающийся физик, изобретатель электрической свечи.

«Радий, его природа и роль как источника энергии»
(14.I—1912 г.).

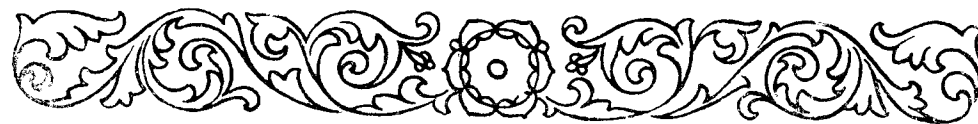
Прочитал реферат на тему «Асбест, или горная кожа из Нижегородской губернии»
(9.III—1876 г.).

Сделал доклад «Южная степная России в исторические времена или в аллювиальный период была ли покрыта лесами»
(15.X—1880 г.).

Сделал сообщения:
«Об электрическом освещении по способу Яблочкова»
(26.I—1875 г.).

«Сигнальный прибор для передачи показаний термометра»

Прочитал публичную лекцию с демонстрациями на тему «Новый способ электрического освещения».

Д. А. РАВИКОВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ СИБИРСКИХ МУЗЕЕВ В XIX в.

Вторая половина XVIII — начало XIX в. характеризуются глубокими сдвигами в экономической жизни России. Рост товарности сельского хозяйства, развитие капиталистических форм промышленности, формирование классов капиталистического общества, расширение внешнего и внутреннего рынка — все это знаменовало развитие капиталистических отношений в недрах крепостнической системы хозяйства.

В этот период экономические вопросы стали привлекать к себе особое внимание общества. Одним из проявлений этого интереса было интенсивное изучение России в экономическом и географическом отношении, проводимое путем анкетных обследований, топографических описаний наместничеств и губерний в 80—90-х гг. XVIII в., организации географических, правительственных и академических экспедиций¹.

С началом географического и экономического исследования Сибири связано и возникновение первых музеев в этом крае.

Изучение Сибири, начавшееся экспедицией Мессершмидта 1720—1729 гг. и большими академическими экспедициями 1768—1774 гг. — Палласа, Гмелина, Георги и др., особого развития достигло в первой половине XIX в. В это время на территории Сибири работали: экспедиция академика А. Ф. Миддендорфа, изучавшая внутренние районы северной и восточной Сибири (от Таймыра до низовьев Амура); картографическая экспедиция подполковника Ахте, проводившая исследования в Забайкалье и на Амуре; лингвистическая экспедиция Кастрена; амурская этно-

¹ Н. Л. Рубинштейн. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России. Сб. «Вопросы географии», вып. 31, М., 1953, стр. 39—90.

графическая экспедиция Л. Шренка и ряд других. Основанное в 1845 г. в Петербурге императорское Русское географическое общество, в задачу которого входило «собирать, обрабатывать и распространять в России географические, этнографические и статистические сведения»¹, с первых лет своего существования большое внимание уделяло вопросам изучения Сибири. В 1854—1859 гг. в Сибири работал математический отдел большой Сибирской экспедиции Географического общества, возглавляемый астрономом Л. Э. Шварцем².

В 1818 г., в Иркутске, горным инженером Г. Спасским был основан журнал «Сибирский вестник», посвященный всестороннему изучению Сибири.

В 1838—1844 гг. был опубликован двухтомный труд первого сибирского историка Словцова «Историческое обозрение Сибири».

Большую роль в культурной жизни Сибири во второй четверти XIX в. играли политические ссыльные — декабристы (Н. и М. Бестужевы, П. и А. Борисовы, Ф. Вольф, И. Якушкин и др.). Они занимались изучением природных условий и истории края, культуры и быта местного населения³.

В это же время в различных городах Сибири появились местные исследователи края, любители-коллекционеры. Так, в 30-х гг. XIX в. в Иркутске собирал гербарий сибирской флоры Н. С. Турчанинов. Гербарий его включал более 52 тысяч видов растений и считался одним из обширнейших в Европе⁴. В 50-х гг. широкую известность приобрели в Забайкалье частные музеи: А. М. Курбатова в Верхнеудинске и М. А. Зензинова в Нерчинске⁵.

Первые общественные музеи были основаны: в Иркутске — в 1782 г., в Нерчинске — в 20-х гг. XIX в.⁶, в Барнауле — в 1827 г.

Организация музеев именно в этих городах была не случайным явлением. Иркутск в конце XVIII в. был крупным административным и торговым центром Восточной Сибири; Барнаул и Нерчинск — являлись центрами горной промышленности.

Через эти города проходили маршруты экспедиций, изучавших Сибирь. Первые учебные заведения Сибири — «навигационные» школы — открылись (в середине XVIII в.) в Иркутске и Нерчинске; горные училища — в Нерчинске и Барнауле (в конце XVIII в.)⁷.

В 1781 г. в Иркутске открылась первая городская школа, с основанием которой связана организация первых в Сибири библиотеки и музея. Организаторами и главными деятелями этих учреждений были коррес-

пондент Академии наук, натуралист А. М. Карамышев, ведавший библиотекой, и почетный член Академии наук Э. Лаксман — минеролог, химик и ботаник, с 1764 г. путешествовавший по Сибири. Во время своих поездок Лаксман составил минералогические и ботанические коллекции, часть которых была положена в основу первого Иркутского музея¹.

История организации библиотеки («книгохранильницы») и состоявшего при ней музея изложена в «Предупреждении» об их открытии и в правилах пользования библиотекой и музеем, составленных в 1728 г.². В постройке здания для библиотеки принимали участие местные жители. Книги «русские и иноязычные» были выписаны из Петербурга через Академию наук.

Затем возникла мысль «снабдить сию книгохранильницу математическими, физическими и земледельческими орудиями», а также «всеми находящимися в сей губернии ископаемыми, произрастениями и животными».

В 1782 г. при библиотеке находились: «отменного искусства телескоп», «новейшего изобретения электрическая машина», «орудия приготовления целительных искусственных вод, толико в здешнем крае нужных», модели «как водоходным здешним судам, так и фабрикам», «разные породы земли, камня, соли, горючести и металлические руды»³. Иркутский музей был доступен для обозрения.

В правилах пользования «книгохранильницей» отмечалось, что из «естественных произведений никому ничто в дом не дается, но довольствуются любители и знатоки единственным зрением в книгохранильнице»⁴.

В конце 80-х гг. XVIII в., после отъезда из Иркутска организаторов музея Карамышева и Лаксмана, музей пришел в упадок. Остатки его в 1789 г. были переданы Главному народному училищу, а в 1805 г. — вновь организованной Иркутской губернской гимназии. Последнее крупное поступление в музей относится к 1804 г., когда ему был передан приобретенный после смерти Э. Лаксмана «натуральный кабинет», содержащий 300 штучков минералов и 860 раковин⁵.

Музей в Барнауле был основан в 1827 г. при содействии П. К. Фролова (начальника Колыванских заводов, сына известного механика-самоучки К. Ф. Фролова) Ф. В. Геблером, врачом Колыванских заводов, естествоиспытателем, занимавшимся изучением животных, растений и минералов Алтая. Поводом для организации музея послужила подготовка

¹ Л. С. Берг. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. М.—Л., 1946, стр. 47.

² Там же, стр. 79—80.

³ М. К. Азадовский. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири. Сб. «Сибирь и декабристы», Иркутск, 1925, стр. 77—112.

⁴ Е. Д. Петряев. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954, стр. 14—15.

⁵ Там же, стр. 207.

⁶ Точной даты организации этого музея установить не удалось.

⁷ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. Спб., 1892, стр. 554.

¹ В. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия и переписка. Спб., 1890.

² «Предупреждение» и «Правила» опубликованы в сообщении В. П. Сукачева. Первая публичная библиотека и музей в Иркутске. «Сибирские вопросы». Прилож. № 2. Спб., 1906, стр. 49—52.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 56.

⁵ П. П. Хороших. Музей Восточно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества (исторический очерк). Иркутск, 1926, стр. 3—4.

к 100-летию юбилею горной промышленности на Алтае¹, что во многом определило содержание музея, экспозиция которого была подчинена идее показа достижений русских механиков, работавших на Барнаульских заводах.

«Барнаульский музей, — писал в 1826 г. один из современников, — сохраняет имена: Фролова, Ползунова и Ярославцева, коих таланты и полезные труды без него не были бы известны, может быть, и для самих ныне служащих на заводах»².

Показу «моделей рудников, машин и разных горных и заводских устройств»³ были посвящены два зала музея. В нескольких комнатах экспонировались минералогические коллекции, чучела зверей и птиц, несколько костюмов «сибирских кочевых жителей и шаманов», вещи, «найденные в древних сибирских курганах», и т. д. Краеведческий принцип здесь не был выдержан: рядом с сибирскими птицами находились колибри; рядом с чучелами зверей, обитателей Сибири, стояли чучела обезьян и других животных Южной Африки⁴.

Экспозиция была построена комплексно и имела хорошо разработанный этикетаж.

Модели заводов и рудников показывались вместе с орудиями труда и продукцией производства: около плавильных печей были расположены «продукты в стеклянных сосудах так, что можно получить понятие об операции, производимой в каждой печи». Модели изобретенной И. И. Ползуновым паровой машины, механизмов К. Д. Фролова и другие были снабжены пояснительными надписями («золотыми литерами по черному грунту»), отвечающими на вопросы: «кем и когда какая машина устроена, долго ли существовала и кем модель сделана»⁵.

Устроители музея были знакомы с Петербургской кунсткамерой, так как в музее находились «обрубок сосны, точно такой же, какой хранится в Санктпетербургской кунсткамере, и пихта, обросшая кругом березою»⁶. Костюмы представителей сибирских народов были «устроены точно так же, как в Санктпетербургской кунсткамере»⁷.

«Нельзя не чувствовать признательности, — писал автор «Любопытного письма из Сибири», — к основателю музея в Барнауле, доведшему оный в четыре года до той степени совершенства, порядка и разнообразия, каковыми не многие подобные сему собрания могут похвалиться в самой Европе»⁸.

¹ Алтайский краевой музей. Барнаул, 1954, стр. 3.

² Любопытное письмо из Сибири. «Отечественные записки», 1827, № 84, стр. 113—126.

³ Там же, стр. 118.

⁴ Там же, стр. 125.

⁵ Там же, стр. 122—123.

⁶ Там же, стр. 123.

⁷ Там же, стр. 125.

⁸ Там же, стр. 124.

Посетителями этого музея были главным образом горные инженеры, ученые, высшие чиновники и путешественники¹.

Барнаульский музей распался с отъездом из Барнаула организатора музея доктора Геблера². К началу 60-х гг. коллекции музея были переданы в управление Алтайского горного округа и в горное училище. Часть из них была переслана затем управлением горного округа в Петербург, Вятку, Томск, Омск, Москву в ответ на обращение этих городов о подборе коллекций минералов и «древностей»³.

Нерчинский музей был создан в 20-х гг. XIX в. при горном училище Нерчинского завода. Фонды его состояли из коллекций минералов и образцов руд, гербария местной флоры, чучел птиц, коллекций насекомых, значительного количества археологических предметов. В сборе коллекций для музея принимали участие преподаватель горного училища Ф. И. Бальдаур, начальник пробирной лаборатории Г. Б. Пранг, ветеринарный врач П. А. Веслопалов и др. В 1836 г. для музея было построено специальное здание. Однако в начале 40-х гг. это здание понадобилось нерчинской администрации, и коллекции музея были расформированы⁴.

История первых сибирских музеев выявляет общие для них черты: они задуманы были как учреждения, цель которых заключалась пока не в организации исследования края, а скорее в пробуждении интереса к этой деятельности в среде местной интеллигенции, и были основаны преимущественно на местном, краеведческом материале. К середине XIX в. все три музея распались.

Недолговечность существования этих музеев была связана, очевидно, с тем, что инициатива их организации в первой половине XIX в. исходила лишь от отдельных передовых представителей местной интеллигенции, понимавших значение изучения края для его дальнейшего развития. Эта инициатива не встречала еще должной поддержки со стороны широкой общественности Сибири. Поэтому, объединив коллекции отдельных исследователей, музеи пополнялись затем от случая к случаю и легко распадались. В конце 40-х гг. XIX в. при главном управлении Восточной Сибири был организован музей «естественных произведений». В деле Минусинского словесного суда был найден документ («Указ Енисейского губернского управления Минусинскому словесному суду»), датированный 8 августа 1850 г.⁵, относящийся к организации этого музея. В «Указе» говорилось о недостаточности экспедиционных исследований Сибири, которые «были направляемы или на один какой-либо предмет исключительно, или ограничивались каким-нибудь отдельным местом»⁶, подчеркивалась важность и польза учреждения, в котором сосредоточивались бы «все разно-

¹ Алтайский краевой музей. Барнаул, 1954, стр. 6.

² Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1892, стр. 650.

³ Алтайский краевой музей. Барнаул, 1954, стр. 6.

⁴ Е. Д. Петряев. Указ. соч. Очерк «Из истории Забайкальских музеев», стр. 206—207.

⁵ Опубликовано в статье В. А. Ватина. Возникновение музея в Иркутске. «Сибирский архив». 1914, № 5, стр. 231—234.

⁶ Там же, стр. 232.

образные, разнородные произведения Восточной Сибири, также естественные и статистические сведения об ней» и предполагалось «нисколько не медля, образовать при Главном Управлении Восточной Сибири постоянный музей». Для этого надо было «во-первых, объявить по Енисейской губернии об открытии в г. Иркутске постоянного музея с выставкой при нем; ...во-вторых... пригласить к пожертвованию и содействию лиц частных, предложив им звание сотрудников по музею»¹.

В «Указе» кратко определялись предметы, нужные музею: «Замечательные произведения природы, искусства и промышленности»². К 1851 г., то есть к моменту организации в Иркутске Сибирского отдела Русского географического общества, в музее находилось около 650 предметов³.

* * *

Сеть местных краеведческих музеев Сибири сложилась в пореформенный период. Организация музеев в это время вызывалась потребностью всестороннего исследования Сибири, почти совсем неизученной, обладающей огромными природными ресурсами.

К началу 60-х гг. XIX в. Сибирь представляла собой окраину России, которую царское правительство рассматривало как обширный рынок сбыта и источник сырьевых ресурсов. Причем, использование природных богатств Сибири основывалось на жестокой эксплуатации ее коренного населения. Для развития же местной промышленности правительством не принималось никаких мер. Единственной развивающейся отраслью промышленности была здесь в 40—50-х гг. XIX в. золотообрабатывающая промышленность, в которую вкладывались крупные капиталы. Возникновение других отраслей промышленности затруднялось конкуренцией привозных товаров.

Буржуазные реформы 60-х гг. XIX в. внесли некоторые изменения в экономическую жизнь Сибири. В связи с развитием капитализма в России усилилась капиталистическая колонизация этого края. Сибирь приобрела особое значение для торгово-промышленной буржуазии центральных районов России.

Остро встал вопрос о поисках новых месторождений драгоценных металлов, полезных ископаемых и других сырьевых ресурсов.

После отмены крепостного права резко увеличилась волна переселенческого движения из центральной России в Сибирь. Все больше стала ощущаться земельная теснота и необходимость освоения неиспользованных еще сибирских земель.

В исследовании края была заинтересована также молодая сибирская буржуазия, так как местная золотообрабатывающая промышленность — основная сфера приложения сибирских капиталов — в 60-х гг. XIX в.

испытывала кризис, связанный с истощением существующих месторождений золота. К тому же проникновение в Сибирь капиталистических отношений и развитие в связи с этим внутреннего рынка сталкивалось с плохим состоянием путей сообщения, что вызывало потребность в изысканиях новых торговых путей.

Все это требовало систематического, планомерного, всестороннего сбора фактического материала о природе, экономике, истории края. Метод экспедиционного изучения Сибири не заменял теперь постоянных исследований на месте. Деятельность экспедиций была ограничена временем, местом, специальными заданиями, чем и обуславливалась отрывочность и несистематичность собираемого ими материала о Сибири. Так возникла потребность в организации в разных частях Сибири местных учреждений по изучению края. Эти учреждения должны были заниматься сбором и систематизацией материалов о Сибири, используя при этом все местные научные силы, в том числе краеведов-любителей, а также быть опорными пунктами для специальных экспедиций и отдельных исследователей, изучавших Сибирь.

Музеи были формой научных учреждений, наиболее отвечающей этим задачам, так как именно они являлись местом хранения, научной обработки, систематизации материалов, собранных в результате изучения края. Наглядность же и доступность систематизированных и выставленных в музеях коллекций способствовали пропаганде знаний о крае и привлекали к работе по его изучению любителей из различных слоев населения.

Таким образом, основным фактором организации музеев в Сибири явилась потребность в изучении края, которая вызвала в свою очередь интерес к этой деятельности в среде передовой местной общественности, принявшей активное участие в создании и работе научных обществ и музеев.

Особого развития достигло музейное строительство Сибири в 70—90-х гг. XIX в., когда в связи со сдвигами в экономической жизни края оживилась его культурная и общественная жизнь.

«Затронутый дух любознательности в сибирском обществе и жажда просвещения, — писал в начале 90-х гг. один из общественных деятелей Сибири, редактор газеты «Восточное обозрение» Н. М. Ядринцев, — способствовали в городах основанию местных музеев, рост и развитие которых представляет ныне поучительное общественное явление. Научные музеи Сибири несколько лет назад не находили почвы и падали»¹.

Нужно иметь в виду, однако, что развитие музейного строительства в Сибири — явление не изолированное. В 70—90-х гг. в России открылось около 80 местных музеев, организованных почти во всех губернских городах страны. Петербургское общество естествоиспытателей в 1887 г. разрабатывало примерный устав местных музеев. VII археологический съезд в Ярославле в 1891 г. ставил вопрос об упорядочении музейного дела на местах. Вопрос об организации музеев обсуждался в центральной и мест-

¹ В. А. В а т и н. Указ. соч., стр. 233.

² Там же, стр. 234.

³ Очерк 25-летней деятельности Сибирского отделения Русского географического общества (далее СОРГО). Иркутск, 1876, стр. 3—4.

¹ Н. М. Я д р и н ц е в. Указ. соч., стр. 649—650.

ной прессе. В 80—90-х гг. сибирские общественные газеты — «Сибирь» и «Восточное обозрение» — поместили ряд статей, посвященных вопросам организации и деятельности научных обществ и музеев. В газете «Сибирь» была опубликована статья Н. М. Мартыанова «Историческая записка о музее и библиотеке в Минусинске»¹, в газете «Восточное обозрение» статьи М. Богданова «Несколько слов о деятельности сибирских ученых учреждений»², Н. М. Ядринцева «Частная инициатива в деле общественных учреждений»³, Д. А. Клеменца «К развитию научной деятельности в Сибири»⁴, кроме того, его же доклад «Местные музеи и их значение в провинциальной жизни был опубликован в приложении к «Восточному обозрению»⁵ и т. д.

Большую роль в культурном развитии Сибири играли политические ссылки, среди которых были все поколения русских революционеров от декабристов до большевиков (в начале XX в.). Что касается участия политических ссыльных в музейном строительстве, то нельзя назвать ни одного музея Сибири, в организации или деятельности которого не участвовали бы политические ссылки.

Заметное влияние политических ссыльных на деятельность Сибирского отдела РГО начинается в 60-х гг. XIX в. После польского восстания 1863 г. Восточная Сибирь наводняется ссыльными повстанцами, среди которых были люди с высшим образованием, специалисты, ученые. С конца 60-х гг. Сибирский отдел РГО начал привлекать их к работе по изучению края.

В 1869 г. А. Ф. Усольцев, правитель дел Сибирского отдела, обратился в Русское географическое общество с запросом: «Не делаем ли мы промаха в том, что для ученых исследований по недостатку в среде членов отдела специалистов, привлекаем политических ссыльных поляков, которые, впрочем, уже пользуются правами поселенцев. Как смотрит на это Совет Общества? Откровенно сказать Вам, что я уже многих из этих ссыльных... привлек к научным занятиям, в особенности к составлению различных коллекций для музея, иначе музей наш не может обновляться, в чем по мнению моему настает крайняя нужда»⁶. На этот запрос был получен ответ от правителя дел Русского географического общества следующего содержания: «...у нас здесь решительно никто из мне известных лиц не находит предосудительным, что отдел дает ученые поручения разным образованным лицам, сосланным по какому-либо поводу в Восточную Сибирь на жительство. Притом это имеет даже и в политическом отношении хорошую сторону: эти господа, обращая свою деятельность на уче-

ные исследования, меньше имеют повода и времени думать о каких-либо зловердных предметах»¹. Этими же мотивами, очевидно, руководствовалась сибирская администрация, разрешавшая политическим ссыльным участвовать в работах Восточно-Сибирского отдела. Так, на прошение доктора зоологии Б. И. Дыбовского от 12.VII.1868 г. о переводе его и В. Годлевского в Благовещенск «дабы можно было заняться исследованием рыб амурских и составлением коллекций для Европейских музеев» последовала резолюция генерал-губернатора: «Пусть обратит свою деятельность на озеро Байкал. Перевести его в Иркутскую губернию, а труды передать Сибирскому отделу Географического Общества»².

С 1869 г. политические ссылки широко привлекаются отделом к работам по исследованию края. В 70-х гг. XIX в. лицо Сибирского отдела в значительной степени определялось деятельностью политических ссыльных — поляков Б. И. Дыбовского и В. Годлевского, изучавших фауну Байкала и Прибайкалья; А. И. Чекановского и И. Д. Черского, работавших по изучению Иркутской губернии в геологическом отношении; археолога Н. И. Витковского и др. И. Д. Черский был первым, официально назначенным консерватором Иркутского музея³. Изучением этнографии бурят в 60—70-х гг. занимался политический ссыльный, русский историк А. П. Щапов, участник революционного движения 60-х гг. В качестве этнографа-статистика А. П. Щапов вместе с И. А. Лопатиным принимал участие в Туруханской экспедиции СОРГО в 1866 г.⁴

Революционное движение 70-х гг. и наступившая затем реакция способствовали увеличению количества политических ссыльных. В Сибири появились представители революционного народничества. В условиях ссылки, оторванные от политической борьбы, революционеры-народники с увлечением отдавались научной и культурно-просветительной деятельности, находя в ней, с одной стороны, выход из тяжелых условий ссылки, с другой — единственно возможный путь продолжения той линии, которая привела их в ссылку. Этим и объясняется активное участие политических ссыльных в музейном строительстве Сибири. Ответ на вопрос, почему музеи привлекали особое внимание ссыльных народников, дает письмо А. К. Кузнецова к Н. М. Мартыанову от 28 февраля 1893 г.⁵ А. К. Кузнецов — «нечаевец», отбывший шестилетнюю каторгу на Каре, а затем поселение в Нерчинске и Чите, горячо увлекся устройством местных музеев. В 1886 г. им был основан общественный музей в Нерчинске.

¹ Ученый архив РГО, ф. 1—1866, д. 8, оп. 1, л. 363, 363 об.

² Опубликовано в статье С. Н. Лаптева. Материалы к биографии и научно-исследовательской деятельности Б. И. Дыбовского в Восточной Сибири. «Известия ГГО», т. 71, вып. 6, 1939.

³ Н. Н. Козьмин. Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (далее ВСОРГО), «Известия ВСОРГО», т. 36, 1904, № 2, стр. 10.

⁴ И. А. Лопатин. Дневник Туруханской экспедиции 1866. (Отраб. М. Н. Миклухо-Маклай), Спб., 1897.

⁵ Сб. «Памяти А. К. Кузнецова». Чита, 1929, стр. 30.

¹ «Сибирь», 1883, № 13.

² «Восточное обозрение», 1883, № 13.

³ «Восточное обозрение», 1882, № 18.

⁴ «Восточное обозрение», 1894, № 131, 142, 143: 1895, № 4.

⁵ «Сибирский сборник». Прилож. к «Восточному обозрению», 1892, вып. 2. Иркутск, 1893.

⁶ Ученый архив Русского Географического общества (далее РГО), ф. 1—1866, оп. 1, д. 8, л. 361—362.

В 1894 г., переехав в Читу, А. К. Кузнецов выступил (вместе с Н. В. Кириловым) организатором Забайкальского отдела Русского географического общества и музея при нем¹.

В письме к Н. М. Мартыанову А. К. Кузнецов писал: «Мне кажется, что местные музеи может быть в недалеком будущем, будут главными проводниками в народную массу как теоретических, так и практических знаний...

Мне кажется, что при помощи местных музеев будет пробита стена, отделяющая университетскую науку от улицы, от народной массы»². Вот эта возможность использования местных музеев в качестве школ для народных масс, очевидно, и привлекала к работе в них ссыльных народников.

Об участии политических ссыльных 70—80-х гг. в музейном строительстве Сибири можно привести много фактов. Так, Д. А. Клеменц, народовец, работал в Минусинском музее в 1883—1889 гг. (здесь он написал свою книгу «Древности Минусинского музея»), в 1890—1894 гг. был правителем Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, способствовал также организации Кяхтинского музея, прочитав в Кяхте в 1892 г. лекцию «Местные музеи и их значение в провинциальной жизни»³. Коллекции, собранные Д. А. Клеменцем, находились в Минусинском музее, музее Восточно-Сибирского отдела РГО, в Кяхтинском музее, в минералогическом музее Томского университета⁴.

В Минусинском музее работали также политические ссыльные: Л. О. Лукашевич, составитель отчета о работе музея за первые 10 лет; П. А. Аргунов, автор «Очерков сельского хозяйства Минусинского края и объяснительного каталога сельскохозяйственного отдела музея»; Е. К. Яковлев, автор капитального труда «Этнографический обзор инородческого населения Южного Енисея», Ф. Я. Кон, написавший «Исторический очерк Минусинского музея за 25 лет (1877—1902)», и многие другие. В Кяхте, наряду с местной интеллигенцией, организаторами музея были политические ссыльные И. П. Попов и Н. А. Чарушин⁵; должность хранителя Якутского музея занимали (в порядке последовательности) политические ссыльные В. Зубрилов, М. И. Сосновский, Н. А. Виташевский, В. Е. Окольский⁶. В Енисейске ведал метеорологической стан-

цией и участвовал в работе местного музея каракозовец М. О. Маркс¹, сотрудниками статистического комитета в Семипалатинске и организаторами музея при нем были политические ссыльные — народники Е. П. Михайлис, А. А. Леонтьев, П. Д. Лобановский, А. А. Блэк, Н. Я. Коншин, С. С. Гросс².

Научные интересы политических ссыльных-народников лежали в области изучения жизни главным образом коренного населения Сибири — бурят, якутов и других народов, подвергавшихся наибольшему угнетению и эксплуатации в результате колонизаторской деятельности царского правительства. В результате этнографических, антропологических и экономических исследований музеи Сибири обогатились ценнейшими коллекциями. Например, в музее Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в 60—70-х гг. преобладал естественно-исторический материал. В программу первых экспедиций отдела, возглавляемых Р. К. Мааком, этнографические исследования вообще не включались, хотя Маак и собрал во время своих поездок значительные этнографические коллекции³. В 70-х гг. А. П. Щапов, занимаясь изучением этнографии бурят, положил начало специальному собиранию и научной обработке этнографического материала⁴. В 80—90-х гг. Г. Н. Потанин и Д. А. Клеменц организовали систематический сбор этнографического материала, в результате чего этнографический отдел стал ведущим в музее⁵. Крупнейшим мероприятием Восточно-Сибирского отдела периода 80—90-х гг. была Якутская экспедиция, посвященная изучению этнографии, антропологии, экономической жизни якут. Организатором этой экспедиции был Д. А. Клеменц, финансировал ее крупный золотопромышленник И. М. Сибиряков. Особенность экспедиции состояла в том, что участниками ее были почти исключительно политические ссыльные, находившиеся на поселении в Якутской области, — Н. А. Виташевский, С. Ф. Ковалик, И. И. Майнов, В. Г. Богораз, В. М. Ионов, В. И. Иохельсон, Ф. Я. Кон и др.⁶.

Исследовательская работа этой группы политических ссыльных в Якутии началась задолго до организации экспедиции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В 1892 г. Н. А. Виташевский писал Д. А. Клеменцу по поводу научной экспедиции в район реки Татте: «От успеха этого небольшого предприятия будет зависеть и успех более крупных дел, например, хоть той же экспедиции на средства

¹ Позже, в начале XX в., отбывая вторичную ссылку в Якутской губернии за участие в Читинском революционном движении 1905 г., А. К. Кузнецов работал в Якутском музее, затем в Иркутском музее Восточно-Сибирского отдела РГО. В 1911 г., вернувшись в Читу, он восстановил там погибший в пожаре Читинский музей.

² Сб. «Памяти А. К. Кузнецова». Чита, 1929, стр. 30.

³ Опубликовано в «Сибирском сборнике», вып. 2, Иркутск, 1893.

⁴ Коллекции Д. А. Клеменца в Сибирских музеях. «Известия ВСОРГО», т. 45, 1916, стр. 356—358.

⁵ А. Орлова. Кяхтинский краеведческий музей им. акад. Обручева. (Краткий очерк деятельности музея за 50 лет). Сб. «50 лет Кяхтинского республиканского музея краеведения им. акад. В. А. Обручева», М.—Л., 1941, стр. 9.

⁶ Г. Д. Федоров. 50 лет Якутского областного музея им. Ем. Ярославского. «Социалистическое строительство», 1941, № 5, стр. 12.

¹ А. И. Кытманов. Енисейский общественный музей и обществ. публичная библиотека. Енисейск, 1886, стр. 1.

² А. А. Андрианов. Краткий исторический очерк Семипалатинского музея. Сб. «Труды Семипалатинск. окружн. музея». Семипалатинск, 1929, вып. 2, стр. 4.

³ Отчет Сибирского отдела РГО за 1856 г. «Вестник РГО». Кн. 2, ч. 22, 1858, стр. 153—154.

⁴ И. А. Лопатин. Указ. соч.; Отчет о действиях РГО за 1875 г. «Известия РГО», т. 12, вып. 1, 1876.

⁵ П. П. Хороших. Указ. соч., стр. 8.

⁶ Н. Н. Козьмин. Указ. соч., т. 36, 1904, № 2, стр. 30.

Сибирякова, если Вам удастся довести это дело до конца. Во всяком случае мы проверим и разовьем свои силы, приобретем опыт, в котором пока сильно нуждаемся... Поддержите же нас, дорогой товарищ!»¹.

Д. А. Клеменц в письме, адресованном Русскому географическому обществу от 20 ноября 1893 г., следующим образом обосновывал привлечение к работе в Якутской экспедиции политических ссыльных: «...теперь момент для исследования якутов чрезвычайно благоприятный. Там теперь пока проживает много политических ссыльных, серьезно знакомых с языком якутов, их обычаями, и людей образованных. Целый ряд статей и такие труды как якутско-русский словарь достаточно говорят сами за себя... В этом крае нет места для политических агитаций, там они... не могут и беспокоить собой правительство»².

Таким образом, политические ссыльные, находившиеся в Якутии, представляли собой, по меткому определению И. М. Сибирякова, «как бы невольную экспедицию»³. Якутская экспедиция дала ценные результаты, как в виде опубликованных научных трудов, так и в виде коллекций, сосредоточенных в основном в музее Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и частично в Якутском музее⁴.

Среди политических ссыльных были ученые, имена которых стали известны далеко за пределами Сибири. Это — зоологи Б. И. Дыбовский и В. Годлевский, геологи — И. Д. Черский и А. И. Чекановский, археолог Н. И. Витковский, этнографы — Д. А. Клеменц, В. И. Иохельсон, С. Ф. Ковалик и др.

Наряду с политическими ссыльными активное участие в музейном строительстве принимала местная разночинная интеллигенция, роль которой в культурной жизни Сибири значительно усилилась в 70—90-х гг. XIX в.

При участии интеллигенции получила развитие местная пресса: в различных городах Сибири издаются «Губернские ведомости», в Иркутске — общественные газеты «Сибирь» (с 1875 г.) и «Восточное обозрение» (с 1882 г.). В Иркутске же организовалось местное отделение Технического общества, открылись первые в Сибири сельскохозяйственные выставки в Чите (1862 г.)⁵ и в Иркутске (1868 г.)⁶. Значительным событием культурной жизни Сибири было открытие в 1888 г. в Томске первого сибирского университета.

В Сибирском отделе Русского географического Общества ведущими сотрудниками были: учитель, затем директор народных училищ,

Р. К. Маак, возглавлявший первые экспедиции отдела — Вилюйскую, Амурскую и Уссурийскую; преподаватель Иркутского военного училища И. С. Поляков, участвовавший в качестве зоолога в Витимской экспедиции 1866 г., возглавлявшейся П. П. Кропоткиным; И. А. Лопатин, горный инженер, географ и геолог, совершивший ряд экспедиций в устье Селенги, в Уссурийский, Витимский, Туруханский районы; М. В. Загоскин, писатель и журналист, правитель дел Сибирского отдела с 1875 по 1879 гг.; Н. Н. Агипитов, археолог, этнограф и натуралист, собиравший для музея Восточно-Сибирского отдела коллекции по археологии и ботанике, и др. В 80-х гг. в этнографических исследованиях Восточно-Сибирского отдела принимали участие представители молодой национальной интеллигенции — группа бурят — этнографов и фольклористов — М. Н. Хангалов, П. П. Боторов, Д. Гомбоев и др.

Крупнейший в Сибири Минусинский музей был основан по инициативе Н. М. Мартыанова, заведующего Минусинской аптекой; его ближайшими помощниками при организации музея были врач А. В. Малинин и учитель Т. Н. Сайлотов, сын декабриста Н. Крюкова. В организации небольшого, но деятельного общественного музея в Енисейске принимали участие директор местной прогимназии П. А. Карпов и врач В. Д. Жилин. Одним из организаторов Забайкальского отдела Русского географического общества был врач Н. В. Кириллов. В Западно-Сибирском отделе Русского географического общества сотрудничали: М. М. Сиязов, преподаватель Омской женской гимназии, изучавший флору Западной Сибири; И. Я. Словцов, директор реального училища в Тюмени, естествоиспытатель и археолог (личные коллекции Словцова легли в основу музея при Тюменском реальном училище); Н. П. Григоровский, лесничий, занимавшийся сбором этнографических коллекций в Нарымском крае, и др.

Говоря об участии местной интеллигенции в музейном строительстве Сибири, нельзя обойти группу лиц — участников буржуазно-либерального течения сибирских областников¹. Представители Сибирского областничества, уделяя большое внимание просветительной деятельности среди местного населения, настаивали «на необходимости университета для Сибири, просвещения, создания печати, расширения научной деятельности и пр.»². Руководители этого течения — Н. М. Ядринцев, сибирский писатель-публицист, археолог и этнограф, и Г. Н. Потанин, известный русский путешественник, исследователь Монголии, Китая и Сибири, — принимали участие в организации и деятельности научных обществ и музеев как путем

¹ Гос. архив. Иркутской обл., ф. 293, оп. 1, д. 92, л. 49.

² Ученый архив РГО, ф. 1—1872. Оп. 1, д. 6, л. 653—654.

³ Из ученой переписки Д. А. Клеменца. «Известия ВСОРГО», т. 45, 1916, стр. 159.

⁴ Г. Д. Федоров. 50 лет Якутского областного музея им. Ем. Ярославского. «Социалистическое строительство», 1941, № 5, стр. 12.

⁵ А. К. Кузнецов. Выставка в Забайкальской области сельских и др. произведений в г. Чите в 1862 г. Чита, 1899.

⁶ Описание 1-й публичной выставки, бывшей в Иркутске в 1868 г. СПб., 1869.

¹ В нашу задачу не входит всесторонняя характеристика областничества, которое, как известно, было явлением сложным и противоречивым.

Деятельность областников по изучению края, развитию производительных сил и поднятию культурного уровня местного населения имела определенное положительное значение, но вместе с тем идейно-политические устремления областников, реакционные элементы которых пропагандировали обособление края, отрыв его от страны, носили реакционный характер.

² Н. М. Ядринцев. Указ. соч., стр. 635.

пропаганды устройства местных музеев, так и путем личного участия в работе этих учреждений.

Н. М. Ядринцев, например, придавал большое значение музеям как учреждениям, воспитывающим чувство местного патриотизма. «Высоко следует ценить в деле Минусинского музея, — писал Н. М. Ядринцев в своей статье «Частная инициатива в деле общественных учреждений», — то, что он соединяет около себя все выдающиеся силы края, поднимает местное чувство на ноги и дает ему пищу и деятельность»¹.

Впервые осмотрев в 1886 г. Минусинский музей, Н. М. Ядринцев, по воспоминаниям сотрудника «Восточного обозрения» В. Ошуркова, намеревался сделать в Москве доклад о Сибирских музеях². На страницах основанной им газеты «Восточное обозрение» большое место уделялось пропаганде музейного строительства в Сибири. Ядринцев принимал также непосредственное участие в деятельности Западно-Сибирского отдела РГО, совершая по поручению этого отдела экспедиции (в 1878 г. и 1880 г.) в Южную часть Томской губернии (горный Алтай) с целью исследования этой местности в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. В результате этих экспедиций в музей отдела поступили ценные коллекции по археологии, антропологии и этнографии, относящиеся главным образом к коренному населению Алтая³.

Г. Н. Потанин с 1887 по 1890 гг. работал правителем дел Восточно-Сибирского отдела, где организовал этнографические исследования края. Часть коллекций, собранных Г. Н. Потаниным во время его путешествий, была передана ряду сибирских музеев, в том числе музеям Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского отделов РГО и в Минусинский музей.

Характерным явлением, в котором проявилась связь сибирского музейного строительства с общероссийским, было то, что среди музейных деятелей Сибири находились исследователи, приехавшие в Сибирь из центральной России с целью организации здесь местных музеев или научного исследования края. Так, Н. М. Мартянов приехал в Минусинск с заранее продуманной идеей организации местного музея. Об этом свидетельствует следующее его высказывание: «Руководимый... стремлением осуществить свое давнишнее желание — устройство местного музея, я с самого приезда своего в Минусинск в 1874 г. посвящал значительную часть времени на соби́рание необходимых местных материалов, преимущественно естественно-исторического характера... В то же время я неоднократно обращался к Минусинскому обществу, заявляя о необходимости и пользе основания в Минусинске местного музея. Мои заявления нашли себе сочувствие в среде жителей города и округа, так что уже в продолжении 1876 г. я получил множество разнообразных предметов, которые вместе с находившимися у меня коллекциями послужили основанием бу-

дущего музея¹. С целью научного исследования края в 1884 г. приехал в Сибирь врач Н. В. Кириллов, специалист по вопросам климатологии и этнологии Сибири². В 1892 г. в Кяхту приехал в качестве окружного врача Ю. Д. Талько-Грынцевич, деятельности которого Кяхтинский музей обязан археологическим отделом³.

Из среды местной интеллигенции, принимавшей участие в работе музеев, вышел ряд крупных ученых. Это — И. С. Поляков, зоолог, совершивший ряд экспедиций не только по Сибири, но и по центральной России, впоследствии сотрудник Академии наук; Г. А. Стуков, ботаник, исследователь Забайкальской флоры, начавший свою работу в Нерчинском музее; Ю. Д. Талько-Грынцевич, специалист по вопросам этнографии и археологии Забайкалья, и др.

Участие местной буржуазии в деятельности научных обществ и музеев выразилось в основном в финансировании отдельных предприятий и изданий, в денежных пожертвованиях на различные нужды музеев. Так, И. М. Сибиряков пожертвовал 10 000 рублей Минусинскому музею, 5000 рублей на постройку здания для музея прикладных знаний в Томске, свыше 10 000 рублей на Якутскую экспедицию⁴. Передовые представители сибирской буржуазии понимали значение изучения края для развития местной промышленности и торговли и, финансируя различные предприятия научных обществ и музеев, преследовали практические интересы. Так, Олекминско-Витимская экспедиция Сибирского отдела 1866 г., цель которой заключалась в поисках скотоперегонного пути от Олекминской системы до Нерчинска, финансировалась енисейскими и олекминскими золотопромышленниками — Катышевцевым, Басниным, Трапезниковым и Базановым. Туруханская экспедиция 1866 г., изучавшая край, интересный в золотопромышленном отношении, была организована на средства золотопромышленников Кузнецова, Рябкова, Токарева и Григорьева⁵. Цель Якутской экспедиции состояла, по замыслу И. М. Сибирякова, в выяснении «экономических условий жизни инородцев, окружающих и живущих в приисковом районе Якутской области»⁶.

Вообще же финансовая поддержка со стороны буржуазии имела чрезвычайно большое значение для музеев. Н. М. Ядринцев, например, счи-

¹ Н. М. Мартянов. Минусинский публичный местный музей. Каталог и краткое описание. Томск, 1881, стр. 12.

² Е. Д. Петряев. Указ. соч. Очерк — Николай Васильевич Кириллов — исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. Стр. 218—259.

³ А. Орлова. Кяхтинский краеведческий музей им. акад. Обручева (Краткий очерк деятельности музея за 50 лет), стр. 10.

⁴ «Известия ВСОРГО», т. 38, 1904, № 1.

⁵ Н. Н. Козьмин. Исторический очерк деятельности ВСОРГО. «Известия ВСОРГО», т. 35, 1904, № 2, стр. 17.

⁶ Из письма И. М. Сибирякова к Д. А. Клеменцу. Из ученой переписки Д. А. Клеменца. «Известия ВСОРГО», т. 45, 1916, стр. 159.

¹ «Восточное обозрение», 1882, № 18.

² Гос. архив Иркутской обл., ф. 293, оп. 4, д. 152, л. 4 об.

³ Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела РГО. Омск, 1902, стр. 121, 122, 124.

тал, что для развития деятельности Западно-Сибирского отдела Русского географического общества этому отделу «следует позаботиться о скоплении частных пожертвований на экспедиции, как делает это Восточно-Сибирский отдел»¹.

До сих пор речь шла о деятелях, играющих ведущую роль в организации и работе музеев. Что касается комплектования фондов музеев, то круг лиц, принимавших в этом участие, охватывал самые широкие слои населения, в том числе и крестьянство. Уже простое знакомство с музеем приводило к тому, что население несло в него различные редкие предметы, характеризующие главным образом быт и местную природу. Кроме того, наглядность коллекций, выставленных в музее, способствовала воспитанию коллекционеров из различных слоев населения.

«На моих глазах, — пишет А. К. Кузнецов, — в заброшенном Нерчинске интерес к музею развивается с каждым годом; тысячи его посетителей, выслушивая объяснения, знакомятся с тем, что прежде не слышали и не видели; в крае вырабатываются в то же время и коллекторы; возник интерес ко всему окружающему и потребность знакомства с литературой, касающейся края и т. д.»².

Значение музеев для воспитания коллекционеров отмечено также в докладной записке Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества генерал-губернатору Восточной Сибири (1897 г.). «В последние годы, — говорится в докладной записке, — Отдел организовал воскресные объяснения коллекций музея и, несмотря на всю неполноту и случайность этих объяснений, они уже принесли большие плоды тем, что публика стала живо интересоваться коллекциями музея. У некоторых из постоянных посетителей этих объяснений интерес пошел дальше — они по мере своих сил стараются оказать содействие музею своими приношениями — животных, костей, растений и т. д.»³.

В качестве примера участия народных масс в комплектовании фондов музеев можно привести следующий пример. В Минусинском музее в числе «жертвователей» были (наряду с учеными, инженерами, учителями, врачами, политическими ссыльными, промышленниками, купечеством и чиновничеством) крестьяне, как русские, так и представители коренного населения Сибири, а также казаки, охотники, рабочие-ремесленники, приносившие в дар музею местные древности, этнографические предметы, сельскохозяйственные продукты и пр. Так, крестьянин К. Семечкин собирал для музея народно-медицинские средства и коллекцию по кустарной промышленности; казак Н. Д. Садовский передал в музей этнографические предметы; крестьянин З. Я. Шышляников — кости мамонта; крестьяне К. Ф. Корчиков и М. А. Турухин — сельскохозяйственные растения; крестьянин Свиньин — китайские древние зеркала и т. д.; кожевник И. И. Васютин, кузнец Д. П. Кузнецов, камнетес Г. Г. Терехов, гончар В. И. Торо-

пов передали в музей свои изделия¹. В музее Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества коллекции буддийского и шаманского культов составились в значительной степени из пожертвований бурят². Таких примеров можно привести множество.

Что касается участия в музейном строительстве сибирской администрации и высшего слоя чиновничества, то, являясь проводниками политики царского правительства по отношению к Сибири, они в то же время отражали интересы развивающегося капитализма.

Будучи заинтересованными в организации учреждений, занимающихся исследованием природных богатств Сибири, в том числе и музеев как одного из средств капиталистической колонизации края, высшее чиновничество в ряде случаев выступало с инициативой организации научных обществ и музеев (музей при главном управлении Восточной Сибири, Сибирский и Западно-Сибирский отделы РГО). Однако участие чиновничества в деятельности обществ и музеев суживало задачи этих учреждений, превращало их, как это показывает первый период истории Сибирского и Западно-Сибирского отделов РГО, в бюрократические учреждения, в придатки к управленческому аппарату края.

Кроме того, вмешательство высшего чиновничества в деятельность научных обществ и музеев в условиях произвола местной власти, характерного для царской России, часто затрудняло нормальное развитие работ по исследованию края. Д. А. Клеменц пишет по поводу взаимоотношений Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества с генерал-губернаторами Восточной Сибири: «В наших местах тон жизни вообще много зависит от взглядов на то или другое явление начальника края, а в отношении к вопросам научным в особенности»³. «Часто благодаря замене одного начальника края другим, имевшим другие взгляды на исследования Отдела, приходилось самому Обществу останавливать начатое предприятие и ждать более благоприятного момента для выполнения его... Таким образом, Отдел находился в зависимости от усмотрения лиц, не несших никакой ответственности за более или менее успешную деятельность его»⁴.

С другой стороны, широкий размах общественной деятельности научных обществ и музеев пугал царскую администрацию. Когда Сибирский отдел РГО, возникший как ученый комитет при главном управлении Восточной Сибири, принял в 60-х гг. характер общественного учреждения, когда местные музеи и научные общества стали под влиянием передовой местной общественности функционировать не только как научно-исследо-

¹ Алфавитный список жертвователей и сотрудников Минусинского музея за 25-летие (с 1877 по 1902 гг.), составленный комитетом музея на основании архивных данных. Приложение к книге Ф. Я. Кона. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет. Казань, 1902.

² Н. Н. Козьмин. Указ. соч., стр. 22.

³ Из ученой переписки Д. А. Клеменца. «Известия ВСОРГО», т. 45, 1916, стр. 171.

⁴ Гос. архив Иркутской обл., ф. 293, оп. 1, д. 72, л. 66 об.

¹ Гос. архив Иркутской обл., ф. 293, оп. 4, д. 227.

² Там же, оп. 1, д. 92, л. 52 об.

³ Там же, д. 141, л. 17 об.

вательские, но и просветительные учреждения, тогда сибирская администрация стала препятствовать их развитию.

Отсутствие центрального органа, руководившего местными музеями, давало полный простор действиям местной администрации. Показательна в этой связи история Кяхтинского, Нерчинского и Читинского музеев. Кяхтинский музей был организован в 1890 г., однако до 1894 г., когда на базе музея было основано отделение Русского географического общества, официально он властями не признавался. «К сожалению, — писал один из основателей музея В. Н. Радаков, — Троицкосавско-Кяхтинский музей не мог доселе добиться разрешения на открытие, и, кроме того, городская дума отказывается принять его в свое ведение, мотивируя отказ свой то некомпетентностью в подобном деле, то недостатком средств. Ходатайство к местным властям об учреждении временного комитета музея тоже осталось до сих пор без разрешения, так что в строгом смысле музея там нет, но есть ряд частных коллекций, помещающихся в частной квартире»¹.

Нерчинский музей в 1894 г. был переведен городским управлением в непригодное для него помещение. А. К. Кузнецов, вступив из-за этого в конфликт с городской думой, переехал в Читку; вследствие кризиса, переживаемого музеем, и неблагоприятных сообщений в газетах о его состоянии, приток пожертвований в музей прекратился; деятельность музея пришла в упадок. «Нерчинская городская дума, — пишет с возмущением Д. А. Клеменц, — в течение десяти лет уделявшая не без протеста кое-какие гроши на музей, собиравшаяся несколько раз отнять у него помещение, теперь исполнила свою заветную мечту, свалила в кучу коллекции, так как ей помещение понадобилось на что-то другое. «Просили» думу отдать эти коллекции в Читку, но дума за 10 лет существования музея поняла, кажется, что, мол, коллекции стоят денег и воспользовалась (не злоупотребила ли?) своим правом собственности на коллекции»². Такая же судьба постигла Читинский музей, разгромленный в 1901 г. губернатором И. П. Надаровым. При этом А. К. Кузнецов «по политическим мотивам» был устранен из музея, ушли также все деятельные члены отдела «вследствие, созданных Надаровым, невозможных условий для какой бы то ни было культурной работы»³. Музей был почти уничтожен. При восстановлении музея в 1904 г. выяснилось, что из 30 826 номеров находившихся в нем предметов, после «надаровского» разгрома сохранилась только одна треть⁴. Такой произвол царской администрации справедливо возмущал музейных деятелей Сибири и вызывал мысль об отделении музеев от административных учреждений и создании научного органа, объединявшего деятельность местных музеев. «По моему мнению, —

¹ В. Н. Радаков. Возникновение Приамурского отдела РГО. «Приамурские ведомости», 1894, № 19. Прилож.

² Д. А. Клеменц. К развитию научной деятельности в Сибири. «Восточное обозрение», 1894, № 131.

³ Обзор деятельности Забайкальского отдела РГО и краевого музея им. А. К. Кузнецова за 30 лет (1894—1924). Чита, 1924, стр. 21—23.

⁴ Там же.

писал А. К. Кузнецов, Д. А. Клеменцу в 1892 г., — в Вашем докладе о местных музеях больше всего нужно обратить внимание на необходимость освободить музеи от влияния городских управ и подчинить их ученым учреждениям, но без малейшего участия местной администрации или Министерства Народного просвещения»¹.

Всячески затруднялась работа в научных обществах и музеях для политических ссыльных. Невозможность свободного передвижения, отсутствие средств тормозило их исследовательскую деятельность. Так, Б. Дыбовский и В. Годлевский в 1869 г. пишут правителю дел Восточно-Сибирского отдела А. Усольцеву относительно своих работ на озере Байкал: «Продолжать делать наблюдения и в летнее время над температурой (оз. Байкала. — Д. Р.) было бы желательно и важно для науки, но это требует издержек, на которые наши денежные средства не позволяют. Генерал-губернатор, как Вам известно, отказал выдачу пособий и ссуды»².

Разрешая политическим ссыльным работать в научных обществах и музеях, сибирская администрация в то же время подвергала их деятельность в области научных исследований стеснительному полицейскому надзору и постоянной слежке. Так, по свидетельству Д. А. Клеменца, участие политических ссыльных в Якутской экспедиции Восточно-Сибирского отдела было разрешено на условиях, «при которых сам отдел берется некоторым образом под надзор; именно — все рукописи этой экспедиции, безразлично как лиц политически скомпрометированных, так и совершенно благонадежных (в числе обозначенных сотрудников фигурируют секретарь областного комитета и два исправника) подвергались цензуре местного губернатора. Я, которому поручается руководство экспедицией, — пишет Д. А. Клеменц, — обязан докладывать г. губернатору о расходовании сумм. Условия эти проникнуты глубоким, подозрительным недоверием не ко мне лично, а к учреждению. Надзор за лицами, участвующими в экспедиции, подлежит губернатору. — об этом ни слова, но делать его цензором научных трудов, рукописей — нет основания»³. В 1896 г. участнику Якутской экспедиции Н. Геккеру было отказано во временном проживании в Иркутске для обработки собранных им материалов на том основании, что рукописи Геккера были переданы непосредственно в отдел, а не на цензуру губернатора⁴. Было запрещено пребывание в Иркутске и Ф. Я. Кону, который должен был здесь обрабатывать собранные им материалы по антропологии якутов⁵. Такие крупные исследователи Сибири, как А. П. Шапов, И. Д. Черский, Н. И. Витковский, Н. В. Кириллов и др., вложившие огромный труд в дело изучения края, не получали никакого материального пособия от государства и пользовались небольшой поддержкой Восточно-Сибирского отдела РГО, чрезвычайно ограниченного в средствах. «Мы могли только со слезами выплатить гонорарий г. Ша-

¹ Гос. архив Иркутской обл., ф. 293, оп. 1, д. 92, л. 24 об.

² Ученый архив РГО, ф. 1—1866. Оп. 1, д. 8, л. 399 об. — 400.

³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 653 об.

⁴ Гос. архив Иркутской обл. ф. 293, оп. 1, д. 118, л. 3.

⁵ Там же, л. 2, 2 об.

пову в 1018 руб., — пишет правитель дел Восточно-Сибирского отдела А. Ф. Усольцев в Русское географическое общество 29/VIII 1867 г., — Вас быть может удивит такая громадная цифра гонорария (по 50 руб. за печатный лист), но при этом следует пояснить следующее обстоятельство: г. Шапов был лишен всяких средств к существованию и при этом зимою его застигла тяжкая болезнь, а между тем, отдавшись отделу, он отказался от сотрудничества тех журналов, которые кормили его. Следовательно, не выдавая ему помесечно содержания, мы, во-первых, поставили бы г. Шапова в тяжкое положение, а, во-вторых, могли бы лишиться талантливого сотрудника»¹. В не менее тяжелых материальных условиях работал И. Д. Черский. «Бывает, — писал Д. А. Клеменц, — что исследователю остается только бежать, бежать от нашего ученого гостеприимства с разбитыми надеждами, с расстроенным здоровьем. Душевно сожалею, что теперь уже закрылась лавочка, в которой покойный Черский торговал сальными свечами, и с нее нельзя уже снять фотографию для назидания Отделу»².

* * *

Ход организации сибирских музеев во второй половине XIX в. представляется в следующем виде.

Сибирский отдел Русского географического общества был открыт в Иркутске в 1851 г. Инициатива организации Сибирского отдела исходила из Петербурга, от центрального Русского географического общества и была поддержана группой иркутского высшего чиновничества. В числе учредителей и первых деятелей Сибирского отдела Русского географического общества находились: иркутский губернатор, генерал-губернатор Восточной Сибири, офицер корпуса топографов, начальник артиллерии и т. д.³. Военно-чиновнический состав сотрудников определял и положение отдела. В начальный период своего существования отдел выступал как ученый комитет и научное бюро при главном управлении Восточной Сибири. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский был руководителем и прямым распорядителем деятельности отдела. Первые мероприятия его — Вилюйская, Амурская и Уссурийская экспедиции — были совершены по заданию главного управления. Вилюйская (1854—1865) — для разыскания месторождений драгоценных камней, соли, железа; Уссурийская — в связи с определением границ на Амуре. Амурская (1865) экспедиция была вызвана интересом ко вновь присоединенному краю⁴.

Разработанной программы деятельности Сибирский отдел не имел. Будучи первым научным учреждением Сибири, Сибирский отдел РГО за-

нимался вопросами географии, естествознания, статистики, истории, археологии, этнографии, сельского хозяйства и т. д. Обширность программы Сибирского отдела отмечалась местной прессой. «Иркутские губернские ведомости», например, в 1858 г. высказывали мысль, что на Сибирский отдел следует смотреть не как на географическое общество, а как на «Общечучное Общество, из которого впоследствии выделятся несколько ученых обществ (географическое, статистическое, археологическое, историческое, сельскохозяйственное и др.)»¹.

Такая комплексность программы, однако, была свойственна не только Сибирскому отделу, но и основанным позже обществам по изучению края отделам РГО и музеям и объяснялась положением этих учреждений как единственных научно-исследовательских центров на огромной территории Сибири. До 1877 г. не была ограничена (в пределах Сибири) территория деятельности Сибирского отдела РГО. В 1877 г. с открытием в Омске Западно-Сибирского отдела РГО, Сибирский отдел РГО был реорганизован в Восточно-Сибирский отдел. Западная Сибирь выпала из поля его деятельности².

С первого года своего существования Сибирский отдел был связан с музеем главного управления Восточной Сибири. Уже в 1852 г., готовясь к Вилюйской экспедиции, Р. К. Маак и член Сибирского отдела Н. Г. Меглицкий в докладной записке «Соображения касательно исследования Восточной Сибири особенно в естественном отношении» на первый план выдвигали задачу «сбора естественных предметов, произведений и изделий местных жителей как для отдела, так и для находящегося при Главном Управлении Восточной Сибири музеума»³.

К Вилюйской экспедиции с целью сбора коллекций для музея был прикомандирован «препаратант музеума» Фурман⁴. В представлении к награде участников Вилюйской экспедиции Маака, Фурмана и Зандхагена наряду с заслугами Маака, состоящими «в систематическом осмотре пройденных пространств по предметам географии, этнографии, статистики, метеорологии и естественных наук», подчеркивалось, что им при этом «было обращено полное внимание на сбор разнообразных коллекций, обогативших собою музеум Сибирского отдела»⁵.

В 1854 г. музей главного управления Восточной Сибири был передан в ведение Сибирского отдела и сразу же пополнился материалами по географии, ботанике, зоологии и этнографии, собранными во время Вилюйской и Амурской экспедиции⁶.

Музей в это время играл при Сибирском отделе роль хранилища материала, собранного во время экспедиций.

¹ Ученый архив РГО, ф. 1-1866, оп. 1, д. 8, л. 110, 110 об.

² Из ученой переписки Д. А. Клеменца. «Известия ВСОРГО», т. 45, 1916, стр. 168—169.

³ В. Вагин. Старое время Сибирского географического отдела. «Сибирский сборник», 1896, вып. 1, стр. 1—8.

⁴ Очерк 25-летней деятельности Сибирского Отдела ИРГО. Иркутск, 1876, стр. 6—9.

¹ «Иркутские Губернские Ведомости», 1858, № 19.

² Н. Н. Козьмин. Указ. соч., стр. 22.

³ Ученый архив РГО, ф. 1—1852, оп. 1, д. 22, л. 11.

⁴ Там же, л. 1 об.

⁵ Там же, л. 62 об.

⁶ Отчет СОРГО за 1856. «Вестник РГО», кн. 2, ч. 22, 1858, стр. 153, 154.

В связи с оживлением экономической и культурной жизни Сибири после реформы 1861 г. изменился и характер деятельности Сибирского отдела. Сибирский отдел РГО отделился от главного управления Восточной Сибири, приобрел характер общественной организации. Решающую роль в его управлении стало играть общее собрание¹. Главными деятелями отдела являлись теперь представители местной интеллигенции и политические ссыльные. Если в 50-х гг. отдел выполнял исключительно задания администрации, то теперь предприятия отдела были связаны с запросами местной буржуазии.

Изменение деятельности Восточно-Сибирского отдела сказалось и на положении его музея: в 50-х гг. музей выступал только как хранилище материалов, в 60-х гг. значительное внимание уже обращалось на научную обработку коллекций, и музей постепенно превращался в лабораторию для исследователей.

Так, в 1862 г. член отдела Н. Н. Таскин, занимаясь просмотром коллекций горных пород, подал в отдел записку о размещении коллекций, пополнении их и замене некоторых экспонатов новыми. В 1863 г. протоиерей Стуков, знакомый с монгольскими, тибетскими и маньчжурскими языками, по заданию отдела занимался описанием редкой коллекции буддийского культа². В 1868 г. А. И. Чекановскому было поручено «сделать пересмотр минералогического отделения музея и составление коллекций в том именно научном порядке, чтобы коллекции, собранные в разное время и различными лицами с известных местностей, могли бы в общем соединении вполне охарактеризовать геологическое строение этих местностей и в то же время послужили бы основанием петрографической карты»³. В начале 70-х гг. А. П. Шапов обрабатывал этнографические материалы, собранные в Верхотурском округе⁴ и т. д. Вместе с тем появилось стремление сделать музей доступным для обозрения широким массам населения. В докладе ревизионной комиссии по рассмотрению отчета Сибирского отдела за 1864 г. говорится: «Внутреннее состояние музеума и размещение разнообразных коллекций его требует значительных улучшений. Весьма желательно, чтобы на этот предмет было обращено особенное внимание консерватора и чтобы музеум наш сделался доступным и понятным массе здешней публики. Для этого было бы необходимо, приведя в систематический порядок все предметы, в нем хранящиеся, снабдить их ярлыками или записками, что дало бы посетителям музея возможность наглядно ознакомиться с замечательными произведениями края и любопытными памятниками по части местной этнографии и археологии»⁵.

Западно-Сибирский отдел Русского географического общества в Омске так же, как и Сибирский отдел, был организован по инициативе

местной администрации. В докладной записке, адресованной в Русское географическое общество, генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков следующим образом обосновал организацию Западно-Сибирского отдела: «Сибирский отдел посвятил свою деятельность исключительно Восточной Сибири. Западная Сибирь по ее географическому положению и разнообразию обитателей представляет много своеобразных явлений, изучение которых, кроме общего интереса, важно для местной администрации при решении разных возникающих, иногда весьма существенных, практических вопросов по управлению краем»¹.

Открытие Западно-Сибирского отдела состоялось в мае 1877 г. В 1878 г. было утверждено «Положение Западно-Сибирского Отдела Русского Географического общества»². Положение определяло территориальные границы деятельности Западно-Сибирского отдела, который должен был заниматься «изучением как Западной Сибири, так равно и сопредельных с нею стран Средней Азии и Западного Китая», и намечало программу его работы, достаточно обширную, в которую входило изучение края «в отношениях собственно географическом, геологическом, естественно-историческом, этнографическом, статистическом, археологическом».

Для этого, говорилось в «Положении», отдел «производит на месте ученые исследования, снаряжает экспедиции для изучения края... оказывает содействие лицам, посещающим Западную Сибирь с ученой целью, а равно и местным жителям, изучающим край, и вообще старается привлечь к исследованию его лиц, могущих быть полезными обществу познаниями». Задача отдела заключалась также «в устройстве собственного музея естественно-исторических, этнографических и археологических предметов».

Несмотря на обширную программу, деятельность Западно-Сибирского отдела РГО не имела того размаха, которым отличался Восточно-Сибирский отдел, находящийся в Иркутске. Это объяснялось особым положением Омска по сравнению с другими городами Сибири. Омск был типичным военно-чиновничьим городом. В нем находилась резиденция генерал-губернатора Западной Сибири и ряд военных учреждений: штаб военного округа, управление сибирским казачьим войском, военно-топографический отдел³. Соответственно, в составе членов отдела находились военнослужащие и чиновники. Позже положение Западно-Сибирского отдела как единственного научно-исследовательского и культурно-просветительного учреждения на обширной территории Западной Сибири, а также оживление общественной жизни Сибири привлекло к отделу внимание сибирской интеллигенции. Однако в работах отдела принимали участие

¹ Н. Н. Козьмин. Указ. соч., стр. 22.

² Отчет о деятельности Сибирского отдела в 1863 г. «Записки ИРГ7», кн. 1. Спб. 1864, стр. 2—4.

³ Ученый архив РГО, 1—1866, оп. 1, д. 8, л. 264.

⁴ «Известия РГО», т. 12, вып. 1. Спб., 1876.

⁵ Ученый архив РГО, ф. 1-1866, оп. 1, д. 8, л. 52—53.

¹ Юбилейный сборник ЗСОРГО. 1877—1902. Омск, 1902, стр. 1.

² Приведено в статье В. Ф. Семенова. Очерк 50-летней деятельности ЗСОРГО. «Записки ЗСОРГО», т. 39. Омск, 1927, стр...

³ Г. Н. Потанин. Города Сибири. Сб. «Сибирь ее современное состояние и ее нужды». Спб., 1908

в основном иногородние его члены: Н. М. Ядринцев, И. Я. Словцов, М. В. Певцов, Д. А. Клеменц, Г. Н. Потанин и др.¹.

Не имея частных «пожертвований» на экспедиции, отдел для сбора материалов о крае использовал казенные командировки своих членов². Такое положение Западно-Сибирского отдела отразилось на состоянии его музея. Музей был учрежден при Западно-Сибирском отделе через год после открытия самого отдела, то есть в 1878 г.³. Этот музей, комплектовавшийся в основном из материалов экспедиций, обладал ценными коллекциями, особенно ботаническими и археологическими. Однако, по свидетельству Н. М. Ядринцева, относящемуся к концу 80-х гг., музей Западно-Сибирского отдела находился «в крайне незавидном состоянии»⁴. Характерно, что для посетителей этот музей был открыт только в 1889 г., то есть через 11 лет после своего основания⁵. Насколько большое значение придавалось собирательской работе музея, видно из того, что Н. М. Ядринцев первоочередной задачей Западно-Сибирского отдела считал «неутомимую коллекторскую работу, которая может дать результаты и обогатить музей»⁶.

Крупным событием в истории музейного строительства Сибири явилось открытие в 1877 г. первого местного общественного музея в Минусинске⁷.

В 1876 г. Н. М. Мартыанов передал часть собранных им естественнонаучных коллекций Минусинскому училищу и этим положил начало музея. В 1877 г. городская дума вынесла решение об организации в Минусинске музея, поручив его заведование Н. М. Мартыанову.

По свидетельству Д. А. Клеменца, Н. М. Мартыанов широко привлекал к участию в устройстве музея местное население, используя при этом всякого человека, обнаружившего склонность быть полезным музею, — будь то золотопромышленник, учитель, рыбак, охотник, крестьянин.

В программе Минусинского музея, наряду с основной задачей «служить сборным пунктом для сведений о местных естественных промышленных произведениях, а также бытовых особенностях жителей Минусинского и смежных округов», большое место занимала культурно-просветительная работа с населением. Минусинский музей должен был: «служить складочным местом для коллекций и книг, имеющих научное и образовательное значение», распространять, «по мере возможности естественнонаучные и

технические знания вообще и касающиеся Мунисинского округа в частности»¹.

Позднее, с организацией промышленного и сельскохозяйственного отделов задачи музея расширились. Так, в отчете за 1879 г. Н. М. Мартыанов пишет: «На промышленный отдел музея я возлагаю полную надежду, что он окажет немаловажную услугу краю, может вызвать к улучшению существующие промыслы и возбудить энергию к организации и развитию новых промышленных предприятий»².

Программа сельскохозяйственного отдела, начало которому было положено в 1879 г., заключалась «в широкой утилизации собранного и обработанного материала на пользу местных сельскохозяйственных промыслов»³. Таким образом, Минусинский музей, по мысли его устроителей, должен был отвечать насущным потребностям края.

По своей структуре Минусинский музей был комплексным краеведческим музеем. «По нашему мнению, — пишет Н. М. Мартыанов, — местные музеи должны представлять в миниатюре все, что производится в крае, а не ограничиваться естественно-исторической частью, как это по большей части бывает»⁴.

Комплексность музея обуславливалась его положением «единственного в целом обширном районе складочного места самых разнородных предметов, интересных и достойных сохранения»⁵.

И действительно, уже в 1877 г. Минусинский музей имел естественно-исторический отдел, зачатки археологического, этнографического и антропологического отделов, промышленный и сельскохозяйственный отделы⁶.

Помимо краеведческих коллекций, в фондах Минусинского музея накапливался материал не местного происхождения — «из более отдаленных областей и чужих стран»⁷. Наличие этого материала было связано с тем, что одним из важных источников фондообразования не только Минусинского музея, но и всех местных музеев, основанных до революции, являлись «пожертвования» в музей от местного населения. Таким путем в музей попадали наряду с ценным местным материалом предметы и коллекции не местного значения. Однако этот не местный материал отнюдь не нарушал основную краеведческую направленность Минусинского музея. В 1878 г. не местные предметы были выделены в общеобразовательный от-

¹ В. Ф. Семенов. Очерк 50-летней деятельности ЗСОРГО. «Записки ЗСОРГО», т. 39, 1927, стр. 23.

² Гос. архив Иркутской обл., ф. 293, оп. 4, д. 227.

³ В. Ф. Семенов. Очерк 50-летней деятельности ЗСОРГО, стр. 19—20.

⁴ Гос. архив Иркутской обл., ф. 293, оп. 4, д. 297.

⁵ Юбилейный сборник ЗСОРГО, Омск, 1902, стр. 174.

⁶ Гос. архив. Иркутской обл., ф. 293, оп. 4, д. 227.

⁷ По истории Минусинского музея имеется обширная литература, в том числе монография Ф. Я. Кона. Исторический очерк Минусинского музея за 25 лет (1877—1902), Казань, 1902, с приложением библиографии о музее, поэтому на истории Минусинского музея мы остановимся только в плане его влияния на организацию других местных музеев Сибири.

¹ Устав музея, утвержденный городской думой 6.VI 1877 г., приведен в книге Ф. Я. Кона. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902). Казань, 1902, стр. 50—53.

² Ф. Я. Кона. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902). Казань, 1902, стр. 64.

³ П. Аргунов. Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог сельскохозяйственного отдела музея. Казань, 1902, стр. X—XI.

⁴ Н. М. Мартыанов. Минусинский публичный местный музей. Каталог и краткое описание. Томск, 1881, стр. 2.

⁵ Десятилетие Минусинского музея (1877—1887). Томск, 1887, стр. 25.

⁶ Ф. Я. Кона. Указ. соч., стр. 146—147.

⁷ 10-летие Минусинского музея. Томск, 1887, стр. 9.

дел, значение которого определялось следующим образом в отчете о работе Минусинского музея за первое десятилетие: «в особенности важен этот отдел по своему образовательному влиянию на ближайшее население. Составленные из таких диковинных предметов, которых иначе как в своем музее вовсе не удалось бы увидеть обывателю, не выезжавшему из своего города и округа, коллекции этого отдела обладают в высокой степени способностью привлекать симпатию населения к музею, делать его на месте популярным учреждением»¹.

Позднее, по образцу Минусинского музея общеобразовательные отделы были учреждены во всех вновь организуемых музеях Сибири.

Экспозиция Минусинского музея, соответственно его задачам, преследовала две цели: дать научную классификацию собранных в музее коллекций и быть доступной, понятной и практически полезной местному населению. Обилие материалов давало возможность из дубликатов, оставшихся после распределения коллекций по общепринятой в науке классификации, составлять коллекции и по другим признакам. Так, в естественно-историческом отделе музея коллекции растений были расположены по научной системе Декандоля и в то же время по сообществам и местностям распространения². При показе золотоносных песков в горнопромышленном отделе применялся такой метод: пески разделялись на составные части: в середине — самый песок, слева — постоянные спутники золота, попадающиеся в данном песке, справа случайные примеси. Так показывался ряд приисков — один над другим. Горизонтальные ряды давали представление о составе каждого отдельного прииска, вертикальные — помогали отделить постоянные спутники золота от случайных³.

В Минусинском музее были собраны замечательные по полноте коллекции, особенно в отделах естественно-историческом и археологическом. Благодаря полноте собраний и широкой публикации их Минусинский музей сделался скоро известным не только в России, но и далеко за ее пределами.

Успех Минусинского музея явился стимулом для организации местных общественных музеев в ряде других городов Сибири: в 80-х гг. «из Томска, Нерчинска и Якутска инициаторы возникающих музеев обращались за содействием к Минусинскому»⁴. Прототипом Нерчинского музея служил Минусинский музей⁵. Пример Минусинского музея вдохновил организаторов музея в Красноярске⁶, и т. д.

В отличие от научных обществ, организуемых в крупных административных и экономических центрах Сибири, местные общественные музеи возникли в небольших, отдаленных от этих центров городах: в Енисейске

(1883 г.), Нерчинске (1886 г.), Ачинске (1887 г.), Красноярске (1888 г.). Своими основными задачами музеи считали научно-просветительную работу с населением, распространение знаний о крае, практическую помощь местным промышленникам и сельским хозяевам. Образцом для них при этом служила программа Минусинского музея.

Задачи Нерчинского музея, например, определялись следующим образом, «Нерчинский музей — есть музей местный, публичный, с бесплатным входом, обнимающий богатства края, настоящую и прошедшую жизнь Забайкальской области. Музей имеет целью знакомить общество с естественными богатствами Забайкальского края, с его производительностью, с этнографическими особенностями инородцев и археологическими памятниками, причем музей должен способствовать распространению среди населения края естественно-исторических, технических и сельскохозяйственных знаний»¹.

Енисейский музей преследовал цель «собрать все произведения природы и человека Енисейского и Туруханского округов и служить хранилищем собранных коллекций, наглядным пособием для знакомства с местной природой и жизнью местного жителя, проводником разных полезных сведений по части производств и промыслов»².

Красноярский музей должен был оказывать агрономическую помощь населению. Председатель комитета по устройству музея И. А. Матвеев писал городскому голове (письмо от 17.V.1888 г.): комитет «постановил озаботиться прежде всего о сельскохозяйственном отделе музея... и при первой возможности открыть сельскохозяйственный отдел, не дожидаясь скопления материалов других отделов»³. Еще до открытия музея некоторые из приобретенных для музея сельскохозяйственных машин были представлены местному заводчику И. А. Омелянскому для ознакомления и опытов⁴.

Этой направленностью вышеперечисленные музеи отличались от музеев, организованных при отделах Русского географического общества в Иркутске и Омске, которые были преимущественно подсобными научными учреждениями для обществ.

Музеи, не входившие в систему Русского географического общества, играли немаловажную роль в изучении края. Расположенные вдали от крупных центров Сибири, они являлись собирателями и хранителями памятников материальной культуры края.

Дилетантские и варварские раскопки нанесли огромный вред историческим памятникам. Сведения об этих раскопках, производившихся в Сибири, неоднократно встречаются в источниках. В Минусинской губернии, например, до открытия музея раскопками курганов занимались: в 1843 г. — окружной начальник Мешков; результаты его работ не извест-

¹ 10-летие Минусинского музея. Томск, 1887, стр. 9.

² А. Л у р и я. Минусинский мест. музей. «Земледелие», 1902, № 2—3, стр. 144

³ Т а м ж е стр. 143—144.

⁴ Ф. Я. К о н. Указ. соч., стр. 102.

⁵ Отчет по Нерчинскому публичному музею за 1889 г. Нерчинск, 1890, стр. 38.

⁶ Т у г а р и н о в. Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания. Сб. «25-летие Красноярского музея (1889—1914)». Красноярск, 1915, стр. 2.

¹ Отчет по Нерчинскому публичному музею за 1889 г. Нерчинск, 1890, стр. 38—39.

² А. И. К ы т м а н о в. Енисейский общественный музей и общественная публичная библиотека. Енисейск, 1886, стр. 3.

³ С. Т у г а р и н о в. Указ. соч., стр. 3.

⁴ Т а м ж е, стр. 4.

ны; в 1847 г. — Кастрен — «что находил — никому не сообщал», в 1863 г. между Енисеем и Абаканом и по левому берегу Абакана копал приезжавший из Барнаула Радлов. «Известно только, что им присылались из Минусинске огромные ящики в Барнаул»¹ и т. д. После организации в Минусинске музея «не терялась и не исчезала ни одна находка»².

Кроме того, музеи были опорными пунктами для обществ изучения края и отдельных исследователей. «Только при местных музеях, — писал Д. А. Клеменц, — можно собирать и уберечь местные материалы.

Особенно важно это теперь, когда наезжает масса новых лиц в Сибирь и стараются вывозить из нее сувениры. Около местных музеев группируются местные силы; это дает возможность собирать сведения путем переписки с отдельными местностями. При небольших средствах — эти музеи дают возможность собрать материалы о любопытной местности, не посылая туда экскурсанта»³.

Не все местные музеи Сибири работали одинаково эффективно.

Царское правительство, проводя в Сибири политику, направленную против развития в этом крае науки и культуры, не оказывало музеям никакой финансовой помощи. Даже такой значительный музей, как Минусинский до 1900 г. существовал почти исключительно на пожертвования меценатов⁴. В лучшем случае общественные музеи имели небольшое и, зачастую, не регулярное пособие от города. Так, Минусинский музей в 1884 г. получил от городской думы пособие в 100 рублей, Енисейская городская дума в 1884 г. постановила выдавать музею ежегодное пособие в 300 рублей, Семипалатинский музей получил в 1886 г. единовременное пособие от городской управы в сумме 200 рублей, Нерчинский музей в 1887 г. возбудил ходатайство об ассигновании ему от городской думы 100 рублей в год⁵, и т. д. Д. А. Клеменц писал, что при тех условиях, в которых находятся местные музеи «великая заслуга этих музеев уже в том, что они существуют»⁶. Этими обстоятельствами объяснялись спады и подъемы в работе местных музеев, зависимость их от интереса, проявляемого к ним местной общественностью, от отношения к ним администрации, от смены сотрудников и т. д. Так, разрыв с администрацией привел к упадку Нерчинский музей, смена сотрудников — Красноярский.

В 80—90-е гг. значительно усилилась роль музеев при организации обществ изучения края. Научные общества: общество изучения Амурского

края во Владивостоке (1890 г.), общество изучения Алтая в Барнауле (1891 г.), Приамурский отдел Русского географического общества в Хабаровске (1894 г.) Троицкосавско-Кяхтинский подотдел Приамурского отдела РГО (1894 г.), Забайкальский отдел РГО в Чите (1894 г.) — создавались теперь или на базе существующих музеев (в Барнауле, Кяхте и Хабаровске) или с целью организации новых музеев (в Чите и Владивостоке).

При условиях, когда над изучением края работали в основном любители-краеведы, наиболее приемлемой формой научной работы являлось коллекционирование. Отсюда повышенное значение музея как хранилища собранных коллекций и места их научной обработки. «Главная задача его (местного отделения РГО. — Д. Р.), — писал Д. А. Клеменц, — должна состоять... в основании и поддержке местного музея. В нем должны быть представлены наглядно и природа и жизнь края... Без музея отделение почти что теряет свой *raison d'être* и сильно падает в своем значении... Деятельность отделения должна быть рассчитана так, чтобы она была по силам людям со средним образованием, любознательным, интересующимся природой и жизнью своего края. Здесь и должна на первый план выступить деятельность коллекторская — хороший местный гербарий со списками местных названий, полная коллекция насекомых, тщательно подобранная коллекция местных горных пород с точным обозначением места, какой-либо отдел местной фауны позвоночных, достаточно аккуратно представленный — подобные собрания не могут не обратить на себя внимания специалистов»¹.

Кроме того, приурочение местных музеев к отделам Русского географического общества, по свидетельству Д. А. Клеменца, являлось «единственным средством упрочить положение этих учреждений, дать им... определенную физиономию, хотя несколько гарантировать их от случайностей и произвола распорядителей»².

Приведем несколько примеров взаимоотношений вновь организуемых обществ и музеев при них. Общество изучения Амурского края было учреждено в связи с организацией музея во Владивостоке. «Потребность знания окружающей страны, — говорится в письме учредителей общества, адресованном в Восточно-Сибирский отдел РГО 28/VIII-1884 г., — повела к общему стремлению в Сибири устраивать музеи. Такое же стремление вызвало и в населении Владивостока мысль учреждения музея, но при обстоятельном обсуждении вопроса людьми сочувствующими идее выяснилась необходимость не ограничиваться коллекциями, но собрать также возможно полный письменный материал к познанию страны и жителей, т. е. записи атмосферных явлений, местонахождений разных произведе-

¹ Д. А. Клеменц. К развитию научной деятельности в Сибири. «Вост. Обзор» 1895, № 3.

² Там же, № 4.

В начале XX в. на базе музеев Семипалатинского, Барнаульского, Красноярского и Якутского также открылись отделы РГО, благодаря которым названные музеи, пришедшие к тому времени в упадок, были сохранены.

¹ Ученый архив РГО, ф. 1—1866, оп. 1, д. 8, л. 16, 16 об.

² Н. М. Ядринцев. Указ. соч., стр. 651.

³ Письмо Д. А. Клеменца от 30/X 1893 г. (по поводу открытия Амурского отдела РГО). Из ученой переписки Д. А. Клеменца. «Известия ВСОРГО», т. 45, 1916, стр. 174—175.

⁴ Только в 1900 г. Минусинский музей получил субсидию от правительства в сумме 1500 руб. в год. Ф. Я. Кон. «Исторический очерк Минусинского местного музея...», стр. 130.

⁵ Гос. архив Иркутской обл., ф. 293, оп. 1, д. 58, л. 191, 191 об.

⁶ Там же, ф. 293, оп. 1, д. 72, л. 66.

ний природы, памятников древностей, а также собрание песен и сказаний, описаний обычаев, записи обычного права и т. д... для выполнения такой программы необходима группа людей... нужно учреждение Общества»¹.

Приамурский отдел Русского географического общества был задуман как орган, объединяющий деятельность существовавших уже учреждений по изучению края, в том числе и музеев.

«Чтобы изучение Приамурского края могло быть поставлено правильно, — писал в 1894 г. один из организаторов отдела, военно-медицинский инспектор Приамурского округа В. Н. Радаков приамурскому генерал-губернатору Духовскому, — необходимо все возникающие в нем научные общества и музеи объединить между собой нравственной связью, что... можно достигнуть всего лучше, если бы в центре управления Приамурским краем образовался отдел императорского Русского географического общества, в который бы вошли как местные отделы: Владивостокское общество изучения Амурского края, Нерчинский музей и нарождающийся Троицкосавский»². Приамурский отдел был открыт в Хабаровске в апреле 1894 г., причем «первое осязательное проявление своей деятельности отдел выразил учреждением музея, пополнение коллекций коего ...отдел включает в число своих усиленных забот»³. В июле этого же года начали действовать Троицкосавско-Кяхтинское и Забайкальское (в Чите) отделения Приамурского отдела РГО. Благодаря первому получил официальное положение существующий в Кяхте музей, основанный в 1890 г. группой местной интеллигенции и политических ссыльных (до 1894 г. музей не признавался местной администрацией). Второе было создано с целью организации местного музея. Вся деятельность Забайкальского подотдела была теснейшим образом связана с музеем⁴.

Отделы Русского географического общества и общества изучения края, основанные в 80—90-х гг., были не только научными учреждениями, но и культурно-просветительными. Так, при музее Забайкальского отдела РГО (в Чите) были организованы в 1895 г. систематические народные чтения, библиотека и продажа народных изданий, а в 1900 г. — склад сельскохозяйственных орудий⁵. В 1899 г. этот отдел устроил в Чите сельскохозяйственную и промышленную выставку⁶, прошедшую с большим успехом. Экспозиция Читинского музея была рассчитана на широкие массы посетителей. Все коллекции музея распадались на две обособленные группы, составляющие как бы два параллельных музея: на предметы местные, собранные в Забайкальской области, и на предметы других стран. Местные предметы распределялись по следующим отделам: естественно-

исторический, антропологический, археологический, промышленный, сельскохозяйственный, отдел событий, относящихся к Забайкалью, отдел научных пособий¹.

Помимо научных обществ, изучением Сибири занимались губернские статистические комитеты, учреждения, в задачу которых входило наблюдение за состоянием местной административной статистики. В их компетенцию входило также составление описаний губернии, ее истории, промышленности, сельского хозяйства и т. д. Комитеты имели право снаряжать экспедиции для изучения края, используя при этом помощь местной администрации. Практически деятельность статистических комитетов, обладающих мизерными материальными средствами, была мало эффективна.

Однако в Сибири, в тех ее городах, где не было научных обществ вокруг статистических комитетов объединялась местная общественность. В деятельности Семипалатинского и Якутского статистического комитетов, например, активное участие принимали политические ссыльные. В результате работ по изучению края в статистических комитетах накапливались коллекции. На основе этих коллекций и организовывались музеи. Так, были созданы музеи в Семипалатинске в 1883 г.² и в Якутске в 1891 г.³. По своему общему положению и задачам они приближались к таким музеям, как Енисейский, Нерчинский, Красноярский.

В 80—90 гг. активизировалась также деятельность Восточно-Сибирского отдела РГО. В связи с организацией новых научных обществ и местных музеев поле деятельности Восточно-Сибирского отдела сузилось, ограничившись Иркутской губернией и Якутской областью⁴. Вместе с тем изменилось направление деятельности Восточно-Сибирского отдела. Если в 60—70-х гг. отдел шел навстречу интересам отдельных предпринимателей, то характерным для деятельности отдела 80—90-х гг. являлась постановка чисто научных проблем. Возможность этого была обусловлена общим развитием науки в России, а также относительным накоплением фактического материала по природе, истории и быту населения Сибири.

Новая направленность в деятельности Восточно-Сибирского отдела РГО положительно сказалась на составе фондов его музея, так как в ряде случаев коллекции составлялись теперь не случайно, а в связи с разработкой той или иной проблемы. Так, И. Д. Черский собирал материал в связи с изучением основных пород, эпох и путей образования Байкала и истоков Ангары; Я. П. Преин изучал развитие растительных форм Сибири и соответственно этой задаче подбирал свой гербарий⁵ и т. д.

Вместе с тем усилилась связь отдела с общественностью, расширилась сеть членов-корреспондентов отдела. Свидетельством этого является

¹ Гос. архив Иркутской области, ф. 293, оп. 1, д. 31, № 309, 309 об.

² Возникновение Приамурского отдела ИРГО. «Приамурские ведомости», 1894, № 19, Прилож.

³ Ученый архив РГО, ф. 1, 1894, оп. 1, д. 10, л. 7.

⁴ Ученый архив РГО, ф. 1 — 1916, оп. 1, д. 6, л. 8 об.

⁵ Обзор деятельности Забайкальского отдела РГО и краевого музея им. А. К. Кузнецова за 30 лет (1894—1924 г.). Чита, 1924, стр. 5.

⁶ А. К. Кузнецов. Обзор сел. хоз. пром. выставки в Чите 1899 г. Чита, 1899.

¹ Ученый архив РГО, ф. 1—1916, оп. 1, д. 6, л. 8 об.

² Труды Семипалатинского окружного музея. Семипалатинск. 1929. Вып. 2.

³ Г. Д. Федоров. 50-лет Якутского обл. музея им. Е. Ярославского «Соц. строительство». 1941, № 5.

⁴ Н. Н. Козьмин. Указ. соч., стр. 22.

⁵ Там же, стр. 27—29.

восстановление музея, погибшего во время большого иркутского пожара в 1879 г. В пожаре погибли собранные в течение 30 лет коллекции музея по зоологии, ботанике, минералогии, палеонтологии, этнографии, археологии, заключавшие до 21 300 номеров предметов¹. Гибель музея приостановила деятельность отдела, лишившегося научной базы². Характерно, что в восстановлении музея приняли участие не только сотрудники отдела, но и представители всех слоев населения из различных городов Сибири. Так, Н. М. Мартянов передал в музей коллекцию растений Минусинского округа, минусинский купец Г. Сафьянов пожертвовал в Иркутский музей коллекцию минералов и горных пород³, Н. Агапатов передал отделу коллекцию отпечатков юрской эпохи⁴; А. Адрианов — гербарий и энтомологическую коллекцию⁵, горный инженер Ободовский прислал в Иркутск коллекцию горных пород одного из приисков Амурской области⁶. Н. К. Асламов, узнав, «что в пожаре, бывшем в Иркутске, сгорел богатый музей Русского императорского общества», предложил присылать для музея из Китая экземпляры животных, птиц, насекомых и растений⁷; ламы и прихожане Гычегуевского дацана передали в музей этнографические предметы⁸. Средства на постройку здания для музея в сумме 12 500 рублей были собраны среди местных промышленников и купечества⁹. В результате уже в 1883 г. музей Восточно-Сибирского отдела был восстановлен и открыт в новом здании¹⁰.

* * *

Изложенная выше история организации сибирских музеев позволяет сделать следующие выводы:

1. Возникновение музеев в Сибири во второй половине XIX в. явление не случайное. Оно было вызвано развитием капитализма в России после буржуазных реформ 60-х гг. XIX в. и связанной с этим потребностью изучения природных богатств, экономики и истории Сибири. Музеи при этом выступали как одно из средств экономического освоения края. К концу XIX в. Сибирь имела 18 музеев — при обществах изучения края — в Иркутске, Омске, Кяхте, Владивостоке, Барнауле, Хабаровске и Чите; музеи при статистических комитетах — Семипалатинске, Тобольске и Якутске; музеи при учебных заведениях — в Тюмени, в Томске, местные общественные музеи при городских самоуправлениях — в Минусинске,

Енисейске, Нерчинске, Ачинске, Красноярске и Благовещенске. Среди сибирских музеев находились научные учреждения, много сделавшие для изучения края и игравшие большую роль в его культурной жизни: Восточно-Сибирский отдел РГО с музеем, Минусинский местный общественный музей, Забайкальское и Троицкосавско-Кяхтинское отделение РГО с деятельными и богатыми по содержанию музеями; небольшие, но активные в своей деятельности музеи в Енисейске и Тобольске.

2. Будучи единственными научно-исследовательскими и культурно-просветительными учреждениями на территории Сибири, музеи привлекали к себе внимание передовой общественности. Изучение вопроса о роли общественности в организации и деятельности музеев выявляет сложный классовый состав и различные устремления представителей разных общественных прослоек, принимавших участие в музейном строительстве Сибири.

Так, высшее чиновничество и буржуазия, поддерживая музеи, были заинтересованы в практических результатах изучения края.

Специалисты-ученые (Кропоткин, Черский, Дыбовский, Чекановский, Обручев) использовали музейные собрания в научных целях, обобщая их в своих трудах; вместе с тем ученые обогащали музеи коллекциями, собранными в связи с разработкой той или иной научной проблемы.

Общественные деятели Сибири (Ядринцев, Загоскин, Вагин и др.) принимали участие в музейном строительстве, считая, что местные музеи способствуют развитию производительных сил края и играют большую роль в воспитании чувства местного патриотизма.

Такие энтузиасты музейного дела, как Н. М. Мартянов, А. К. Кузнецов, Д. А. Клеменц и большинство политических ссыльных, видели в музеях научно-просветительные учреждения, содействующие распространению культуры и научных знаний в широких народных массах.

Представители народных масс, посетители музеев, получавшие знания о крае, своими «пожертвованиями» пополняли фонды музеев.

3. На развитии сибирских музеев отразилась общая политика царского правительства в области науки и культуры. Музеям пришлось преодолеть противодействие со стороны местной администрации, боявшейся широкого размаха их просветительной деятельности. Деятельность сибирских музеев в значительной степени основывалась на частной инициативе и частной благотворительности, что определяло неравномерность, спады и подъемы в их работе. Все эти трудности снижали размах музейного строительства. Однако они преодолевались силой общественного движения.

¹ Гос. архив Иркутской обл., ф. 293, оп. 1, д. 15, л. 255.

² Там же. Заметки Ядринцева о деятельности Сибирских отделов РГО 1880-е гг., ф. 293, оп. 4, л. 227.

³ Там же, ф. 293, оп. 1, д. 11, л. 133.

⁴ Там же, ф. 293, оп. 1, д. 15, л. 215.

⁵ Там же, л. 237.

⁶ Там же, л. 290.

⁷ Там же, д. 21, л. 89.

⁸ Там же, ф. 293, оп. 1, д. 58, л. 211, 211 об., 212.

⁹ Там же, ф. 293, оп. 1, д. 18.

¹⁰ П. П. Хороших. Указ. соч.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
<i>В. К. Гарданов.</i> Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917—1920)	7
<i>О. В. Ионова.</i> Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет Советской власти	37
<i>А. М. Разгон.</i> Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861—1917)	73
<i>Н. Н. Поздняков.</i> Политехнический музей и его научно-просветительная деятельность в 1872—1917 гг. (Работа передовых русских ученых в Политехническом музее)	129
<i>Д. А. Равикович.</i> Из истории организации сибирских музеев в XIX в.	159

ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Сборник статей

Редактор А. Д. Скопечная. Художник-оформитель Э. А. Гутнов.
Техн. редактор М. В. Таирова. Корректор И. В. Дзегилевич.

Сдано в набор 22.X-56 г. Подп. к печати 22.I-57 г. Форм. бум. 70 × 92.
Физ. печ. л. 12. Усл. печ. л. 14,04. Уч.-изд. л. 14,7. Тираж 3000. Л-55333.
Изд. инд. ДМ-53. Цена 7 руб. 35 коп.

Госкультпросветиздат, Москва, проезд Владимирова, 9-а
Заказ № 676. Типография ГКПИ, Москва, ул. Маркса и Энгельса, 14